

Сумасшедшее лето
КРАСНОЙ
шапочки

Julia Liss

Эта история о современной красной шапочке и очень милом обаятельном волке.

Что может быть общего у избалованной городской девчонки и простого деревенского парня?

Павлина, провинившись, оказывается посланной к бабушке в деревню на все лето, что не может не огорчать ее, ведь у нее столько планов было на эти заветные каникулы. Впереди поступление в университет, где ее ждет ее мечта... Звезда второго курса, в которого влюблен весь ВУЗ и Павлина — не исключение.

Женя — первый парень на деревне просто плывет по жизни, не желая ничего менять.

Судьба уготовила им встречу, чтоб столкнуть лбами две противоположности. А что бывает, когда сталкиваются два, совершенно не похожих друг на друга, мира? Возникает либо горячая ненависть, либо жгучая любовь. А может, все сразу?

Сумасшедшее лето красной шапочки

Глава 1. Привет, Ромашково!

Вступление

Привет, я девочка с не сильно распространённым (да и не очень красивым и изящным) именем Павлина. Когда моя мама рожала меня, видимо, у неё при родах умерла фантазия и она доверила назвать свою новорожденную дочь своей бабушке! Которую, к слову, я даже не помнила, потому что она умерла спустя год после моего рождения. Мой прадед Павел погиб на войне, и внука решено было назвать в его честь. Только судьба показала им фигу и подкинула в эту семью меня. А прабабушка показала судьбе в ответ две фиги и назвала меня Павлиной. Спасибо, что прадеда звали не Роман, а то пришлось бы мне жить какой-нибудь Розмариной.

Мне 17 лет, я закончила школу с золотой медалью. Гордость школы, своей семьи. Знаю несколько языков, потому что мои родители всерьёз настроены, вырастить их чадо образованной многогранной личностью, которая могла бы в будущем встать во главу семейной фирмы. Или хотя бы найти себе достойного мужа, который пришёлся бы " по вкусу " моему отцу.

Курсы по шитью, музыкальная школа, гимнастические кружки, бальные танцы. Не осталось в этом городе незамеченных моей мамой курсов, кружков, уроков, мастер-классов. В подростковом возрасте меня засунули в спорт. А точнее — в теннис. Надеюсь, умение громко кричать и отбивать предметы ракеткой мне очень пригодятся в жизни.

Для своей мамы я была большим экспериментом. Ещё до моего рождения она начала скупать всю литературу связанную с рождением детей. Сначала она воспитывала меня по французской методике. Все было по режиму, еда, сон, игры. Слово " нет " не обсуждалось и не имело никаких других подоплёк, кроме полного категоричного отказа. На смену французскому методу пришёл немецкий. Не могу сказать, что это офигеть прям какая разница. Единственное, что изменилось — мама призывала планировать свой день, писать списки. Заставляла планировать расходы своих карманных денег и все-все записывать в блокнот или дневник. Нет, ее дед был убит немецкими фашистами, а она свою дочь воспитывает по их методике. Страшная женщина.

Когда игры в немецкую колонию строгого режима ей надоели, она прочитала о мудрой американской методике. Она, кстати, нравилась мне больше всех. Мне дали полную свободу выбора куда я хочу ходить, чем я хочу заниматься. Родители начали советоваться со мной в каких-либо вопросах, которые так или иначе касались меня. Но и этот метод воспитания на подошёл моей маме, поэтому она начала строить свою теорию основанную на собственном опыте. Это дело слишком затянуло ее, сильнее даже чем моё воспитание, и она начала публиковать свои статьи, проводить всякие тренинги для молодых мам. Было удивительно, но ее слушали! Восхищались и подражали! К ней ходили даже многодетные мамы, которые могли бы дать ей фору в скорости смены памперсов. Сейчас моя мама уже год трудится над своей книгой. Ведёт ночной образ жизни. Видимся мы с ней иногда утром, но она не всегда замечает меня, за клацанием кнопок на своём ноутбуке.

Мой отец — крупный бизнесмен. У него своя строительная фирма. По образованию он обычный строитель. Упёртый и целеустремлённый строитель, который смог пробиться сам из самых низов. Он не читал никаких книг по воспитанию. И если я назову ему имя " Памела Друкерман "*, он предложит купить мне билеты на ее концерт, в то время, как мама начнёт

цитировать. Отец воспитывал меня по родной русской методике — оступился/провинился — получи наказание. Сделал что-то хорошее/ добился чего-то — лови поощрение.

Мои родители на первый взгляд были жутко разными и несовместимыми. Моя мама такая утончённая, творческая, она не ходит, а парит, как бабочка над цветком. А мой отец — обычный мужик из народа. Любит борщ, не против засесть перед телеком и пропустить за ужином стаканчик хорошего пива. К творчеству он не касался ни одним волоском. Зато когда они вместе — это просто самая счастливая парочка, которую я только знаю. Я тоже хочу так. Они — мой идеал. И поэтому я делала все, чтоб не расстраивать их. С энтузиазмом (не всегда искренним, но все же) поддерживала каждую мамину идею. Прикладывала все усилия, чтоб добиться успехов и стать лучшей во всем, за что бралась. Не без усилий, но все-таки, мне это удавалось. Я и ни разу не ослушалась их. До определенного момента...

Глава 1

" Награда всегда найдёт своего героя" — говорил мне в детстве мой дедушка. Он был ребёнком войны и не понаслышке знал о ней. Эта фраза — единственное воспоминание, связанное с ним, что так крепко засело в моей памяти. Раньше я не задумывалась о смысле этих слов, но спустя долгие годы, я в полной мере ощутила на себе действие этого правила.

Я знала, что мой проступок, не пройдёт для меня незамеченным. Но вот только о глубине своего наказания — могла только догадываться.

— Катя, присоединись к нам, пожалуйста, — призвал отец мамино внимание, собрав нас всех за нашим круглым столом.

— Да-да, я вся ваша, сейчас только главу доработаю... — под конец мать забубнила, и слов было не разобрать, не уверена, что они вообще адресованы нам.

Отец махнул рукой. Я мысленно сделала тоже самое и сконцентрировалась на отце. Он был очень серьёзен: брови нахмурены, руки в замке перед собой, на лбу испарина. То ли от волнения, то ли от июньской духоты. Хотя, с чего бы ему волноваться? Это же не он сбежал ночью из дома на вечеринку, напился, еле дополз до дома, а утром ещё выдыхая алкогольные пары прямо в лицо отца, пытался доказать, что он взрослая девочка и отвечает за свои поступки. На секунду представила эту картину и усмехнулась.

— Тебе весело? — отец уловил мою улыбку, которая была вообще не к месту.

— Извини, пап. — я стёрла веселье с лица.

— Итак, юная леди, ты же не думала, что сможешь избежать наказания?

Вообще-то думала, потому раньше родители сразу накладывали свои санкции. Обычно это отключение интернета. За что-то более серьёзное — домашний арест. А тут вечеринка была три месяца назад! Три! Я уже успела и забыть об этом. Вот только в последнее время отец все чаще напоминал мне о моем позорном утре, что наводило меня на мысль, что наказание будет очень изощренным.

— Конечно, нет, пап. — лгу я.

— Хорошо, мы с твоей мамой посоветовались... Катя! — отец делает ещё одну попытку вырвать мать из технического рабства.

— Да, я полностью поддерживаю твоего отца, — мать ткнула пальцем, видимо указывая на отца, но попала на кофемашину. Отец закатил глаза.

— В общем, мы решили, что на все лето ты поедешь в деревню к бабушке.

— Что?! — возмущаюсь я и вскакиваю со стула.

— Ты все правильно услышала, Павлина.

"Ты все правильно услышала, Павлина", мысленно кривлю его. Павлиной он называл

меня не часто. Лишь, когда хотел показать всю серьёзность ситуации.

— Да, почему сразу в ссылку?!

— Во-первых, это не ссылка. Отнесись к этому, как к отдыху в деревне перед поступлением в университет. А, во-вторых, твоя бабушка жалуется на усталость. Ей нужна помощь. К тому же, ты не была там уже сто лет.

И ещё столько бы не была. Что там делать?! "Как к отдыху". Я училась чертовых 11 лет только на "отлично". Ни разу без уважительной причины не пропускала школу, курсы, кружки и прочую ерунду, без которой я бы выросла недалеким гопником, который считал бы, что эскалоп — это рыба. Сдала все ЕГЭ на самые высокие баллы. И планировал провести это свободное лето с друзьями, со своей взбалмошной подругой Стаськой. Мы с ней — два сапога. Станислава и Павлина. Прямо — таки парад глупых имён. Так, о чем это я? А! Это просто плевок в души моих стараний за все эти долгие годы! Нельзя же так наказывать меня за единственный проступок! Разве такого отдыха заслуживает образцовая дочка, которая отступилась лишь разок?

— Пап, ну я правда осознала, что была неправа. Мне жутко жаль, что все так получилось... — я судорожно подбираю слова, словно ключик к сердцу своего отца.

— Извини, уже все решено, — отец подходит ко мне и целует в макушку. — попробуй получить от поездки удовольствие, пончик.

— Не называй меня так, — обреченно выдыхаю я, понимая, что папа давно сменил все замки, под которые запер свою жалость.

Отец уходит в свой кабинет, а мне хочется биться головой о стену, чтоб только не ехать в эту дыру. Я жалостливо взглянула на маму, которая даже не заметила, что разговор окончен и стол опустел. Где мне искать поддержку? А нигде! Нажаловаться бабушке, что меня отправляют к ней на исправительные работы? Глупо. Мама, вообще не станет вникать в ситуацию. Она лишний раз не отойдёт от ноутбука, даже, чтоб покушать. Так что искать в ее лице адвоката — даже не стану пытаться. Может папа остынет и передумает?

Тоже под большим сомнением. Потому как отягощает очень тот факт, что после моего вечера непослушания, вышла не очень приятная статья. Оказывается, меня где-то подловил журналюга, в не самом пристойном виде. А для моего папы статус семьи — очень много значит. Не больше чем я, но все же.

Да мне и самой было дико стыдно. Я впервые в жизни пробовала алкоголь, и кончилось это очень печально. Моё веселое лето пало жертвой минутного веселья. Остаётся только смириться.

— Пончик, давай быстрее! — доносится крик отца.

Да, давай, Павлина, торопись на свою смерть. Мучительную, скучную смерть. Я взяла свой чемодан, который напихала всем, чем только могла, чтоб хоть как-то развлечь себя в этой Хоцапетовке. Ну, нужно надеяться на лучшее. Я не была там лет 10. Может, за это время деревня разрослась до размеров мегаполиса и стала мировым центром развлечений. Ага, стал бы тогда меня отец отправлять туда набираться ума.

— Павлина! Если сейчас же не спустишься, поедешь на электричке!

Какая уже разница... Беру свою красную шляпку, без которой я точно не обойдусь летом, и спускаюсь вниз. Мама с отцом стоят у порога и что-то обсуждают. Надеюсь, возможность отмены моего наказания. По такому случаю, как спихивание ребенка на бабушку, мама даже оторвалась от своей книги. Чудеса какие! А папа говорил, что этим

поступком я принесла лишь неудобства. Вон какой подарок я сделала ему. Целых пять минут разговора с законной женой.

— Наконец-то, — замечает меня отец. — Мы уж думали, что ты сбежала.

— Черт, как я об этом не подумала, — я отдаю чемодан отцу.

Если честно, то думала, конечно же. Просто после этого, они бы отправили меня не в деревню к бабушке, а на Чукотку разводить оленей. Поэтому лучше я перетерплю пару месяцев. К тому же все лето я там не смогу провести потому, как мне еще нужно заниматься поступлением. А это тоже не из легких дел.

— Я жду тебя в машине, — отец разворачивается и выходит.

— Мам, — взмолилась я, — скажи, что это шутка.

— Увы, пончик, ты доставила нам кучу проблем. Ты представляешь, что скажут мои читатели, если узнают о твоём поведении? Даю советы по воспитанию чужих детей, а свою не могу контролировать. Хорошо, что я взяла псевдоним себе.

Понятно, на мать надеяться не стоит.

— Тогда не забудь выделить главу, под такой метод воспитания, как "отослать ребенка подальше и не решать проблем вовсе".

— Павлина, это запрещенный прием. — я знаю, что давить на нее, через "дело ее жизни" — нечестно, но что мне остается? — и он не подействовал на меня.

Попытаться то стоило. Мама обнимает меня так крепко и ярко, что у меня шляпа слезает с макушки на лицо. Я нехотя отстраняюсь, поправляю шляпку и иду к двери. Раз уж ничего сделать нельзя, приму этот факт с гордо-поднятой головой.

До деревни Ромашково ехать часа четыре. Может, даже больше. Когда-то я жила здесь. Вернее мы жили. Вместе с бабушкой. В деревне я даже пошла в первый класс. Потом мой отец принял решение ехать в город в поиске работы, и не стал оставлять нас здесь. За десять лет отец с мамой приезжали всего пару раз в Ромашково. И то без меня, потому что мама не могла позволить пропустить мне какое-нибудь важное занятие на гусях. Да, я и не сильно стремилась вернуться в дыру (хоть и родную).

Сказать честно, я слишком привыкла к хорошей жизни. Кино, кафешки, встречи с друзьями. Тот же интернет, который, надеюсь, дополз до Ромашково. Я не представляю свою жизнь без всего этого. А сейчас мне предстоит отличное испытание суровой реальной жизнью простого русского народа.

Хотя, я не думаю, что моя жизнь там станет невыносимой. Бабушка — Любовь Степановна — была очень понимающим человеком. Всегда защищала меня от фанатических идей моей мамы, насколько это было возможно. Присылала мне вкусное варенье и компотики. Пару раз приезжала на мое день рождения в город, отчитывала маму за чрезмерное внимание моему воспитанию, упрекала мамину еду, да и вообще любила она маму позлить.

Но у нас с бабушкой идиллия. Даже отец нашел с ней общий язык, хотя как принято у всех мужиков: теща — зло.

Ждать наказания от бабушки — не стоит. Поэтому осталась только одна проблема: скука! Что делать в Ромашково? Чем себя занять?

Я взяла с собой пару книг, их мне хватит на неделю. Взяла планшет, и если там будет интернет, смогу убивать время за просмотром фильмов и зависанием в социальных сетях.

Смогу даже переписываться с Ильей.

При мысли о нем мое сердце заскакало, а олени в животе стали танцевать польку.

Илья — мальчик, который нравится мне уже почти год. Мы познакомились с ним, когда я ходила на подготовительные курсы в универ. Он учится на втором курсе в ВУЗе, куда я хочу поступать. Мы случайно столкнулись в коридоре, и по законам жанра у меня в руках были тетради, книги, которые все разлетелись по полу. Он помог мне собрать их, потом довел до аудитории и добавился в друзья вконтакте. Пару раз мы даже переписывались. Может, однажды мне хватит смелости позвать его погулять, а пока я позволяю себе жить на его страничке, контролируя всех его новых друзей-баб. Но через пару месяцев ада, я наконец-то смогу видеть его каждый день в стенах универа! Ради этого стоит перетерпеть испорченное лето.

А! Еще я взяла с собой фотоаппарат и смогу пофотографировать живописные места, если там таковые имеются. Хотя, я и люблю снимать портреты, но выбирать не приходится. В общем, не пропаду. Тем более лето, бабушкин огород, сад...М-м-м-м, чую запах неудержимого веселья.

Машина резко прыгает, я понимаю, что мы попали в ямку. Или наехали на кочку. Затем, отец резко давит на тормоза.

— Черт!

Он выскакивает из машины и обреченно смотрит на передние колеса. Я выхожу тоже и иду к нему.

— Ну, все. Приехали. — выдыхает он.

Я смотрю на сдутые лопнутые колеса, и внутри даже зарождается надежда на то, что отец признает, что везти меня в эту глушь — плохая идея.

— Что будем делать? — пытаюсь скрыть радость в голосе, спрашиваю я.

Отец оглядывается.

— Ты поедешь дальше на электричке, здесь осталось всего пол часа. А я буду ждать помощь, или позвоню Роману, чтоб он привез еще одно запасное колесо. Будь трижды прокляты эти дорожные работнички!

— На какой еще электричке?

— Вооон, видишь? — отец кивает на небольшую ветхую остановочку около рельс. — Там сядешь, выйдешь на станции " Первомайская". Оттуда минут двадцать пешкой в направлении " Ромашково", а дом, думаю, найдешь.

— Ты серьезно? У меня же полный чемодан вещей. И деньги. И телефон новый дорогой. Вдруг меня обворуют?

Папа усмехается:

— Здешним твой телефон вообще не нужен. Они им разве что смогут орехи колоть.

— Пап, подумай еще раз. Я у тебя единственный ребенок вообще-то. Или нет? — прищуриваюсь я.

— Конечно, да. Поэтому слушайся меня.

— Ладно, помоги хоть дотащить чемодан до остановки.

— Пойдем.

Отец достает чемодан из багажника, и мы вместе пробираемся до остановки. Ту самую электричку пришлось ждать аж пол часа! Я со слезами на глазах обняла отца и впихнулась в переполненный вагон.

Там было жутко душно, воняло пылью, дешевым одеколоном и еще чем-то не очень приятным. Люди смотрели на меня, как на пришельца. Я посильнее надвинула свою шляпку на глаза и отвернулась к окну.

Пол часа тряски, вечных толканий и назойливых взглядов и из динамиков наконец-то донеслось, что следующая станция Первомайская.

На моё счастье, или на мою беду, на станции со мной не вышел никто. Похоже, Ромашково — не такой уж популярный населенный пункт, если из набитой до верха электрички одна я намылила туда свои лыжи. Вернее намылили их мне против собственной воли.

Я взглянула вверх. Солнце уже адово палило, на небе ни облачка. Рядом ни одного дерева, чтоб укрыться в его тени. Хорошо, что хоть шляпа защищает мою голову. Я огляделась, нашла указатель " Ромашково" и поплелась по дороге, волоча за собой чемодан, который теперь мне был не в радость. Зачем вот мне столько вещей тут?

Я шла минут десят, солнце обжигало мои плечи, спину. Уже чувствовались лёгкие пощипывания, как при ожоге. Просто превосходно! Моя кожа не предназначена для такого загара! Она слишком нежная и чувствительная. Я даже в мае умудряюсь покрываться волдырями, а сейчас, наверно вообще облезу, как старый ботинок.

Сзади послышался рёв машины, сопровождающий свистом, тарахтением. Я даже оглянулась, чтоб посмотреть на то чудо, что так "незаметно" катит. Это был грузовичок цвета хаки. Модный цвет в этом сезоне, только машина, жаль, была в моде по-моему во времена великой отечественной.

Грузовик подъехал ко мне, сбавляя скорость. От его гула у меня заложило уши.

— Садись, подвезу тебя, Красная Шапочка, — кричит водитель.

По голосу, молодой. А там, кто его знает? Внешность не видна из-за высоты машины. Или из-за ослепляющего солнца.

— Спасибо, — стараюсь перекричать грузовик, — но я не уверена, что ты сам доедешь. Так что, я лучше пешком.

— Ну, твой выбор, — кричит сердобольный водитель и пуская клубы чёрного дыма прям мне в лицо уезжает. Я закашлялась от едкого запаха, осевшего неприятным остатком у меня в горле. Вот же, олень!

Я расстроенная и униженная поплелась дальше, поджариваясь, как курочка на гриле. Вот было бы здорово сейчас вызвать такси. Я взглянула на телефон. Связи нет ни одной чертовой палочки. Когда я дошла до Ромашково, мои ноги были чёрные от придорожной пыли, как и мой чемодан. А сама я по цвету кожи была похожа на маленького разозлённого чертёнка. Хотя, я таковой и была!

Дом бабушки я нашла без труда. Ничего не изменилось в этой деревне. Только грузовик с мудаками рассыпался тут. Я вспомнила того водилу с дороги и мне жутко захотелось надавать ему по голове и научить манерам!

— Когда я стану президентом, я запрещу существовать деревням, куда не ходят автобусы! — возмущаюсь я, заходя в дом.

— О, принцесса приехала! — восклицает бабушка и несётся ко мне навстречу с распростертыми руками. Она целует меня в обе щеки, осматривает меня, как куклу фарфоровую, — какая худая! Ну ничего! Исправим. — она обнимает меня за обгорелые плечи и из меня вырывается непроизвольное " ой". — Где ты так обгорела? — заботливо смотрит на мою покрасневшую кожу.

— Пока шла до тебя.

— А где твой отец? Он же должен был привезти тебя.

— Он не доехал. Выживают сильнейшие, ба.

— Что ты такое говоришь?

— Да колесо у него лопнуло, остался ждать мастеров. А меня отправил на электричке.

— Фу ты, ну ты... Что ж ты меня пугаешь так, Паш?

— Ну, извини, ба.

— Как же ты похожа на свою мать. Она в юности была такой же красавицей. — у бабушки навернулись слезы. Нет, я к этому не готова.

— А у тебя есть что-нибудь от загара? — перевожу тему.

— Конечно, пойдём! — бабушка берет меня под руку и ведёт на кухню. — мы сейчас тебя намажем сметанкой.

Ну, начинается. Так, терпеть Павлина, терпеть.

— А у тебя тут ничего не изменилось, — замечаю я, оглядывая, все те же, все тот же сервант с хрусталем.

— Да, и комната твоя не тронута.

А вот это меня не радует. Моя комната была вся розовая, на стенах были написаны разные глупые надписи, которые мы делали с мамой. В общем, она детская!

— А здесь есть интернет? — решила попытать удачу.

— Не знаю я ничего про твой "интервет", — отмахивается бабушка. — на кой он мне нужен? Вот если от твоего "интервета" жук колорадский с картошки слез, я бы может и поинтересовалась. А так...

Вот и все. Отрезана от цивилизации. А ведь могла сейчас пить прохладный коктейль со Стаськой, кататься на роликах в парке. Просто отдыхать в компании друзей.

А что сейчас? Компания колорадского жука? Спа-процедуры сметанкой? Где же я так нагрешила в прошлой жизни? А, в этой. Помню, помню. Ну, ничего! Я возьму от этого отдыха все, что смогу.

*Памела Друкерман — французская писательница, написавшая популярную книгу о воспитании детей во Франции " Французские дети не плюются едой".

Жду ваших комментариев: будет ли интересно следить за этой историей? Будете ли вы читать?

Поддержка звездочками одобряется.

Глава 2. Приятные знакомства и не очень

Итак, что вам нужно знать о состоянии Ромашково на сегодняшний день:

1. Это все та же дикая глушь, где нет асфальтированной дороги, интернета (по-крайней мере, у моей бабушки не было). И на моем мобильнике связь едва ловила для звонка, про остальное я уже молчу.

2. Она не стала мировым центром развлечений. И из весёлых занятий для молодой девушки, тут только — окучивание бабушкиной картошки.

Не сказать, что все оказалось гораздо хуже, чем я ожидала. Нет, все было именно так, как и рисовало моё воображение. Но наши просто так не сдаются! Вот и я не сдамся. Сделаю себе лето сама.

— Паш, я ушла в магазин. Сегодня устроим праздничный вечер по случаю твоего приезда. Можешь позвать кого-нибудь из друзей. А пока иди разбирай вещи, — бабушка затаскивает мой чемодан, а затем уходит.

— Угу, — киваю я. Каких ещё друзей? Гусей около двора, которые шипели на меня, как только я ступила на их территорию?

Я надеваю свою шляпу и выхожу из дома. Нужно познакомиться с масштабом моей катастрофы. Иду через хозяйственный двор, напрямик к огороду. Он оказывается внушительных размеров. Но думаю, что нам двоим работа в нем — вполне по силам. К тому же, не днями же мне нужно будет полоть грядки. За всякими кустиками морковки и помидорчиков у бабушки располагался сад. Несколько яблонь, груш, моей любимой черешни. Даже вишня есть. Я, словно ощутила ее сладкий привкус с нотками кислинки у себя во рту, и чуть не подавилась собравшейся слюной. Вот ещё один существенный плюс моему отдыху. Буду обжираться фруктами из бабушкиного сада и ни о чем не думать. Вишне было ещё далеко до созревания, а вот черешенка... Ещё неделька — и можно употреблять. Мысленно облизнулась и пошла прочь из сада, потому что желание съесть полуспелую черешню перешло из разряда "глупые мысли" в разряд "а почему и нет?"

Перед двором у бабушки с одной стороны были грядки, а с другой цветник. В общем — то, работы хватит на все два месяца. Пока буду полоть грядки — зарастёт цветник, пока буду приводить в порядок бабушкины розы и ночные фиалки, придёт время поливать сад. А там уже и за огород снова нужно будет приниматься. Думаю, если я буду крутиться тут, как белка в колесе, то времени думать о том, что тут скучно — просто не будет.

— Пашка?!

Я оборачиваюсь на незнакомый голос, произнесший моё имя. На покосившемся бабушкином деревянном заборе висела какая-то девушка, вытаращив на меня свои глаза.

— Да, мы знакомы? — не буду делать вид, что помню ее, потому что я нифига не помню из жизни тут.

— Ну, ты даёшь! — она отлипает от забора и делает слегка-обиженный вид. — я вообще-то Алла. Мы дружили в первом классе.

— А-а-а, Алла... — протягиваю я. А у самой в голове "Алла, Алла, Алла. Что же такое, Алла?". Подхожу ближе к ней, чтоб рассмотреть получше. И о, бинго! Веснушчатое лицо девушки оживляет в моей памяти воспоминания о своей школьной подруге и соседке по парте. — Конечно, помню, — убедительно говорю я. — Просто ты так изменилась, похорошела. Тебя трудно узнать.

Лесть — оружие, от которого нет защиты. Алла заметно подобрела, на щеках появился лёгкий румянец, а на лице смущённая улыбка. Теперь она точно не сможет обижаться на меня.

— Скажешь тоже мне! — отмахивается она. — А ты какими ветрами? "Тыщу" лет тебя тут не видала уже.

— Да, вот, — я киваю на дом через плечо, — на лето погостить приехала. — об наказании я умолчала. Пока пусть думает, что я такая хорошая внучка, которая решила провести бабушку.

— А ты стала прям такой фифой, — Алла устраивает мне игривые перемигивания. — и шляпка у тебя вон какая, по моде.

Я хочу возразить, что этой шляпке уже два года, и она давно уже не "по моде", но вовремя прикусываю язык. Сейчас это будет выглядеть, как щелчок по носу. А мне очень даже нужен тут человек, с которым я могу скоротать дни. Поэтому Аллочку нужно всеми правдами и неправдами расположить к себе. Хотя, по-моему, она и без моих хитростей расположилась.

К тому же, если меня на обманывает память, то Алла — наша соседка. Что очень играет мне на руку. Может, моё лето не так уж безнадёжно? На горизонте моего отчаяния замелькал маленький огонёк надежды в лице этого веснушчатого зеленоглазого чудака.

— Проходи, Аллочка, поболтаем, — я открываю калитку и моя новоиспеченная подружка заходит к нам во двор. — Рассказывай, как вам тут живётся?

Мы присаживаемся на ступеньки дома, укрываясь от знойного солнца в тени.

— Да, как-как? Так же, как и раньше. — пожала плечами Алла.

Ответ просто переполнен информацией! А сколько красочно-расписанных деталей! Нет, Алла — мастер на захватывающие рассказы. Или она просто ещё стесняется меня, или я выбрала себе на роль "летнего приятеля" самого несговорчивого и скучного человека в деревне.

— Так же, как и раньше, мне не подходит. — заявляю я. — у меня на это лето грандиозные планы были!

"Были" потому что все мои планы отец перечеркнул в один миг, сослав меня в Ромашково. Но это Алле пока знать не нужно. Я попробую сделать это "грандиозно" здесь. Ведь не место же красит человека.

— Мы же закончили школу, — тоном революционера говорю я, а потом меня берут сомнения. Она же могла закончить только 9 классов. Но не важно, — Лето — это же маленькая жизнь! Оно должно пройти незабываемо! И ты мне в этом поможешь!

Алла восхищенно слушала и кивала головой, как собачка на панели в машине.

— И что мы будем делать?

— Отдыхать, Аллусик. Брать от этой жизни все! Это все для нас, — я обнимаю ее за шею и провожу рукой, рисуя невидимые горизонты, открытые для наших глаз.

— Здорово! — воодушевленно говорит подруга.

У меня просто непризнанный талант убеждать людей. Я могла бы вести за собой народ, вдохновляя его на подвиги. Хотя, есть в этом мире парочку людей, на которых мои чары не действовали. И эта парочка отправила меня сюда.

— О, девочки! Вы уже подружились? — во двор заходит бабушка с пакетами.

Мы тут же подходим к ней и забираем покупки. Не нужно забывать о своей главной задаче: помощь бабушке. А то настроила великих планов.

— Ещё в первом классе подружались, — задорно отвечает Алла.

— Как хорошо. А то Пашка бы здесь волком взвыла, без своего интервета.

Алла расхохоталась.

— Если тебе нужен интернет, приходи ко мне. У меня на компьютере есть. Он, конечно, не супер-пупер быстрый, но хотя бы есть.

Опа! А вот эта новость меня очень обрадовала. Я смогу хотя бы разок в два-три дня забегать к ней и переписываться со Стаськой. Даже Илье, может напишу. Все-таки, правильного друга я выбрала. Или она меня. Ну, не важно! Важно то, что мы сможем быть друг другу полезными.

Мы заносим продукты на кухню, и помогаем разложить их.

— Аллочка, я как раз хотела позвать тебя и твоих родителей на ужин. Не каждый же день ко мне внучка с города приезжает. Да и год тоже не каждый, — укоризненно произносит бабушка и кидает осуждающий взгляд.

— Это твои дети не хотели брать меня! — оправдываюсь.

— Хорошо, я передам маме. А вот папа, наверно не придёт. Он в ночную смену уходит сегодня. — пожимает плечами Алла и откусывает огурец, который только что взяла из пакета. Не мытый! Честное слово, у меня сжались скулы от мнимого вкуса земли и пыли. А она ела с таким довольным видом, будто так в сто раз вкуснее.

— Так, девочки. Нужно готовить, а то можем не успеть. Я Самойловых тоже позвала! Обещали прийти.

— Самойловы? — переспрашивает Алла.

— Да, ты чего, Алл? Будто первый раз услышала?

Я смотрю на подругу, та явно взволнованна. Что-то тут не так. Эти Самойловы — людоеды что-ли?

— Да, нет, — отмахивается Алла, — просто мне послышалось Семины.

Семины и Самойловы. Ага, офигеть какие созвучные фамилии. Мудрит что-то Аллка.

— Так, ты будешь нам помогать? — обращается к задумавшейся подруге бабушка.

— Конечно, Любовь Степановна.

— Тогда вы нарежьте салат, а я пойду за картошкой. Хорошо?

— Хорошо, — кивает Алла.

— Так точно, капитан, — отдаю честь бабушке.

— Нет, ну она как учудит, хоть стой, хоть падай. — хохоча говорит бабушка Алле и уходит.

Я достаю из холодильника помидоры, споласкиваю их под краном, Алла (на мою радость) делает тоже самое с огурцами, затем мы принимаемся крошить их в миску. Подруга нервно покусывает губу, явно о чем-то думает. Я примерно догадываюсь.

— Кто такие Самойловы? — прерываю я терзание губы Аллы.

— Да, так. Соседи твоей бабушки с другой стороны. — не поднимая глаз отвечает она.

Ага, черта с два я поверю в это.

— Из-за просто соседей губы на съедают в кровь.

— Да, ничего не ем я, — бормочет краснея Алла.

— Ну, рассказывай уже. У нас с тобой не получится осуществить все наши великие планы, если мы будем что-то скрывать друг от друга.

— Ладно. Ты же у нас, будем считать, впервые. Так что слушай бесплатный курс по выживанию в Ромашково.

Звучит очень... Интересно!

— Есть у нас тут местная достопримечательность — Женя Самойлов. Самый красивый парень, которого я могла только видеть.

Я примерено представила парней, которых видела Алла, и в лучшем случае у "самого красивого" парня, не будет девственных усиков и кожаных сандалей.

— Да, не только у нас он считается лучшим творением природы. Женька многим вашим городским нос утрёт!

Ага, охотно верю.

— Но ты к нему не суйся. Он встречается со стервой Светкой Грачевой. Та, если что-то учует своим длинным носом, сразу патлы тебе повывидирает. Она со своими шавками Настей и Жаннкой считаются тут вроде как боГемой общества. — Алла так явно гэкнула, что я едва сдержала смешок. — Хотя, не понимаю, что все нашли в этой Светке. Ножища от ушей, "бидоны", как подушки безопасности.

— По-моему, так это все плюсы.

— Плюсы — это когда все это у тебя. А в остальных случаях — это уродство.

— Справедливо, — усмехаюсь я. — И ты влюблена в этого Женю?

— Да нет вообще — то. Мне больше нравится его друг Славик Черновой, но ему нравится Жанка. Рыжая потаскуха...

Женя, Света, Славка... А-а-а! От избытка имён и переизбытка информации у меня пошла кругом голова.

— Так, если тебе нравится Славик, зачем ты так суетишься? — не понимаю я.

— Ну, если на меня вдруг западёт самый красивый парень Ромашково, я не сильно огорчусь. Да и Светке лишний раз утереть нос не помешает.

— Все понятно, — говорю я, хотя вообще ничего не понятно. Но все их эти сложные взаимоотношения меня никак не волнуют. Я приехала сюда развлекаться (по моей версии), и отбывать наказание (по версии отца). Наживать врагов здесь — не входит в мои планы. Хотя война со стервозной провинциалкой может не плохо разнообразить мой отдых. Но зачем мне нужен ее Женя, если меня дома ждёт мой Илюшенька? Может, конечно, не мой и не очень ждёт, но Самойлов меня не интересуется точно.

Алла помогала нам ещё около часа, а потом упорхнула домой наводить марафет перед покорением сердца легендарного Самойлова. Мы с бабушкой закончили готовку и накрыли стол во дворе под виноградником. Гости должны были прийти к шести. Я ещё успевала пойти в душ, смыть с себя дорожную пыль и собраться.

Наряжаться перед незнакомыми дядями и тетями мне не хотелось. Поэтому я просто надела своё белое хлопковое платье, на голову натянула свою шляпу. Потому что солнце ещё не зашло, а мне только и не хватало, чтоб обгорело лицо, и вышла к бабушке, которая уже была в полной готовности.

Первая, конечно, прилетала Алла. На ней была джинсовая миниюбка, какие были модны где-то в 2000-х годах, цветастый топ, обнажающий зону декольте. Образ заканчивали лазурные босоножки на огромном каблуке. На мой взгляд, выглядела она очень вызывающе и немного, как городская сумасшедшая. Хотя, может по нынешним меркам — очень даже сексуально.

— А где мама, Аллочка? — спрашивает бабушка.

— А вот и я, — во двор входит полноватая женщина с кудрями, как у пуделя, а цвета спелого баклажана. — Павлиночка, с приездом! — она бросается целовать меня, а я любезно

улыбаюсь, и пытаюсь, правда пытаюсь сделать дружелюбный вид.

— Они ещё не пришли? — шепчет Алла мне на ухо.

— Нет.

Я сажусь за край стола, подруга садится рядом и выпячивает грудь. Мысленно закатываю глаза.

— О, идут! — всполошилась подруга.

— Здравствуйте, Марья Васильевна. — щебечет бабушка, — Здравствуйте, Игорь Никанорович.

Я поворачиваюсь к ним. У калитки стоит приятная статная женщина, с каштановыми волосами, собранными в пучок. На ней легенькая блузка и чёрная юбка. Внешне она очень напомнила учительницу. С ней рядом был седой высокий мужчина. У него были очень красивые мужские черты лица. Одет он был клетчатую рубашку и простые чёрные брюки. На вид очень даже милые люди.

— Вот блин. А где Женька-то? — разочаровано выпаливает Алла.

— Старания не будут вознаграждены. — издеваюсь я над нахмуривавшейся подругой.

— Павлиночка, какая же ты красавица стала! — ко мне подходит женщина и прижимает меня. До меня доносится приятный цветочный аромат ее духов. — Совсем, как и твоя мама. Кстати, как она?

— Спасибо. — смущаюсь. — Прекрасно, трудится над своей книгой.

— Так, ну давайте садиться за стол, — почти в приказном тоне говорит бабушка.

Мы все рассаживаемся, а Алла с тоской смотрит на пустую тарелку. Словно это не Ромашково, а железнодорожная станция, а Алла не Алла вовсе, а пёс Хатико. Кто был хозяином — догадаться не трудно.

— А где Женя? — спрашивает бабушка.

— Да, разве знает кто-нибудь, где его носит? Уйдёт с утра, да ищи свищи его потом. — отмахивается Марья Васильевна. — Ты, Павлиночка, в этом году школу закончила? — о, по моему, это она мне.

— Угу, — пережевываю картошку.

— Поступать будешь куда? — присоединяется к нам Игорь Никанорович.

— Да, в университет международных отношений.

— О, как! Умница какая. — одобряет мой выбор Марья Васильевна, — А у тебя как дела, Аллочка?

— Да, нормально. Из техникума не выгнали. Выучусь парикмахершей! Уеду в город и стану там известным стилистом! Прямо как Сергей Зверев.

За столом все дружно рассмеялись, но без злобной нотки. Все было очень даже дружелюбно. Алла сначала немного смутилась, а потом смеялась вместе с нами.

Мама Аллы кушала молчала, лишь кивая. Видимо, она не готова была вести разговор, пока не утомит чувство голода.

Атмосфера вечера пришлась мне по душе. Все без зависти, пафоса общались друг с другом, словно все были давнишними друзьями.

— Извините, я немного опоздал, — мы все повернулись к калитке. Алла мгновенно выпрямилась. Вот и хозяин пожаловал. У забор стоял парень с каштановым цветом волос, как и у Марьи Васильевны. А черты лица были копией Игоря Никаноровича. Паренёк неряшливо улыбался. На щеке у него было какое-то чёрное пятно. Точно такое же было и на лбу. Даже не потрудился привести себя в человеческий вид, чтоб появиться перед людьми.

Он был симпатичным. Алла не соврала. И что-то знакомым кажется...

— Женечка, проходи садись. — бабушка указывает на свободное место напротив меня.

Парень уверенной походкой, словно он хозяин этой деревни, пересекает двор и плюхается на стул.

— О, Красная Шапочка! — восклицает он, и я узнаю в нем хамло-водилу, который напускал мне выхлопных газов под нос! — Ты все-таки дошла, — парень по королевски расползается по стулу, положив одну руку на спинку. Алла смотрит на меня непонимающе, как и все вокруг.

— Какой же... — "ты олень" хочется сказать мне, но я вовремя одёргиваю себя, — у вас благодущный сын, — перевожу глаза на Марью Васильевну и одариваю ее фальшивой улыбкой. Даже больше оскалом, чем улыбкой.

— Женечка, это Паша — внучка Любови Степановны. — начинает вещать мама "Женечки", — она закончила...

— Институт благородных девиц? — кидает парень, опираясь локтями в стол. У него красивые карие глаза, которые проникают иглами под кожу. Достались же такие язвительному уроду.

— Нет, школу. И она приехала погостить сюда на лето.

— Наверняка, не по собственному желанию, — заключает Самойлов.

— Почему? — не понимает женщина.

— Ну, разве подстать отдых в Ромашково таким принцесскам? — снова проглатываю провокацию. Этот парень до мозга кости проникся неприязнью ко мне. И могу сказать, что это на 95 % было взаимно. Остальные 5 % занимали его красивые глаза.

— Женя, где твое воспитание? — возмущается мужчина.

— А что такого? — наконец-то подает признаки жизни мама Аллы, — парень дело говорит. Вон Павлушка какая красавица. Просто мисс Мира, а приехала отдыхать к коровам, гусям, да загорать среди кучи навоза.

— Просто я давно бабушку не видела, соскучилась. К тому же, это последнее беззаботное лето. Впереди тяжелые студенческие времена, — пожимаю я плечами.

Парень сидит и смотрит на меня, словно волк на молодую овечку. Мне кажется, не будь между нами стола, он бы цвепился мне в горло своими ручищами. Что я ему сделала? Ладно, немного нагрубил на дороге. Но ведь я, в конце концов, не девушку у него увела, чтоб так испепелять меня взглядом.

— Вы знакомы что-ли? — шепчет мне Алла.

— Потом расскажу.

Остаток вечера мы провели в напряжении. По крайней мере я. Женя вечно кидал колкие фразы в мой адрес, не упускал момент, чтоб ткнуть меня в мою "беспечную" жизнь, а мне приходилось молча это терпеть, потому как кинуться на него с визгами — я не могла себе позволить. Во-первых, парень значительно сильнее меня, а значит бой будет проигран. А, во-вторых, бабушку с инфарктом увезут, если ее пай-внучка вцепится в лицо ее соседу.

Вообще-то, пока не пришел этот парень, у меня были планы подружиться с ним, потому как компания мальчишек всегда развлекается веселее, чем девочек. Это неоспоримый факт, доказанный мной моим же собственным опытом. Еще парни не обижаются, они не такие нежные и ранимые. Им можно отпускать любые шуточки, и не бояться ься, что могу политься крокодильи слезы.

У себя в городе у меня была одна подруга Стаська, зато кучу друзей мальчиков. С

парнями мне легче находить общий язык. Среди них я всегда была своим пацаном. И даже имя подстать — Пашка.

— Женька, а может ты покажешь Павлине деревню? — спрашивает бабушка, и я вылупливаю на нее свои глазки, словно удав гипнотизирует кролика.

— Ба, да мне Алла покажет, мы уже договорились, — вру я.

— Вообще — то, мы... — начинает подруга, но я тут же пинаю ее ногу под столом. — Да, я уже обещала. Но Женя нам не помешает. Да, и думаю, что он больше знает живописных мест, — она кокетливо улыбается парню, тот мимолетом оглядывает ее, потом снова впивается в меня взглядом. Выпытывающим, острым, как лезвие ножа, взглядом.

Вот это предательство! Неужели она не видит, что мы как два враждующих лагеря? Нам нельзя схлестываться вне этого общества, что сейчас за столом. Иначе быть беде.

— Не сомневайтесь, покажу наше Ромашково в лучшем виде, — с хитрой улыбкой произносит он. Мне что-то не по себе от этого психа.

Когда все решили, что Женя обязательно должен показать мне какое-то озеро, какую-то речку и еще много природных чудес, и наконец-то сменили тему, я смогла поинтересоваться у Аллы, что за дела она проворачивает.

— Этой мой шанс, — жалобно пищит Алла. — Может, он позовет с собой Славку.

Черт, вот абсолютно не понимаю, за чье внимание она борется? Да, и не только это не понимаю. Я нихрена не понимаю впринципе! Что происходит в этом Ромашкове?

Парни беспричинно шипят на незнакомых девушек. Бабушки навязывают своих внушек сомнительным личностям. А молодые девушки пренебрегают чувствами, ради внимания самого популярного парня? Я приехала в другую вселенную, где все происходит через задницу? Видимо, так. И теперь и мне придется учиться жить по-другому.

Этим вы очень вдохновляете автора. Заранее спасибо.)

Глава 3. Воинственный настрой

— Паш, вставай. — бабушка легонько тормозит меня за плечо. Открываю глаза и оглядываю комнату с противно-розовыми обоями. Я так надеялась, что это сон. Все это: папино наказание, Ромашкино, Женя. Было бы здорово проснуться сейчас дома, позвонить Стаське, договориться о встрече...

— Павлина, вставай. — не отстаёт бабушка. — мне нужна твоя помощь.

— Встаю, бабуль. — но глаза закрываются под грузом усталости и недосыпа.

— Давай, давай. А то окачу тебя холодной водой из колодца.

Я страдальчески простонала, но все-таки встала с постели. Бабушка удовлетворённая результатом сообщила, что ждёт меня на кухне и ушла. Глаза по-прежнему слипались, а мозг никак не хотел загружаться. Сколько времени? Я нащупываю телефон под подушкой... 5:56?! Она серьёзно?! Может, это отец попросил ещё поиздеваться ее надо мной? В мире нет достаточно весомых причин, чтоб будить меня в шесть утра! От цифр на экране, мне перехотелось спать. Парадоксально, знаю. Захотелось только возмущённо махать руками и проклинать утро, солнце, часы.

Я обреченно выдыхаю, снимаю свою шелковую пижаму, натягиваю джинсовые шортики и футболку. Несмотря на то, что день только начался, солнце уже во всю освещало землю и чертово Ромашково.

Сонной мухой бреду на кухню.

На столе уже стоит яичница с помидорами, которую я так обожала в детстве, и стакан с апельсиновым соком. За такой завтрак ее можно простить.

— Садись, кушай. А потом пойдёшь пасти утят. — бабушка ставит передо мной хлебницу с ломтиками свежего ароматного хлеба.

Ох-ох-ох! Пасти утят! Это похоже на какой-то розыгрыш. Но спорить с бабушкой бесполезно, точно так же, как и со мной. Упрямство баранов — отличительная черта нашего семейства. Поэтому у нас частенько случаются стычки, где кому-то приходится чем-то жертвовать. Чаще всего это выпадает на мою долю. Мол самая молодая, легче всех переживу пренебрежение моей гордостью.

Я умяла яичницу с помидорками, выпила стакан прохладного вкусного сока, который оказался лучшим из всего, что встретилось мне в Ромашково. Затем, схватив свою шляпу, пошла на хозяйственный двор, где меня уже ждали бабушка и пару десятков орущих утят. Они так жалобно пищали, что мне захотелось выпустить их на волю. А именно это и придётся мне делать.

Бабушка помогла выгнать мне их со двора на полянку, напротив нашего дома. Они тут же умолкли и принялись щипать зеленую травку, которая была едва ли не с них ростом.

Я уселась в тени большого дерева, на котором раньше висела моя качель. Кстати, интересно, куда она делась? Из развлечений для детей здесь только небольшое футбольное поле, с парой ворот, на которых даже не было сетки. Остальное дети делали сами — качели, тарзанки, рогатки. И, на тот момент, мне казалось, что для счастья больше ничего и не нужно. А сейчас мне немного не хватает мохито со свежей мятой, фисташкового мороженого и кондиционера в доме. А, ещё и интернет.

Я вдохнула полную грудь свежего воздуха. Солнце ещё не успело его раскалить, и я не могла надышаться этой прохладой. Почему лето не может быть таким? Свежим, тёплым,

вкусным... Я потрогала свои плечи, которые ещё немного побаливали. Все-таки, сметана помогла. Чудо средство, нужно посоветовать его Стаське.

Интересно, что она делает? Наверняка, развлекается и проводит время так, как мне можно было только мечтать. А ведь именно она подстрекала меня на эту чёртову вечеринку, откуда и потянулись нитью мои проблемы. Да, что там нитью... Огромным пожароустойчивым и водостойким канатом тянутся мои проблемы.

Я поудобнее улеглась на ствол дерева и начала рассматривать облака, ассоциируя их со зверьками, фруктами и даже людьми. Утятки по-прежнему уминали траву, иногда попискивая. Прохладный ветер играл с моими волосами, а дерево томно шумело листвой.

Ну, как тут не уснуть?

Я стою на берегу лазурного океана. Волны разбиваются у моих ног... Морской бриз ласкает мое лицо. У меня внутри чувство полного спокойствия и счастья. На мне развивается белое платье в пол, подол которого намочен водой.

— Павлина, я так скучал. — ко мне навстречу выходит Илья, в белой рубашке, с закатанными рукавами. Пуговицы застегнуты лишь наполовину, что придает ему слегка небрежный вид. Его светлые волосы в беспорядке. В самом красивом беспорядке, который я только видела. Он раскрывает руки для объятий, и заключает меня в них. Я обхватываю его торс, вдыхая аромат лакоста вперемешку с соленым запахом воды. Его рука нежно гладит мои волосы, слегка касаясь шеи. Если это не счастье, тогда что?

— Я хочу быть только с тобой, — Илья обхватывает мое лицо руками и смотрит мне в глаза. Затем тянется к моим губам. Я закрываю глаза и ощущаю влагу на своих губах...

— Илья...

Так, стоп! Я реально ощущаю влагу на своем лице. Открываю глаза и вижу у самого лица пушистую морду собаки.

— Фу! — я вскакиваю и начинаю вытирать лицо. Я, конечно, не мизофоб, но она облизала мне даже губы. Просто, представляете, что она могла лизать этим языком? Меня начинало воротить. Я усердно тру губы тыльной стороной ладони, а пес в это время скачет вокруг меня, виляя хвостом.

— Спайки, ко мне! — к нам подходит Самойлов с самодовольной улыбкой. Он нарочно что ли натравил ее на меня? — Что, Красная Шапочка? Не привыкли к обществу беспородных собак? Простите, чихуахуа закончились прямо передо мной.

С каждым словом во мне закипала злость. Почему он думает, что так хорошо знает меня? Я не боюсь непородистых собак! И вообще не люблю маленьких бесполезных шавок! Что за предвзятое отношение ко мне? А то, что я тру губы, так любой сделал бы так же! Представьте, что вам облизала губы собака. Даже не ваша. Но ругаться с ним не буду. Он хоть и вечно подшучивает надо мной, но кажется весьма веселым парнем. Это как раз то, что мне нужно. Попробую подружиться.

— Милый песик, — улыбаюсь. — Значит, его зовут Спайки? — я протягиваю руку песику, и он облизывает ее. Самойлову этот жест дружелюбия не очень понравился.

— Спайк. — поправляет он меня. — Если честно, я думал, что тетя Люба продержится больше.

— Что? — не понимаю, что несет этот пришибленный.

— Ну, я думал, она продержится хотя бы пару дней, а потом вышвернет тебя.

— С тобой все в порядке? Ты на солнышке долго гулял? — спросонья абсолютно не понимаю, к чему он ведет. К тому же, я яро держу воспоминания сна, что не упустить ни

единую детальку. Поэтому половина моей концентрации отдана Илье.

— Мда... Спрашиваю, ты чего под деревом разляглась?

— А-а-а-а, — протягиваю я, — да я тут... — я оглядываюсь и не нахожу ни одного утенка. — Черт! Где же они?

Я начинаю метаться по поляне, раздвигая траву руками. Вдруг они просто прилегли спать и их не видно? Блин, бабушка меня просто убьет.

— Кто? — недоумевает Самойлов.

— Они! — восклицаю я, и продолжаю ползать на коленках.

— И это я перегрелся? — усмехается Женя.

— Утята, блин! Я проспала бабушкиных утят!

— Эй, принцесса, я может быть тебя сейчас удивлю, но утята значительно больше муравьев.

— Хватит уже умничать, давай помогай! — наезжаю я на парня.

— Чего?! — возмущается он. — Сама потеряла — сама и ищи.

Я сажусь на землю и закрываю лицо руками.

— Ты, чего... Плакать собралась? — он обходит и становится прямо передо мной.

— Бабушка это мне не простит, — я имитирую всхлипывания. А как иначе с этими парнями? Знаю, что они просто терпеть не могут женские слезы и совершенно не знают, что с ними делать. Хотя отчаяние имитировать не пришлось, потому что я представляла масштабы трагедии, если я вернусь без утят. Потом об этом узнает отец, начнет говорить, что я не годна ни на что. И в итоге меня отправят в какой-нибудь военный лагерь на лето.

— И черт меня дернул вывести собаку именно сейчас, — сжав зубы говорит Самойлов. — вставай давай. Думаешь я все сделаю сам? Привыкли в своем городе, что за вас вечно все делают.

Я хотела была возразить, но не буду испытывать добродушие моего помощника. Поэтому просто встала и улыбнулась ему во все тридцать два зуба.

— Так ты не плакала? — парень прищурился и воздвиг свой указательный палец прямо у моего лица в районе междубровья.

Бесплатный совет вам от Павлины Островской: если вы когда-нибудь решите вести игру с парнем, то после победы, не забудьте о том, что парень вообще не в курсе, что это была игра. Или ваша победа легко обернется оружием против вас.

— Я расстроена, просто не настолько, насколько тебе показалось — ангельским голоском произношу я.

— Что ты вообще забыла тут? Ну, всем понятно, что это место — не для тебя. Пытаешься казаться своей, а внутри "фикаешь" на все происходящее. — он закончил анализ меня и пошел прочь.

Вообще-то, парень сказал все, как есть. Но меня почему-то слишком задели его слова. Настолько, что я во что бы то ни стало, добьюсь того, что меня будут считать своей! Или я не Островская. Вот сейчас только найду маленьких желтеньких беглецов, а потом начну прощупывать здешнюю молодежь.

Я искала утят около получаса. Оббегала всю поляну, обошла улицу, но нигде не было и следов этих маленьких жуликов. Солнце уже беспощадно палило, и я чувствовала, как начинают гореть мои плечи. Дальше тянуть было некуда. Нужно идти сдаваться бабушке.

Пока шла до дома, перебирала в голове несколько сотен оправданий, почему я упустила утят. Ничего путного, кроме правды, я не смогла придумать.

Нерешительно захожу во двор. Бабушки не видно. Иду в дом. Слышу звуки радио из кухни. Выдахаю и иду на казнь.

— Бабуль, — жалостно окликаю ее. Бабушка жарит что-то на плите, подпевая мужичку из радиоприемника.

— О! Пышечка, а где ты была?

В смысле? Не она ли отправила меня пасти утят? Либо с ней что-то не так, либо я страдаю лунатизмом.

— Ну, как? Утят же пасла...

— Ути вернулись еще час назад, а вот где пропадала ты?

Вот же маленькие хитрые существа. Мне всерьез захотелось пойти на хоз. двор и высказать им все, что я о них думаю! Только это будет смотреться еще глупее, чем мой сон под деревом.

— Да, я по деревне прогуливалась.

Я взглянула на часы. Уже десять утра! Это сколько же я там проспала?

— Я тебе нужна бабуль?

— Сейчас или вообще? — отшучивается бабушка.

— Вот так дела! — всплескиваю руками. — ты ещё думаешь над "вообще"?

— Конечно, нет, Павлуша! А сейчас мне не нужна твоя помощь. У тебя появились какие-то планы?

Ну, если честно, то планы были грандиозные! Но вот бабушке о них знать не обязательно.

— Да, пойду к Аллке. Посидим в инете.

— Где? — переспрашивает бабушка.

— В интервете, ба, — поясняю я и направляюсь к своей подружке.

Во двор к Алле я захожу с опаской. Мало ли какой зверь может обитать у них? После пару осторожных шагов, я понимаю, что опасности нет, и уже уверенно направляюсь к двери. Не найдя звонок, я постучалась.

— Заходите! — кричит мама Аллы.

Открываю дверь и неуверенно захожу. Тут же из комнаты вылетает женщина, одевающая на ходу серёжки.

— Здравствуйте... — я с ужасом понимаю, что не знаю, как ее зовут.

— Привет, Павлина! Аллка спит. Комната там, — она тыкает на закрытую дверь. — я убежала на работу. Не шалите тут.

Женщина ловко протискивается между мной и стеной в узком коридоре, затем скрывается за дверью.

Вот так просто оставив чужого человека в своём доме. А вдруг, я что-нибудь украду? Почему люди из деревень такие открытые и наивные? У нас лишний раз телефон без присмотра не оставляют, не то что оставить человека в своём доме одного.

Я тихонько открываю дверь и захожу в комнату. Осматриваюсь. Здесь довольно мило. Бежевые обои в цветочек, большая двухспальная кровать, на которой в позе звезды спит Алла.

Около окна стоит стол с компьютером. Старым. Очень старым, как кости мамонта. Ну, он рабочий (по словам Аллы) и это не могло не радовать.

— Алл, просыпайся, — я присаживаюсь на край кровати и слегка касаюсь ее плеча.

— Зачем? — невнятно в подушку мямлит Аллка.

— Потому что нельзя выполнить наши грандиозные планы, если ты будешь спать до обеда.

— Давай начнём завтра?

— Нет! Ну же! — я начинаю поднимать ее. Она, оказывается, очень даже тяжёлая. Мне кое-как удаётся усадить ее на кровать, но как только я убираю от неё руки, она тут же падает. — я просто хотела спросить про Самойлова. — невзначай кидаю я и ложусь рядом.

Алла тут же вскакивает, нависает надо мной, уперев свои руки в мои обгорелые плечи.

— Ау, — намекаю я на то, что мне не очень приятно.

— Извини. Ты все — таки влюбилась? — глаза у неё такие, как у кощея, который чахнет над своим золотом.

— Нет, просто хочу понять, что он за фрукт?

— Ну он же симпатичный, ну признай. — Алла тыкает мне в бок пальцем.

Да, он был очень симпатичным. Природа славно потрудилась над его созданием. Но тот факт, что он засранец, перечёркивает всё его обаяние и харизму.

— Обычный, — пожимаю плечами.

— Тогда почему он тебя заинтересовал?

Потому что всем своим поведением он кидает мне вызов! Каждый раз провоцирует меня на конфликт, пытается вывести меня на эмоции. И я просто не могу не принять его вызов! Я же не трус! И ничем не хуже Аллки или его Светки. Хотя даже и не видела последнюю.

— Он показался мне веселым парнем. А я люблю с такими дружить. — здесь даже врать не пришлось. — расскажешь?

— Да, я много и не знаю. Обычный парень. В школе был хулиганом, вечно заставлял краснеть свою маму на собраниях. А она, кстати сказать, глав. бух у нас в конторе. У неё должность все-таки.

После школы поехал поступать в город, только его не взяли. Почему — неизвестно. В городе он пробыл пару недель. Вроде, не много, но вернулся он с города ещё злее и отвязнее. Сейчас вот вечно проводит время со своими друзьями Славой, Яшкой и Гусем. Вернее Толиком Гусевым. В тёплое время они обитают на футбольном поле, а зимой — в гараже у Жени.

Насколько я помню, во дворе у Жени нет гаража...

— А где этот гараж?

— А, он недалёко от фермы. Это старый колхозный гараж. Директор построил новый, а этот отдал Самойлову. Тот в благодарность чинит машину директора бесплатно. Да, кстати, руки у Жени растут откуда надо. Он у нас первый мастер на деревне.

Первый красавец, первый мастер. Просто деревенский Юлий Цезарь. Итак, как бы мне так вклиниться в его окружение?

— А девочек в их компании нет? — у меня созрел план.

— Есть, конечно же. Светка и ее подружки. Ну, еще сестра Славика — Аленка бывает с ними ошивается. А вообще, они чаще всего проводят время отдельно. Лишь на выходных гуляют вместе. Ну, пьют там, развлекаются. Ходят на дискотеку.

— Дискотеку, — удивляюсь я?

— Да, а ты что думала, что мы совсем тут темнота? — горделиво говорит Алла.

Ну, да! Я так и думала!

— И когда она?

— По субботам.

— Много людей ходит? — что такого — то? Могу же я поразвлекаться.

— Да, почти вся молодежь Ромашково. И еще с соседних деревень приезжают.

— Все десят человек? — усмехаюсь я.

Алла показывает мне язык и утыкается лицом в подушку.

Значит, планы на выходные нарисовались. Отлично! Я думала, тут будет скучнее. Главное, чтоб бабушка отпустила, а отец не узнал об этом. Не знаю зачем, но мне кровь из носу, нужно доказать этому наглому Самойлову, что его стереотипы о городских девушках давно устарели. По крайней мере в случае со мной — точно мимо.

Этим вы очень вдохновляете автора. Заранее спасибо.)

Глава 4. Планов нет, но так интереснее

От Аллы я ушла озадаченная тем, как же выпросить у бабушки один вечер свободы. Для начала: до выходных мне придётся безропотно выполнять все ее просьбы и постараться больше не терять утят. Да и вообще буду строить из себя пай — девочку.

Когда я зашла домой, бабуля отдыхала у себя в комнате, а из кухни доносился ароматный запах бабушкиных щей. Желудок проурчал, намекая на то, что было бы не плохо пропустить ложечку другую. А я что? Я только за. По дороге на кухню, я заскочила в ванну и вымыла руки. А потом с особой жадностью расправилась с целой тарелкой щей. Если так пойдёт дальше, я уеду из Ромашково очень милым колобком, и это будет очень обидно!

Вот, есть девочки у которых худоба в генах. У меня же абсолютная противоположность. Все своё детство я была очень милым пухляшком, откуда пошли мои клички "пончик", "пышечка". Или это из-за моего имени? Не знаю, как-то не интересовалась. Детей часто зовут разными сдобными продуктами.

В подростковом возрасте я тоже была заметно крупнее, чем все мои одноклассницы. Хотя, не могу сказать, что меня это сильно волновало. Ребята принимали меня такую, какая я есть, а к язвительным шуточкам уже выработался иммунитет. Моя фигура стала приобретать более менее изящные очертания, когда мама отдала меня в теннис. Жир стал таять на глазах и это не могло остаться незамеченным. Я стала подолгу разглядывать себя в зеркале, начала замечать заинтересованные взгляды парней. И решив не останавливаться на достигнутом, стала посещать три раза в неделю спортивный зал. К выпускному моя фигура была близка к моему идеалу. Да, что там к моему, к идеалу многих парней и девушек. Подтянутая попа, плоский подтянутый животик. Тело я всегда поддерживала в тонусе, чтоб снова не превратится в Буренку — старалась питаться здоровой пищей, бегала по утрам. Только вот перед экзаменами забросила совершенно все, посвятив 100 % своего внимания только учебе. Два месяца разгульного питания бабушкиной вкуснейшей едой могли свести весь мой результат на "нет". Нужно хотя бы начать бегать по утрам, тем более, что тут моё утро начинается так рано, что я столько дел за день в городе не успевала делать, сколько могла бы успеть за моё деревенское утро.

Только бегать нужно где-нибудь в лесу, чтоб жители Ромашково не подумали, что я сошла с ума.

На часах только пять вечера. Для работы в огороде/саду ещё слишком рано и жарко. И чем теперь заняться себя? Алла уехала на рынок в соседнюю станицу, которая по рассказам Аллы, заметно превосходила Ромашково по размерам и уровню развития. Свой план я ей ещё не рассказала, потому как элементарно не придумала его ещё.

Пока я знаю только, что мне нужно пойти на эту сельскую тусовку и разведать все самой, потому что со слов Аллы мне не стало понятно ровным счётом ни-че-го.

Вот, Самойлов — обычный деревенский пацанёнок! Да, немного симпатичен. Может, даже и не немного, но не об этом речь. Так вот, он — рядовой житель деревни, а ведёт себя, будто царь всея Руси. И ладно бы он просто зазнавался и ходил павлином, так нет же! Он намеренно задевает меня. Всеми возможными способами он показывает мне, что моё общество ему неприятно на столько, на сколько это вообще возможно было. Неужели он настолько ранимый, что не может мне простить колкость в адрес его железного коня?

Уф! Зачем я вообще столько думаю о нем? И почему мне так важно доказать ему, что он

ошибается? Наверно, потому что мне брошен вызов, что я не найду себе места в этом Ромашкове. А вот черта с два! Я всем этим баранам докажу, что Павлина Островская — не городская фифа, а очень крутой и интересный человек! А то ты посмотри на них, навешали они на меня ярлыки.

Даже если я не совсем такая — то стану! Это же не так сложно, да?

От собственных мыслей мой дух приободрился, и в приподнятом настроении я решила позвонить Стаське. Тем более, что она сама не торопилась узнать, как дела у ее подруги в заточении. Может, она забыла про меня, развлекаясь? Такое вполне может быть.

Со Стаськой мы дружим с пятого класса. Она единственная не стала отпускать шуточки про мой вес и просто предложила мне сесть вместе. С тех пор мы были не разлей вода. Родители Стаськи относятся ко мне, как к родной дочке, да и я люблю их всем сердцем. Ее мама — самый крутой психолог нашего города, а отец — ректор одного из лучших ВУЗов, в который по чистой случайности поступила Стася. Шучу, не поступила. Она наотрез отказалась идти туда, догадываясь о том, что ждёт ее. Поэтому мы решили поступать вместе в институт международных отношений. Только вот без папиных связей она бы не смогла поступить и в ПТУ, потому что Стася, в отличие от меня, вместо того, чтоб грызть гранит науки, попивала Совиньон в различных клубах. Она была старше меня на два года. Вот так получается, что в одном классе училась девочка которой 17 лет и девушка, которой 19 лет.

Просто все дело в том, что я пошла в школу, как только мне исполнилось в шесть, а Стася мало того, что пошла в семь, так ещё и год пропустила из-за проблем со здоровьем. В восемь лет она упала с высокого дерева и получила открытый перелом коленного сустава. И все бы ничего, только когда ей делали операцию, то занесли какую-то инфекцию и у Стаськи началось заражение крови. Тогда еще отец был простым преподавателем истории и не имел возможности обратиться в частную клинику, поэтому Стасю лечили в простой городской больнице. По закону подлости ей попался самый халатный врач больницы, которого в конечном итоге уволили. Вот только на исправление его ошибки ушёл год. Год, который для Стаси оказался кошмаром. Несколько операций, вечные переливания крови, прикованность к кровати. А вы представляете, что такое для восьмилетнего ребёнка не иметь возможности бегать и прыгать? Это просто ад!

Кстати, Стася до сих пор не занимается на физ. культуре. Зато в клубах скачет, как кобыла сивая. Мы с ней жутко разные, но почему-то стали друг к другу сёстрами, которых у нас никогда не было.

Я набираю номер Стаськи и начинаю считать гудки. Раз. Два. Три.

— Алло! — из динамиков слышится радостный голос подруги, — ну, привет, пленница!

— Привет! Как вы там? Как дела? — мне жутко хочется услышать красочный разговор Стаси о ее днях и хоть на минуту представить себя на ее месте.

— Ну, мы — то хорошо! Ты как? Все очень плохо? — сочувственно произнесла она.

— Да, нет. Думаю, выжить получится. Если очень постараться.

— У-у-у-у-у, — протягивает Стаська, — тоска какая. Слушай, я тут недавно с таким парнем крутым познакомилась! Он просто улётный! Такой весёлый...

— А почему ты мне не рассказывала?

— Ну, если бы я рассказывала обо всех, с кем знакомлюсь, тебе бы пришлось сутками висеть со мной на телефоне, — она усмехается, — так вот, я по-моему влюбилась.

Стася была невероятно красивой. Фигура у неё от природы восхитительная и ей даже не приходится потеть часами в спорт зале. Не скажу, что я завидую... Хотя, нет. Скажу. Милое

личико, стройная фигурка, кокетливые глазки. Со Стасей действительно знакомилась все, кто только встречался у неё на пути. Она, конечно, отвечала взаимностью, но попытки ухаживаний пресекала сразу. Стася не из влюбчивых, поэтому чтоб добиться ее расположения — нужно попотеть.

— А он что? — поинтересовалась я.

— Ну, мы общаемся. Сегодня вот договорились прогуляться вечером!

— О, здорово! Я рада за тебя! Пусть хоть кто-то из нас проведёт это лето достойно.

— Да, не грузись ты. Попробуй просто получать удовольствие от жизни. Ладно, Паш, мне идти нужно собираться. А то он скоро заедет за мной. Целую! Не пропадай больше.

— И я тебя целую.

Стася сбрасывает трубку и мне становится так грустно. И ещё очень завистливо. Ооочень. Я могла бы сейчас тоже гулять по парку с Ильей и беззаботно хохотать над его шутками, а не разрабатывать план по осаждению деревенской выскочки.

Ладно, попробую последовать совету Стаськи и просто получать удовольствие.

Я собиралась идти понежиться в кровати с книжкой, но бабушка позвала меня во двор. И следующий час я уже получала удовольствие от подвязывания отросших веточек винограда. Потом я получала удовольствие от кормления бабушкиной скотины.

Мы зашли в дом лишь к девяти вечера. Вернее бабуля зашла, а я заползала раненым зверем. Не думала, что так устану от таких, на первый взгляд, лёгких дел. Но на второй взгляд дела казались непосильными. Пока я подвязывала виноград, меня раз сто ударили по лицу непослушные отростки. Руки затекали так, что я едва могла чувствовать свои пальцы. В глаза то и дело сыпалась какая-то пыль, от которой сложно было разлепить свои веки. А от завязывания узлов грубой верёвки на пальцах выскочили две болючие мозоли.

От кормления скотины ущерба меньше, только ноющая спина и ещё пару мозолей на ладонях. Ненавижу свою нежную кожу за столь явное проявление слабости. Подумаешь, подняла пару раз ведро... Вечером я хотела прогуляться с Аллой по деревне, осмотреть окрестности, но сил хватило лишь на то, чтоб доползти до кровати. Я даже от ужина отказалась, чтоб на оттягивать мою встречу с любимой кроватью. В сон я провалилась мгновенно, без долгих размышлений перед сном, как обычно.

— Павлин! Павлин, вставай же! — доносится сквозь сон голос Аллки.

Может кажется? Да, наверно. Я не придавала этому значения и постаралась вновь нащупать нить своего сна.

— Паш, ну вставай же! — Алла завалилась рядом со мной, вжав меня в спинку дивана.

Нет, блин! Не показалось.

— Алл, отстань, я умерла.

— Давно?

— Ещё вчера.

— Вставай давай! Время уже десять утра! Привыкла, как принцесса, спать до обеда! — Алла пихает меня локтем в бок.

Нет, это она ещё меня будет в этом упрекать? Сама вчера в это время попой матрас кровати продавливала. От волны возмущения мне аж перехотелось спать. Я поднялась на локти и вопросительно взглянула на подругу.

— Ну, чего ты раздеваешь меня взглядом? Я другому отдана, — усмехается Алла.

"И слава Богу" — проносится у меня в голове.

— Я жду весомых причин, чтоб не убить тебя за своё пробуждение.

— Нельзя выполнить наши грандиозные планы, если ты будешь дрыхнуть до полудня, — почти слово в слово произносит Алла мои вчерашние слова.

— Ну и злопамятная же ты.

— Ага, — словно гордясь, кивает головой она.

— Ладно, что ты хочешь от меня сейчас? — понимая, что поспать уже не получится, сажусь на диван.

— Ничего, — улыбается она.

— Ты серьёзно? Алл, ты пришла меня разбудить, чтоб отомстить?

— Да, нет. Я хотела позвать тебя прогуляться. — отмахивается она.

— Так зови.

— Островская Павлина, не будете ли вы так добродушны, не составите ли мне компанию на моей утренней прогулке? — голосом аристократа парирует Алла.

— Буду, если бабушке не понадобится моя помощь.

Все-таки, мне нужно ее доброе на мой субботний вечер.

— Так ее нет дома, — пожимает плечами Алла.

— А кто тебя впустил?

— Сама зашла, — отвечает она так, словно я спросила какую-то очевидную глупость.

— А, ну да. Здесьний уклад жизни и традиции не перестают меня удивлять. Бабушка уходит из дому и не закрывает дверь, зная что я ещё сплю. Алла спокойно заходит в чужой дом, так ещё и бесперемеменно будит отдыхающего хозяина. Ох, вроде бы в этом Ромашково все так просто, но одновременно и очень сложно. Для них это кажется обыденным и чем-то рядовым, в для меня диким. Может, Самойлов прав от части? И я и есть ту самая городская фифа?

Да, ну не. Просто я ещё не адаптировалась. Но ничего, я ещё наверстаю упущенное.

— Так чо? Мы идём? — допытывает меня Алла.

— Ну, если бабушки нет, то я больше не вижу причин для отказа. Только мне сначала нужно одеться.

— Ага, я пойду попоью водичку пока. Жду тудя на кухне, если что. — Алла вышла из комнаты, оставив меня вновь удивляться ее хозяйскому поведению.

За окном уже адово палило солнце. Это было понятно по сухому горячему воздуху, проникающему в открытое окно. Я люблю лето, но почему-то здесь оно прямо-таки утомляло меня. Может потому что происходящее шло в разрез моим мечтам?

Все-таки, жара переносится легче в доме, где на каждом углу кондиционер, чем в этом душном Ромашково. Отец когда-то предлагал уже бабушке поставить сплит-систему, но она отказалась, сославшись на то, что ей не нужны траты (подразумевая оплату за свет). И добила окончательно папу аргументом, что сплит — прямая угроза ее здоровью.

Я торопливо проделала все утренние процедуры, затем пошла одеваться. Для прогулки по Ромашково я выбрала рваные джинсовые шорты красного цвета и белый топ на бретельках обнажающий мой (пока ещё) плоский животик. Шорты идеально подходят в тон моей шляпки, без которой я точно не выйду на улицу в такой солнцепёк. Все, я готово. Поглядев на себя в зеркале, и одобрительно кивнув, я направилась на кухню.

Алла сидела на стуле и пила чай. Увидев меня, она поперхнулась и вытаращила глаза.

— Ого! Мы вообще-то собрались гулять, а не на показ мод.

Не понимаю, что в моем наряде не так, потому что в городе это вполне себе повседневный наряд.

— Слишком вызывающе, да? — я посмотрела ещё раз на свой наряд.

— Ну, скажем так, незамеченной не останешься. Но это даже лучше! Пусть парни истекают слюной, а девушки краснеют от зависти. — Алла хватает меня под локоть и тащит к выходу.

Так, я не поняла. Я нормально выгляжу или нет? Что-то после Аллкиных реплик я чувствую себя как-то нелепо. Но возможности переодеться она мне не дала и стальной хваткой потащила меня на улицу. Ну и ладно. Пусть они ко мне привыкают, потому что если попробовать изменить себя я могла, то изменить свой гардероб — вряд ли.

Ромашково значительно разрослось за время моего отсутствия. Я думала, что и не вспомню уже, где находится школа, как пройти на футбольное поле, но по мере нашей ходьбы в моей памяти всплывали картины из детства. Когда я уезжала отсюда в Ромашково было всего 3 улицы, они располагались в форме буквы "П". Сейчас же она состояла из 6 улиц по моему подсчёту. При чем три новые улицы были застроены довольно приличными домами, и там даже имелась асфальтированная дорога. Видимо, дачи чьи-то.

На нашу пешую прогулку нам понадобилось чуть больше полутора часа. Ноги уже гудели, а плечи снова горели, как — будто, объятые пламенем. Аллка рассказывала мне о судьбе моих одноклассников, которые не интересовали меня ровным счётом. Я просто осматривала территорию, которую собиралась покорить этим летом. Кстати, моим интересным наблюдением стал тот факт, что почти у каждого двора стояла машина или мопед. Понятное дело, что речь шла не о мерсах и бмв, но все же! Зажрались, буржуи! А ещё и обо мне что-то судят.

— Паш, тебе не интересно?

— Извини, задумалась немного

— Ты какая-то странная в последнее время. О чем ты думаешь?

— О Самойлове, — не стала я обманывать ее.

— У, ты все-таки влипла?

— Да, ничего я не влипла. Он вообще не в моем вкусе, — отмахиваюсь я.

Хотя, это была наглая ложь. Не будь Самойлов таким ярым фанатиком своей придурковатой сущности, он бы мог понравиться мне. У него хорошее подкачанное тело, рельеф которого просматривался через ткань футболки. Просто невероятно заманчивый взгляд, в котором хочется утонуть. Но иногда мне хотелось бежать без оглядки от его карих глаз. В общем, да! Он был красив и абсолютно точно был в моем вкусе. Только тот факт, что он был самоуверенным хамовитым засранцем, полностью отталкивал меня от него. Но если бы он захотел стать моим другом, меня бы этот факт не сильно смущал. А он захочет! Я то уж постараюсь.

Мы проходили мимо здания, во дворе которого бегали и кричали много детей. Судя по всему — это детский сад. Все ребята носились, играли, хохотали. Кто-то строил куличики в песочнице, кто-то катился с горки. А мой взгляд упал на одну девочку, которая сидела на пенёчке у самого забора, опустив своё маленькое щекастое личико. По виду девочки понятно, что она была чем-то обижена. На первый взгляд ей лет пять.

— Пойдём в магазин сходим, — Алла кивает на ларечек, находящийся в десяти метров от нас.

— Ты иди, а я тебя тут подожду.

— Ну, как хочешь.

Алла зашагала размашистой походкой к магазину, а я направилась к грустному

ангелочку.

— Эй, привет. — я легонько постучала по железному пруту забора. Девочка подняла на меня свои глазки и с интересом стала разглядывать меня.

— Пливет, — насторожено ответила она, так мило не выговаривая букву "Р".

— Почему ты не играешь с остальными?

— Я не съела свою кашу в обед и Светлана Юльевна наказала меня. — девочка шмыгнула носом и готова была разреваться.

— Не грусти, я вот тоже кашу не люблю. И ничего, выросла большой и здоровой.

— Я когда выласту — стану балелиной. А если я буду кушать много каши, то меня не возьмут. Балелины кушают только овощи. — последнюю фразу она сказала гордо вздёрнув свой маленький носик к небу.

Я с удивлением посмотрела на неё.

— Это кто тебе такое сказал?

— Блат.

— Дурак твой брат. Ты должна хорошо питаться, и не изводить свой маленький организм диетами.

— Ты красивая, — внезапно выдаёт девочка, впиваясь в меня своими любопытными глазками.

— Ты тоже. Очень. — улыбаюсь.

— Карина! Что ты там делаешь, несносная девчонка? — к нам приближалась явно рассерженная воспитательница. На вид она была года на два старше меня, но ее жуткий вызывающий макияж добавлял ей ещё лет 10. Почему в Ромашково все так старались накраситься "А-ля проститутка из 2000-х". Одета она была не менее провокационно. Майка, обнажающая ее декольте внушительных размеров, мини-юбка, непозволительной для воспитательницы, длины. Фигура у неё была не плохой, лицо милое, хоть и стало жертвой косметической атаки, но что-то в ней вызывало у меня жуткую неприязнь к ней. Может то, как она относилась к этому ангелочку?

— Сколько раз тебе говорить, что с незнакомыми нельзя разговаривать! — она хватается девочек за руку.

— Карина, я Паша. — я киваю девочке и перевожу взгляд на возмущенную воспитательницу. — теперь все формальности соблюдены?

— А ты кто вообще такая?

— Это тебя не касается. И с твоей стороны жутко не профессионально хватать так детей.

— Сама разберусь, что мне делать. Иди отсюда, пока я охрану не вызвала. Нечего тут ошиваться. — она развернулась и потащила бедную девочку вглубь двора.

Злость просто переполняла меня, и я готова была перепрыгнуть через этот забор и повыдёргивать все блондинистые патлы этой хамке. Видимо, когда она себе их перекистью обесцвечивала, то немного и мозг пострадал.

— Все, будешь пить? — около меня оказывается Алла, словно она выросла из-под земли.

— Давай, — она протягивает бутылку с шипящей жидкостью. Я делаю несколько глотков прохладного лимонада, который хоть немного осуждает мой пыл. Затем отдаю его обратно Алле.

— Так что, на завтра все в силе? — спрашивает Алла.

— Мы что-то планировали на завтра? — вживляюсь я.

— Ну, когда ты спрашивала когда у нас проводят дискотеку, я думала, ты хочешь ее посетить.

— Хочу.

— Ну так...? — она смотрит на меня, словно я упустила какую — то деталь.

И до меня доходит какую именно. Завтра уже суббота! Как же легко я теряюсь в днях на каникулах. А ведь у меня ещё нет плана, что я буду там делать. Да, и вообще бабушка ещё не в курсе моего желания пойти куда-либо. И мне нужно убедить ее, что отцу об этом знать не обязательно. Блин, в голове роилась стая мыслей, но ни одной путной не было.

— Алл, пойдём уже домой. Я нагулялась.

— Пошли, я тоже уже устала.

Мы размеренно добираемся до дома и прощаемся до вечера. Хотя что-то мне подсказывает, что до завтра. Ведь этот вечер я убью на то, чтоб полностью расположить к себе бабушку. В моих планах выполнять все ее просьбы и желания. Я хитрая, знаю. Но как ещё выжить в этом мире? Хотя, мне кажется, что она итак не будет против, если вечером я выйду прогуляться с Аллой. Бабушка вполне одобрительно относится к ней. Да и вообще, она у меня старушка прогрессивная, должна понять, что молодёжи нужно отдыхать. Тем более, я помогаю ей по дому, хозяйству и огороду.

Если вам понравился роман, порадуйте комментами или звёздочками)
Заранее спасибо.)

Глава 5. Надежда погибла первой

— Нет, Паш. И это моё последнее слово. — бабушка сидела на диване, пытаясь не упустить сюжетную нить своего сериала.

— Ну, почему? Ба, я буду с Аллой и с нами ничего не случится. — я не говорила, а жалобно скулила, вцепившись в ее руку.

Мой план " притворится золушкой и вымолить поход на бал " терпел крах. И это после того, как она заставила меня купать утят в какой-то воде, где было растворено лекарство от перьевых паразитов? Не верю своим ушам.

Все мои старания окажутся напрасны, если я не смогу ее убедить.

— Ты забыла почему ты тут?

— Нет. Но отец не узнает, обещаю. Мне можно доверять.

— Я не об этом, Паш. — бабушка отвлеклась от телевизора и бросила на меня сочувствующий взгляд. — На эту вашу дискотеку приезжают ещё много парней из соседних сёл, и не все бывают трезвы и адекватны. Вообще не понимаю, на кой черт ее проводят? Только преступность привлекают. Твой отец и я очень переживаем за тебя.

— Ба, ну неужели ты в своей молодости не ходила на танцы?

— Ходила. Но тогда молодёжь была другая. Я просто не найду себе места, если отпущу тебя.

Срочно нужен железный аргумент, почему меня можно выпустить из дома в субботу... Скажу, что я занималась джиу джиутсу. Или, что возьму с собой травмат! Газовый баллончик? Нет, это все глупо...

— Бабуль, я же буду не одна. Со мной идёт Алла, — не слишком убедительно, — и Женья.

Ого! Это было неожиданно даже для меня. И, по-моему, наши глаза с бабушкой округлились одинаково сильно. Что я сейчас сказала и зачем? Понятное дело, что соврала, но ведь я влёгкую попадусь, если вдруг Самойлов завтра попадётся на глаза ей. Чёрт, вот тогда мне реально будет худо.

— Самойлов? — уточнила она.

— Угу, — я кивнула. Бабушка немного прищуром взглянула на меня.

— Ну, хорошо. Только в двенадцать быть дома. — она пригрозила пальцем.

— Спасибо! — я кинула обнимать свою любимую бабулю, затем звонко чмокнула в щёчку и радостная пошла к себе.

Неужели, червь сомнений не будет грызть меня? Я ведь, по факту, обманула бабушку. Хотя, Самойлов то там будет. А то, что идёт он не с нами — лишь глупая мелочь. Да, и что может случиться со мной на этой дискотеке? Не звери же тут живут?

Я разделась и легла в кровать. Завтра предстоял великий день! А плана, кстати ещё не было. И я не уверена, что он вообще нужен. Буду просто отдыхать, без целей и миссий. Если как-то попаду в компанию Жени — посчитаю это приятным бонусом к вечеру. Или не приятным, это как пойдёт.

Уснула я не сразу. Мысли ещё долго не отпускали меня ко сну. Но в итоге организм сдался, устав сражаться, и я отправилась в царство Морфея.

— Паш, — бабушка легонько касается моего плеча. — завтрак на столе. Иди кушай, а потом пойдём цветочки польём, пока солнце не сильно палит. Я к Самойловым схожу и

вернусь.

"Цветы, солнце, завтрак, бабушка, Самойлов..." Черт! Я вскакиваю с дивана и, еле разлепивая веки, несусь за ней. Черт же дернул меня втянуть в свою ложь ее соседа!

— Бабушка! Бабушка! — мне удаётся застать ее у самой двери. — А зачем ты к Самойловым?

Вид у бабушки слегка ошеломленный. Главное, чтоб она ничего не заподозрила. Хотя то, что я подскочила с кровати при упоминании их фамилии — уже само по себе очень подозрительно. Конечно, я поступаю немного по-идиотски, но отпустить ее к соседям — подвергнуть свой выход в свет глупому риску.

— Да, я вот пирожков сделала. — только сейчас я заметила в руках бабушки тарелку с румяными пирожками, — Хочу угостить и попросить у Марьи Васильевны рецепт ее пирога с яблоками. Она в прошлом году меня угощала. Тогда забыла спросить, а сейчас прям захотелось.

— Я схожу! — выпаливаю я, хотя у меня нет ни малейшей капли желания идти в Самойловскую обитель. Бабушка вопросительно поднимает бровь, явно сомневаясь в моей бескорыстности, — ну, нужно же мне прослыть в их глазах примерной девочкой.

По виду бабушки, не сказать, что она сильно поверила в мой ориентир, но тарелку отдала и утвердительно кивнула. Фух! Опасность миновала. Я вышла из дома, и меня сразу же окутал чистый прохладный воздух. Время я посмотреть не успела, но по моим ощущениям — не было и восьми. Солнце ещё не раскалило землю до адовой температуры, а лишь игриво ласкало ее своими лучами.

Во двор к Самойловым я заходила аккуратно, помня о том, что у них есть милый пёсик Спайк. И хоть в первую нашу встречу, он казался очень даже дружелюбным, кто знает, как Спайк поведёт себя, когда на его территорию вступят чужие? К моему счастью, проход был свободен. Я шла и очень нагло осматривала все вокруг. Двор был вполне обыкновенным, для Ромашково. Кругом цветы, грядки, какие-то кустики. Единственное, что сразу бросалось в глаза — самодельная песочница, окрашенная в желтый и красный цвет.

Женина? Ага! Уже представляю, как он раз в недельку заныряет в неё и лепит куличики. Ну, так... Чисто, чтоб напряжение сбросить.

А если серьёзно: у Самойловых что-ли ещё есть дети? Тогда почему их не было на нашем ужине?

Я подошла к двери и постучала. Почти сразу же за дверью послышался шорох. Дверь открыли, и я не смогла понять, кто это сделал, пока не опустила голову. На пороге стоял тот самый ангелочек, которого я видела в детском саду. Это его сестра?

— О! — восклицает девочка, — Почему ты сегодня без шляпы? — глаза девочки просто переполнены интересом к жизни. Сегодня на ней был лёгенький белый сарафан, усыпанный разноцветными бабочками. Шоколадные кудряшки были собраны в два милых хвостика.

И почему я сегодня без шляпы?

"Потому что наплела своей бабушке, что ее брат будет сопровождать меня сегодня на дискотеку, и чтоб мой обман не рассекретили мне пришлось нести вашей семье пирожки в одной пижаме" — пронеслось у меня в голове. Твою ж... Я же в одной пижаме, буду надеяться, что...

— Карэн, кто там? — Женя выходит в одних шортах, и даже не пытается скрыть своего удивления. Какое же у него накаченное тело. Ни у одного из моих одноклассников не было такого рельефного спортивного тела. Я быстро перевела глаза на девочку, а то подумает, что

я пялюсь. Хотя, я не против и попялиться, не открывал бы он ещё рот.

— Я не Калэн, — фыркает ангелочек и упирает руки в боки, — я Калина!

— Калина, беги ешь свою кашу, пока Спайк до неё не добрался, — он дёргает ее за хвостик. Та показывает ему язык и показательно поворачивается ко мне.

— Ты плидёшь ко мне поиглать? — глазки Карины светятся надеждой, что мой язык просто повернётся сказать ей "нет".

— Конечно. Только не сейчас.

— По-моему, я слышу, как Спайки жуёт твою кашу, — влезает в разговор Женя оттопыривая пальцами одно ухо. Девочка тут же, пища, убегает. — Чего, барыня, решила посетить наши скромные хоромы?

Этот вопрос уже адресовался мне. В очередной раз собрав свою волю в кулак, и опустив колкость, я ответила:

— Бабушка вот приготовила пирожки и решила вас угостить, — я впихиваю ему в руки тарелку.

— Спасибо. Приготовила, значит, бабушка, а угощаешь ты? — усмехается он. — Скажи, а вы в городе всегда в гости в пижамах ходите?

Я посмотрела на свой вид, он был мягко говоря не парадным. Как я могла вылететь из дома, даже не переодевшись? Потому что не нужно врать! Мысленно отчитав себя, я решила не теряться в ситуации, чтоб Самойлов не чувствовал себя королём этого диалога.

— А ты хотел бы видеть меня в чем-то определённом?

Вот так, девочка! Ты тоже не из библиотеки вышла.

Брови Самойлова дёрнулись вверх, он явно не ожидал такого ответа.

— Павлиночка, привет... — из-за спины Жени появляется Марья Васильевна.

— Здравствуйте, — я чуть мнусь. Во-первых, из-за внешнего вида меня пробирало смущение, а во-вторых, она могла подумать что-то не то, увидев меня с ее сыном наедине.

— Ма, тетя Люба вот пирожки передала, — Самойлов разворачивается, передаёт тарелку матери и уходит, бросив небрежное "увидимся".

Ага, увидимся! Даже не представляешь, как скоро! Мои тараканы злорадно протирали ручки, настраиваясь на весёлый вечерок.

— Передай бабушке огромное спасибо от нас! — прервала мои мысления мама Жени.

— Марья Васильевна, ещё бабуля просила рецепт вашего пирога с яблоками. — опомнилась я.

— Хорошо, проходи, я сейчас найду.

— Нет, я здесь подожду.

— Ну, как же? Прходи.

— Марья Васильевна, все хорошо, я подожду тут.

— Ну, хорошо. Только зови меня тетя Маша.

— Хорошо, Марь... Тетя Маша.

Она одарила меня своей доброй улыбкой и скрылась в дверях одной из комнат. Я пока водила глазами по стенам, просто осматривая дом. Ремонт вполне приличный, могу сказать, что даже современный. Стены окрашены в приятный цвет молочного кофе. Все очень лаконично и уютно.

— Вот, Павлуш, — Марья Васильевна протягивает мне тетрадку, — на десятой странице рецепт.

— Спасибо, тёт Маш. Ну, я пойду.

— Бабушке спасибо и привет.

— Угу, — я киваю и направляюсь к калитке.

Я выхожу из их двора и облегченно вздыхаю. День начался не очень удачно: чуть не спалилась перед бабушкой, снова выслушала колкости от Самойлова. Зато, не зря подстраховалась, ведь если бы пошла бабушка, то она бы точно не удержалась, чтоб дать какое-нибудь наставление Жене на этот вечер.

Значит, все было сделано правильно.

— Бабушка, я вернулась.

— Хорошо, завтракай. Нас ждут сегодня много дел.

Эх... Многообещающе. Я переоделась, перед этим заглянув в ванную и приведя себя в порядок после сна, затем пошла на кухню уплетать бабушкины пирожки. Со временем, кстати, я не ошиблась. Стрелки часов показывали половину восьмого. Интересно, мне теперь всегда придётся так рано вставать?

Выпив чай с пирожками, мы с бабушкой вышли на улицу полоть грядки, пока солнце ещё это позволяло. До десяти мы не разгибались и успели выполнить почти все, что было намечено. Спина неприятно ныла, но жить, вроде, буду. После огорода мы с бабушкой пошли поливать цветы в горшках, которых стояли в тени винограда. Перед холодами бабушка их заносила в дом, а летом давала возможность подышать растениям свежим воздухом. После окончания этого дела спина ныла гораздо ощутимее. Время уже был обед, на улице находиться стало просто невыносимо и мы с бабушкой зашли в дом. Отобедав бабушкиным вкуснейшим соусиком, мы принялись за уборку дома. И не просто уборку, а генеральную, самую тщательную уборку.

Вылизывание окон, полов, карнизов и вообще всех щелей закончилось только в шесть вечера. Бабушка была очень довольна мной, а я находилась в полуживом состоянии и хотела лишь упасть на кровать и уснуть. Что, кстати, я и сделала.

— Павлин, ты чо спишь что-ли? — Алла врывается в комнату, словно ураган, прогоняя прочь мой сон.

— Нет, блин, в мертвую играю.

Я встала с кровати, спина просто жутко ныла, голова раскалывалась, как после бурной пьянки. Желание идти куда-то, кроме душа — на нуле. Но как отказаться, когда собственноручно это все и организовала? Да, и в следующий раз бабушка может просто не отпустить.

— В чем ты пойдёшь? — Аллка плюхается на диван.

— Ещё не думала об этом. Мне сначала надо сходить в душ.

— Отлично, иди в душ, а я пока посмотрю, что тут у тебя есть. — подруга подходит к шкафу, распахивая дверцы.

Честное слово, я почти не удивилась. Начинаю привыкать — это хорошо. Главное, чтоб эти привычки с собой в город не увезти.

— Подай мне полотенце.

Алла кидает в меня полотенце и снова погружается в мой гардероб с головой. Мысленно закатываю глаза и направляюсь в рекомендуемый бабушкин "летний" душ. Наверняка, каждый знает, что это такое. А если нет, то понять не сложно — это душ на улице, вода в котором подогревается солнышком. Вообще-то, меня немного смутил тот факт, что в душе нет двери, а лишь кусочек ткани (предположительно шторы). То есть, любой, кто захочет, может ворваться ко мне. Успокаивает лишь то, что вряд ли кто — то это захочет. Я

снимаю с себя одежду и вешаю на крючок. Открываю воду и прохладный каскад капель обрушивается мне на голову. Сначала, вода кажется невероятно холодной, но это чувство проходит через секунд десять. В принципе, летний душ — вещь, что надо. Сразу чувствуешь себя, словно заново родился.

— Я нашла у тебя столько чумовых нарядов! — восхищается Алла, как только я захожу в комнату. — и, если ты не против, я бы хотела у тебя одолжить одно платьице.

— Я не против, пожимаю плечами.

— Здорово! Ты просто лучшая!

— Спасибо, теперь мне нужно одеться, — прозрачно намекаю на то, чтоб хотя бы на пару секунд остаться одной.

— Да, чо я там не видела, Паш? Одевайся.

Мой намёк был понятен, но не принят во внимание. Ладно, в самом деле, что есть у меня, чего нет у неё?

Я надела нижнее бельё и принялась тереть волосы полотенцем.

— Блин, как у вас получается иметь такую фигуру? — с досадой произносит Алла.

— Какую?

— Ну, вот плоский живот, худые ляшки...

— Эй, зато у тебя грудь больше и попа, — подмигиваю я.

— Ну, это да. Кстати, советую собираться быстрее. — Алла постучала пальцем по импровизированным часам на запястье.

— Ладно.

Я принялась сушить голову феном, немного подкручиваю концы, чтоб совсем не висели соломой. Алла в это время эксплуатирует мою косметичку. После того, как с волосами окончено, лезу в перерытый шкаф, чтоб найти себе наряд. Слишком увлекаться с пафосом и экстравагантностью не решила, поэтому мой выбор пал на юбку до колен из фатина, а-ля балетная пачка, и простую белую футболку, небрежно свисающую с одно плеча. Вот так, вроде, не сильно вычурно.

Пока я одевалась, Алла со скрипом влезала в моё платье с пайетками. Вообще-то, фасон платья предполагал, что оно будет свободным, но Аллу оно обтягивало, словно вторая кожа. Смотрится, конечно, иначе, но тоже не плохо. Своеобразно.

Много времени макияжу я уделять не стала, просто обвела карандашом глаза, бесцветный блеск на губы и тушь.

Наши "быстрые" сборы были окончены к десяти. Мы собирались улизнуть, не попадаясь бабушке на глаза, но у самой двери нас застал наш комендант.

— Уже уходите?

— Да, ба. — я подталкиваю Аллу к выходу,

— Ты же помнишь, что в двенадцать тебе нужно быть дома? — кивок. — Женья вас точно проводит?

Алла вылупилась на меня, как удав на кролика. Я незаметно пихнула ее в бок, чтоб та даже не смела открывать свой рот.

— Точно. Ладно, мы пошли! А то до двенадцати будем с тобой прощаться.

Я выталкиваю Аллу за дверь и выхожу следом. Предчувствую прилив вопросов со стороны подруги. Интересно, сколько она продержится?

Как только мы выходим за ворота, Алла сдаётся своей любопытности.

— Мы серьёзно с Самойловым идём?

— Нет.

— А почему твоя бабушка сказала...

— Потому что я так сказала.

— Зачем?

— Потому что ты — не достаточно весомый аргумент, чтобы отпустить меня в ночь одну. Уж не знаю, что за звери у вас тут обитают, но только под Самойловским покровом меня согласились выпустить.

— А если узнает, что ты соврала?

— Отправят подальше, чем Ромашково.

— Такого места нет, — звонко рассмеялась Алла.

Эти самые танцы проходили в столовой. Идти до неё минут двадцать. Только вот на каблуках по бездорожью наш путь становился тернистее. Вернее для меня тернистее, а вот Алла очень даже уверенно шла на высоченных каблуках по всем ухабам и кочками.

На половине пути я готова была развернуться и идти домой переобуваться. Но Алла успокоила меня тем, что уже через минуту мы выйдем на асфальт. И не обманула, чему я была безгранично рада.

Здание столовой выглядело подстать селу. Стены побелены, на окнах резные рамы. Хоть окна пластиковые, уже радует. Из здания доносилась музыка, а сквозь стекла мелькали огни. Около входа толпился народ. Так же мною было отмечено относительно много припаркованных машин. Если честно, я ожидала, что людей будет меньше.

— Не думала, что в Ромашково столько молодёжи. — кидаю я Алле.

— Тут не только Ромашковские. Здесь ещё петровские, залесенские и по-моему, даже пару орешков.

— Кто такие орешки?

— Ну, из Орехово парни.

— Все понятно. Слетелись как мухи на мёд.

Хотя в голове слово " мёд" было заменено на более жёсткое слово. Но Алле об этом знать не обязательно. Мало ли как она отреагирует на такую оценку своей малой родины.

— Давай, идём. — Алла ныряет в толпу преграждающую нам вход в "клуб". Я под прицепами пристальных взглядов обхожу парней, стараясь не зацепить ни одного из них.

Захожу в столовую вслед за Аллой, и останавливаюсь у стены, чтоб оценить ситуацию. В здании темно. Из освещения лишь два зеркальных шара распыляющих разноцветные огоньки по всей столовой. Этого света хватило, чтоб разглядеть диджейскую "стойку", расставленные вдоль одной из стен столики, которые были окружены людьми, словно конфетка муравьями. В центре зала девчонки устроили танцпол. Танцующих ребят заметно пока не было. Может ещё рано?

— Сядем за столик? — предлагаю я.

— Ты что? Там же только для VIP персон.

Я громко хмыкаю, но вряд ли Алла услышала меня из-за орущей музыки. Казалось бы, вот чем им тут меряться? А нет, все равно кто-то считает себя лучше.

Мой взгляд скользит по "вип ложе" и останавливается на знакомых чертах лица одного из восседающих за столом. Самойлов. Я не могу ошибиться. Он сидел за самым большим столом, облокотившись на спинку стула. На его шее повисла какая-то баба, чье лицо я не могла рассмотреть, потому что она сидела в полоборота от меня. Женя сидел с очень сосредоточенным видом, видимо слушал какую-то важную информацию. За его столом так

же сидели еще 3 девушки и 4 парней помимо "сладкой" парочки. Вот, цель намечена. Осталось понять, как мне тактично приземлиться за тот столик.

— Кто с ним? — я киваю в сторону Самойлова, даже не сомневаясь, что Алла поймет меня.

— М-м-м, — мычит она, вглядываясь, — Ну, Самойлов со Светкой. Жаннка и Настя — слуги нашей королевы. Яшка, Гусь и Славик... — Алла мечтательно вздохнула и закусил губу.

— А дальше? — напоминаю я о своем вопросе.

— Коц и Аленка. М-да, давненько тут не было Аленки. Мы же с ней вместе оканчивали школу. Только я пошла в техникум, а она в банковский лицей поступила.

— Алена — твоя одноклассница?

— Ты, что не помнишь ее? Это же она в первом классе на плече выпускника каталась, сучка...

Ах, ну да! Самая главная цель первоклассницы — залезть на спину парня с колокольчиком. В моем классе Повезло милой девчужке-блондиночке, с бантами, размером с ее голову.

Сейчас Алена — совсем не блондинка. по-моему, даже чистейшая брюнетка

Так, если Алена моя одноклассница...Есть план!

— Пойдем, — я хвататю засмотревшуюся Аллку за руку и тащу к Ромашковской элите.

— Что ты собираешься дел...

— Аленка! Ты — ли это? — я бросаюсь обнимать ошеламленную девушку. — Обалдеть, сколько лет, а ты все такая же.. — Алена встает, но не произносит ни слова. — Ну, как ты?

— Спасибо, хорошо... А мы...

— Павлина, — поясняю я.

— Павлина...? — девушка нахмурилась, видимо вспоминая. Хотя. не такое уж у меня распространенное имя, чтоб спутать с кем-то. — А, Павлина. Я тебя не узнала, ты чего тут делаешь?

— Да, вот приехала в гости, а к вам можно присоединиться? — наглости мне не занимать, но что поделать?

— М, конечно, — девушка стала озираться, видимо в поисках свободного стульчика. — Коц, достань девушкам стулья.

Сидевший рядом с ней парень кивнул и встал.

— Присаживайся, — приглашает меня Алена, конечно же я не отказываюсь и усаживаюсь. Только сейчас я смогла разглядеть удивленные взгляды Аллы и Жени. Блондинка наконец-то явила мне свое легендарное лицо и это... Черт! Это же великая воспитательница из детского сада. Это что получается... Девушка Самойлова так грубо относится к сестре Самойлова? Что за нахрен? Видимо, она узнала меня тоже, и по ее раздраженному лицу было понятно, что моей компании тут не рады. Но черта с два я сдамся!

Коц возвращается через пару минут, неся в руках два стула. Один он ставит перед Аллой, а на другой плюхается сам. Волей судьбы Аллка оказывается около ею обожаемого Славика и расцветает, как майская роза.

— Черемушкина. может познакомишь нас со своей подругой? — заводит диалог одна из слуг Ромашковской принцессы.

— Ребят, это Павлина! — берет инициативу в свои руки Алена. — она училась со мной в одном классе, но не долго. Потом переехала в город. — Это Света, — блондинка кривит

свой рот то ли в улыбке, то ли в волчьем оскале, — Жанна, — она показывает на девушку, которая минуту назад изъявила свое желание познакомиться со мной, — Настя, — девушка кидает на меня презрительный взгляд. — Женя, — Самойлов сидит, как скала, без эмоций. Лишь внимательно смотря на меня, будто посылает мне мысленно вопрос "какого хрена ты тут забыла?", — Коц, Гусь, Славик, Яшка, — ребята по очереди кивают, я улыбаюсь им и на этом официальная часть нашего знакомства окончена.

— Пить будете? — решает поухаживать за нами Славик.

— Да, — сразу же откликается Алла. А я и не сомневалась. Она из его рук даже яда хлебнет. — А ты? — этот вопрос адресован мне.

— Нет, я не хочу.

— Ну, конечно, принцессе же бакарди падавай или пино коладу, а у нас только водка и сок. — злобно фыркает Женя.

Надо же, я думала, ему Спайки язык откусил. Даже соскучилась по его глупым шуточкам. Мне хочется возразить ему, сказать, что я никогда в жизни не пробовала коктейли, которые он назвал, но кто меня будет слушать? Я еще не в том положении, чтоб кого-то интересовали мои слова, поэтому в сотый раз придется промолчать.

— Ну, и правильно, пить вредно, — поддерживает меня Коц.

Алена начинает закидывать меня вопросами о моем прошлом, будущем, настоящем. Ребята иногда слушают, иногда начинают вести параллельно свой диалог. Света то и дело отвечает Самойлову смачные поцелуи от которых закатываются глаза у доброй половины нашей компании. Видимо метит территорию. Глупая, кому нужен твой ненормальный?

Женя сидит очень напряженно. Иногда сверлит меня взглядом, иногда полностью игнорирует мое присутствие. После того, как Аленин допрос был окончен, я наконец-то смогла расслабиться и понаблюдать за окружающими меня людьми.

Итак начнем мой анализ:

Света — самовлюбленная девочка с манией величия. Смотрит она на меня свысока. Похоже, чувствует во мне опасность ее девичьему счастью, раз так показательно лижется со своим парнем.

Жанна и Настя — безвольные дуры, копирующие поведение пчеломатки этого улья.

Гусь и Коц — заводилы компании. Вечно шутят, рассказывают смешные истории, сглаживают острые ситуации. Их с радостью можно утвердить на роль своих друзей.

Яшка — видимо, местный мачо (не считая Самойлова), потому что постоянно делал мне недвусмысленные намеки. А уделяя внимание мне, не забывал еще подмигивать девушкам с "танцпола".

Славик — пока остается для меня темной лошадкой. Да и пусть к нему присматривается Алла.

Алена — милая, искренняя девушка, которую я так безжалостно использовала в своих целях. Она простая. Она такая, какие люди мне по душе.

Ребята веселятся, выпивают. Алла очень органично вписалась в их атмосферу, а мне было немного не по себе, потому что я то и дело ловила недружелюбные взгляды шайки.

В здании становилось жутко жарко. Присутствующим было все равно, потому что по пьяне и в аду покажется весело. После того, как все пропустили уже внушительное количество рюмок, парни закурили, а девушки поплыли на танцпол. Света двигалась зажигательнее всех, виляя своими бедрами и демонстрируя выдающиеся части тела. Сексуально, пошло, вызывающе. В ее стиле. Вместе с девками свалила и Алла. Она, если

честно, казалась мне далеко не трезвой. Пора бы уже уводить ее домой.

— А ты почему не танцуешь? — спрашивает Коц.

— Трезвая, — пожимаю плечами.

— Так в чем проблема? Легко исправить.

— Нет, спасибо.

Женя смотрит на нас исподлобья, то ли злой, то ли просто пьяный. Но что-то не нравится мне он такой.

Славик закуривает сигарету, выдыхая дым в мою сторону. Меня начинает воротить от этого запаха. К тому же еще жутко разболелась голова. Нет, мне срочно нужен свежий воздух или я прям тут грохнусь в обморок. Тогда уж Самойлов точно не отсанет от меня со своими шуточками.

— Ребят, я выйду на улицу, если Алла спросит, скажите — скоро вернусь.

Не дожидаясь ответа пробираюсь по стеночке, потому что все танцующие изрядно пьяны и их движения абсолютно нескоординированны. Как только я выхожу, мне тут же становится легче. На часах 23:35. Воздух прохладный, но не такой свежий, как по утрам.

Я отхожу от выхода и облакачиваюсь на стенку. Как же жутко болят ноги. Ненавижу каблуки, и зачем я только сегодня их надела? Я сползаю по стенке, чувствую, что вот — вот рухну.

— Что, не привычная атмосфера? — перед моими глазами вырастает силуэт Самойлова. В темноте не распознать лицо, лишь видно уголек сигареты, тлеющий в его губах.

— Просто разболелась голова, — не знаю зачем начинаю оправдываться. Мне бы стать, чтоб хоть немного вырасти в его глазах. Но сил почему-то нет.

— Чего ты добиваешься?

Его голос трезв, и если бы я не видела лично, как он опрокидывал рюмку за рюмкой, то даже не догадалась бы, что он пьян.

— Чего? — спрашиваю я, что уточнить, что он имеет ввиду.

— Да, чего?

— Не понимаю о чем ты.

Я собираю оставшиеся силы и встаю. Даже на каблуках я не сровнялась с ним. Но хотя бы так он не смотрит на меня, как на букашку.

— Ты всерьез думаешь, что тебе тут место?

— Я думаю, что ты судишь людей слишком рано.

Самойлов усмехается:

— Павлина, ты же умная девочка. Должна понимать, что как бы ты ни старалась, ты не станешь своей. Если тебе это вообще нужно.

"Нужно!" — хочу возразить я, но только молчу. Потому что пока не понимаю, зачем мне это нужно...

— Да, что во мне не так? С чего такая ненависть? — взрываюсь я. — Ты же не знаешь меня! Я ведь не хуже, чем..

— Никто никого не хуже. — нагло перебивает меня Женя. — Просто мы другие, ты другая. Не пытайся влезть в наш мир. Таким, как ты, здесь нет места...

— Что вы тут делаете? — к Жене подходит Света, вешаясь на его шею. Парень охотно обнимает ее, притягивая к себе. Та весело хихикают, затем они снова начинают целоваться.

Мне почему-то не хочется смотреть на это. Разворачиваюсь и направляюсь в местный клуб. С меня хватит! Навливалась я в это Ромашково. Видимо, он прав! Просто я другая.

Адекватная и нормальная, в отличии от них!

Нахожу глазами Аллу и иду к ней. Она сидит в компании парней, девушек нет и близко.

— Алл, я домой. Ты со мной?

— Ну, Па-а-а-ашечка, давай еще посиди-и-и-им, — подруга растягивала слова, будто заевший магнитофон.

— Пойдем, завтра будут проблемы. — я беру ее за руку и поднимаю со стула.

Алла еле стоит на ногах, я волочу ее буквально на себе. Черт, и подумать не могла, что она такая тяжелая.

— Давай, помогу. — нас догоняет Коц. Я киваю и он берет Аллу под другую руку. Мне сразу же ощутимее становится легче.

— А чего ты забыла в Ромашково, да еще и летом? — спрашивает парень по дороге.

— Приехала поставить на место вашего главара. — отшучиваюсь я.

— Ко мне она приехала, — вставляет свои слово полуживая Алла. Мы просто переглянулись и пропустили ее речи мимо ушей.

— Зря. Не любит он таких, как вы. Не шути с ним, Пашка. Самойлов парень хороший. Но тараканы у руля, так что...

— Я поняла, — желая прекратить разговор перебиваю я. Не хочу слышать о нем. Пусть там обсасывает свою блондинку в сельских законах.

— А если серьезно, почему ты тут?

— Отец наказал. — не знаю, хоть убейте, не чувствую я в нем опасности. Мне кажется, он нормальный пацан.

— Чего учудила?

— Сбежала на вечеринку и напилась.

— А тут строишь из себя святую, — улыбается Коц.

— После этого и не пью. Кстати, как тебя зовут? Не люблю эти клички.

— Артем, очень приятно — он протягивает мне свободную руку и я жму ее.

— Взаимно. А почему Коц?

— Коцаев потому что.

— М-да, оригинальности вам не занимать, ребят.

За разговорами, мы быстро добрались до дома. Только сначала нам с Артемом пришлось погружать тело Аллы в кровать, потому как ее родители работали в ночь.

— Ладно, спасибо, что помог... — прощаюсь я, — была рада познакомиться.

— Знаешь, мне кажется, ты не такая, как все городские фифы. Пока, Пашка.

Парень улыбается и уходит прочь.

Хоть один уверен, что я не такая. А то с этим Самойловым я скоро сама поверю в его бред. Нет, все-таки Артем определенно нравится мне. Как друг, естественно.

В дом я зашла ровно в 12 ночи.

— Пашка, даже не опоздала, — одабривает меня бабушка. — все хорошо?

— Да, бабушка. Просто жутко устала.

Я снимаю ненавистные каблук и чувствую облегчение.

— Женя проводил? Видела я в окошко, случайно...

Ага, случайно. Хорошо, что фонарей на улице нет, а то пришлось бы сейчас отдуваться.

— Угу, я пойду, ба. А то спать хочется.

— Хорошо, спокойной ночи, пышечка. — бабушка целует меня в лоб и скрывается за дверями своей комнаты.

Я следую ее примеру и ухожу к себе. Снимаю с себя наряд, натягиваю пижамку и падаю на кровать. Почему я чувствую себя такой уставшей? И жутко разбитой... Нет желания больше кому-то что-то доказывать. Видимо, мне не пробиться о эту сельскую стену. Хотя... Я вспоминаю слова Артема и становится немного легче. Пока в голове не проносится фраза Жени " Таким, как ты, здесь нет места"... Каким же? Какая я, черт возьми?

Желая спрятаться от мыслей, я ныряю под подушку. Так и засыпаю под гул собственных мыслей.

Не забывайте радовать админа комментариями и звездочками.) я стараюсь, правда)

P.s. завтра исправлю все ошибки и опечатки.

Глава 6. Важные открытия

С утра меня разбудил звонок отца, который хотел удостовериться, что у меня все хорошо. Жаль только, что на самом деле все было иначе, но не вдаваться же в подробности. Папа говорил, что скучает по мне, но забирать все равно не намерен. Ну, и ладно. Я уже давно покорила своей судьбе. Наговорившись со мной вдоволь, он поспешил на работу, а я в бабушкино подчинении.

Сегодня она поручила мне избавить саженцы клубники от травки. А сама пошла печь пирог по рецепту тети Маши.

Небо очень облачное, поэтому солнце то и дело прячется. Но даже не смотря на это, я вышла работать в шляпке. Все-таки, к такой жаре я не привычна, могу и удар получить. Я воткнула в уши наушники, включила музыку и принялась махать тляпкой. Работа шла налажено, пока я не почувствовала, что мне в спину прилетел камешек что-ли. Я обернулась и увидела выглядывающую из-за забора Аллку. Та рьяно махала и что-то говорила.

А чтоб понять, что именно, пришлось вытаскивать наушники из ушей.

— Привет, ты чего это с утра пораньше пашешь? — видимо подруга решила начать диалог заново.

— Привет. Утро — единственное время суток, когда на улице можно находиться без угрозы сгореть заживо.

— Ну, да... Слушай, а что вчера было? А то я что-то не помню...

"Что-то не помню". Смешно. Еще бы ты что-то помнила, если за два часа успела выпить больше, чем я за всю жизнь.

— Да, ничего особенного. Но насчет тебя — не уверена.

— Попадос... Надеюсь, все было более менее прилично, — пожимает она плечами. Видимо, для нее такая ситуация не впервой. — А как мы добрались до дома?

Под словом "мы" она имеет ввиду себя.

— Мне помог Артем, — немного понизила тон голоса. Мало ли бабушка еще услышит...

— Какой Артем?... А! Коц... Вы с ним чо... Это что ли?.

— Женечка, привет, — голос бабушки заставляет меня подпрыгнуть на месте.

Блин, какой еще, нахрен, Женечка? Я оборачиваюсь и вижу что за забором на противоположной стороне стоит Самойлов. Интересно только как давно?

— О, Аллочка и ты тут. — бабушка улыбается Алле и та отвечает взаимностью. — А вы чего это тут переговоры устроили?

— Да, просто разговариваем... — произношу я.

— Наверно о том, как вчера погуляли. Кстати, — бабушка поворачивается к Жене, — спасибо, что проводил Пашечку. Она все-таки человек тут новый, опасно ей ночью одной ходить.

Все. Мне конец. Даже боюсь представить, что будет, когда Женя скажет...

— Да, не за что. Мне не сложно было проводить Павлиночку, — мое имя он произносит с самой фальшивой улыбкой, какую только можно сделать. Если бы мы стояли на асфальте, было бы слышно, как цокает моя челюсть о него.

И что произошло сейчас? Самойлов добровольно решил поиграть в мою игру? Может он не отрезвел после вчерашнего?

— Теть Люб, если вы не против, я сегодня хотел бы показать Павлине ту сторону.

Вот сейчас у меня и глаза из орбит готовы выпасть. Еще вчера он говорил, что мне тут не место, а сегодня напрашивается мне в экскурсоводы. Этот парень случайно не страдает раздвоением личности? И что еще за "та сторона"? Звучит как-то неоднозначно...

— Нет, конечно, Женечка. Вот она поможет мне, а вечером можете прогуляться. — решила за меня все бабушка. — Так, Паш, ты заканчивай быстрее, а то солнце уже палит, а я пойду в магазин. Пока, ребятки.

Алла и Женя улыбаются бабуле и провожают ее взглядом.

— И что это было? — злобно кидаю я Самойлову, который еще не вышел из образа пай-мальчика.

— Насколько я понял — твоё спасение.

— Спасибо, конечно, но я про твой жест доброй воли.

— Ну, ты чо Паш? Я же ещё в первую нашу встречу обещал тебе экскурсию. Вернее во вторую. — он подмигивает, но совсем не по-доброму. — Не люблю оставаться должным.

— Я тебя прощаю, не переживай.

— Да, Паш, ну пойдём. — встречается в разговор Алла. Я кидаю на неё злой взгляд и та прикусывает язык.

— Да, Павлин, пойдём. — зачем-то спрашивает меня Самойлов.

Не знаю, что он задумал, но хорошего от него ждать не стоит.

— Никуда я с тобой не пойду, — цежу я сквозь зубы.

— Пойдёшь, — утверждает Женя.

— Почему это?

— Ну, ты же не хочешь, чтоб бабушка узнала про твоё враньё.

— Что?!

— Ты думаешь, я помог тебе просто так?

— Да я вообще не просила твоей помощи!

— Так мне можно идти к тёте Любе?

Вот же гад ползучий! Нет, мой обман не смертелен, и за него меня не четвертуют. Но вот мне точно придётся забыть про бабушкино доверие. А это грозит унылым летом проведённым в четырёх стенах.

— Шантаж — это низко. — пытаюсь пристыдить Самойлова.

— Простите, барыня, чем могу, тем и пользуюсь. Ну, так что?

— Ладно!

— Ура, — Алла захлопала в ладоши.

Одна я не рада этой экскурсии? Хотя, почему это я не рада? Ещё вчера я сама поперлась в этот клуб, чтоб увидеть компанию, в какой вращается Самойлов, а сегодня чувствую крайнее раздражение из-за того, что он вынуждает меня идти с ним на какую-то "ту сторону". Меня не понять... Но на то я и баба.

А вот то, что не понять его — это странно.

— Встречаемся в шесть, — кидает Женя и уходит.

— Здорово, — восхищается Алла.

— Что здоровского? — злобно выпаливаю я.

— Ну, просто, планы на вечер... — Аллка начинает бубнить что-то тише и тише, — ладно, увидимся в шесть.

Она растеряно улыбается и тоже оставляет меня.

Я снова вставляю наушники в уши, чтоб хоть немного остыть. Пока злилась на

Самойлова, не заметила, как разобралась с травкой на огороде. Убрав тляку на место, поплелась в дом. Надо же, даже не сильно устала. Похоже, что я начинаю привыкать.

Бабушка возится с пирогом, а я проскальзываю мимо кухни и ныряю к себе в комнату. Может, мне придумать что-нибудь и не идти?

Ладно, подумаю, об этом, как время подойдёт. А пока почитаю книгу, а то зря что-ли я их взяла?

Прочитав пару глав своего романа, меня отвлѣк звонок Стаськи. Даже не думала, что так буду рада слушать ее трель пол часа. Но, блин, так приятно окунуться вновь в свой мир, откуда меня так беспардонно выдернули. Стася все время рассказывает о своём парне, о том, как им весело. А я просто радуюсь за неё. Напоследок пообещав скинуть мне в социальных сетях страницу своего благоверного, Стаська попрощалась и отключилась. Я уже привыкла к тому, что она совершенно не умеет слушать. Болтает — то она отменно.

После разговора я вновь вернулась к чтению. И так скоротала время до шести. Книга остудила мой пыл, и на трезвую голову немного поразмыслив, я решила все-таки не показывать свой характер, а попробовать ещё раз сделать шаг навстречу Самойлову.

Перед нашей встречей я заскочила в летний душ, чтоб хоть немного освежиться. И даже не высушив голову, вышла на улицу. Около моего забора уже ошивалась Аллка.

— Давно ждёшь?

— Да, нет. Только вышла.

Впервые Аллка не разрисовалась перед встречей с Женей, да и одета по-скромному. Может пришло озарение?

С нарядом я тоже решила не заморачиваться. Просто натянула первые попавшиеся шорты, футболку и dokonчила образ своими любимым сандалиями с шипами и камнями.

— Ну, чо мнѣтесь там? Пошлите, — Женя стоит у своих ворот и кричит нам. Даже не подошёл.

"Та сторона" находилась очень далеко! Ну очень! Мы идѣм уже пол часа. Ноги то и дело цепляются за траву, ветки. Я уже раз сто споткнулась, но каким-то чудом мне удавалось сохранить равновесие. Мои прекрасные сандалики были покрытые слоем пыли, из них торчали травинки. Сердце просто кровью обливается, как смотрю на них. Когда мы начала подниматься на холм, я поняла почему Алла и Женя обуты в спортивную обувь. А меня просто забыли предупредить о дресс коде.

Мышцы ног уже начинали подвывать, но я буду молчать и терпеть, чтоб лишний раз не дать Самойлову повода подшутить надо мной. Когда мы наконец — то оказались на вершине, я хотела предложить устроить привал, но Женя обрадовал меня, что идти осталось недолго, поэтому я просто решила потерпеть.

Женя и Алла начали аккуратно спускаться с холма. Не понимаю, зачем нужно было подниматься сюда? Чтоб сейчас спуститься? Это у них у Ромашково развлечения такие?

— Ну, чего ты там застряла? Спускайся, принцесса. — орет снизу Женя.

Я шаг за шагом начинаю аккуратно переставляться ноги. Вроде, получается не плохо, только подошва очень скользит по свежей траве. Остаётся чуть больше пары метров, как моя нога цепляется за что-то, и я лечу кубарѣм вниз.

Блин! Ко мне тут же подбегает Алла и Женя и присаживаются рядом.

— Эй, как ты? — Алла осматривает меня на предмет серьёзных ран.

— Да, все хорошо, — от шока я ещё не чувствую никакой боли. Может, ее и не будет. Я опускаю взгляд на свои ноги, коленки содраны, но крови нет.

— Встать сможешь? — спрашивает Женя.

— У меня всего лишь небольшие царапины, что вы тут устроили?

— Хорошо, — Женя встаёт и подаёт мне руку. Я колеблюсь пару секунд, затем беру его руку и встаю. У него очень тёплая и мягкая ладонь. На секунду у меня проносится мысль, что я не хочу ее отпускать. Но я гоню ее восвояси. Женя отпускают мою руку сам, но не сразу. От нашего касания, почему-то участился пульс и пронеслась волна мурашек.

— Идём дальше? — интересуется Алла.

— Да, пойдёмте, — очнулся Женя и пошёл вперёд.

Мы поплелись за ним. Все-таки одна нога пострадала существенно, потому что при наступлении на неё появлялась колющая боль в коленке. Терпеть можно, но все равно немного неприятно. Через минут пять мы подошли к берегу небольшой речки, над которой склонились деревья. Около одного дерева стояло деревянное сооружение по типу стремянки.

— Что это? — я указываю подбородком на сие творение.

— Сейчас увидишь, — загадочно улыбаясь, произносит Самойлов. — Алла, продемонстрируешь?

— Конечно. — Аллка начинает карабкаться вверх, добравшись до последней ступеньки, она ловким движением достаёт откуда-то сбору кусок проволоки согнутый в виде крючка. Дальше она становится в полный рост и что-то начинает доставать из ветвей проволокой. Со второй попытки сверху свисает кусок верёвки с брусом. Проще говоря — тарзанка. И что она собирается делать? Купаться?

В следующую минуту, Алла поварачивается к нам, игриво дергает бровями, затем отталкивается от ступеньки и летит через речку. Она отпускает брус только над другим берегом, приземляясь на ноги.

— Ну, что принцесса, теперь ты?

— Нет! — мой голос напуган, и как бы мне не хотелось это скрыть — не получится. Мне действительно очень страшно. Все дело в том, что я не умею плавать. Да-да. Я умею вязать, шить, играть в теннис, играть на пианино\скрипке, но не умею плавать. Вот такое упущение в моем воспитании. Но об этом не просто забыли. Мама не раз делала попытки в детстве отвести меня в бассейн, но все они заканчивались тем, что я нахлебывалась воды и уходила со слезами. Вообще-то я люблю шум воды, даже ее вид, но любой вариант моего соприкосновения с ней — приводит меня в ужас.

— Это не сложно, давай.

— Я не буду!

— Павлина, ты останешься ждать нас здесь?

— Да!

— Ну, что вы там? — кричит Алла.

— Подожди, — отвечает ей Женя и снова поварачивается ко мне.

— Ты боишься высоты?

— Нет...

— Тогда прекращай показывать свои капризы и лезь.

— Я не умею плавать, — бубню я себе под нос.

— Ты серьезно? — брови парня подскочили вверх.

— Угу...

— Так, ну плавать мы тебя и не будем заставлять. Поэтому бояться нечего.

— А вдруг она оборвется? Или у меня сорвутся руки? Или я не смогу удержать

равновесие на том берегу и плюхнусь? — в голове крутилось миллион "вдруг" и "если".

— Павлин, этой веревке тысячу лет.

— Вот именно!

— Да она надежнее Китайской стены! Она вон даже Аллку выдержала.

С одной стороны, он прав. А с другой — ни за что не пойду на это.

— Я не смогу!

— Видимо, я зря подумал, что могу ошибаться насчет тебя... Думал, что может ты совсем не такая, как все фифы...

Женя решил взять меня "на слабо". В любой другой ситуации я бы повелась, но не сейчас. Мне вообще-то дорога моя жизнь.

— Да, думай что хочешь. Я не полезу туда.

— Ладно, давай тогда так. Я переправлюсь первый и ты поймешь, что веревка надежная и выдержит, а потом я тебя впоймаю там.

— Не знаю...

— Павлин, хватит уже. Нас ждет Алла. Давай прекращай портить мой экскурсионный тур, и делай, как тебе велят. Понятно?

— Точно впоймаешь?

— Вообще-то, велик соблазн скинуть тебя самому, но боюсь что тетя Люба расстроится. А ее чувства мне дороги.

— Ладно, — сдаюсь я.

Не знаю зачем соглашаюсь на его аферу, но не стоять же тут и впрямь пока они вернутся?

Женя ловко взбирается на "трамплин", затем Алла отправляет веревку к нему, он хватает ее, и уверенно переправляется на ту сторону.

— Давай, — кричит Женя.

Я выдыхаю и пытаюсь унять дрожь в разбитых коленках. Но с каждой новой ступенькой мне становилось лишь страшнее. Когда я оказываюсь на верху, Женя пихает брусочек мне. Я успеваю схватить его, но в голове поселяется мысль, бросить эту тарзанку и уйти. Трусихой, но живой.

— Ну же, я тебя жду, — снова орет Самойлов.

Он меня ждёт. Я понимаю, что он имеет ввиду, но почему-то все равно заливаюсь смущениями.

— Главное посильнее оттолкнись, — добавляет Алла.

Я киваю и пытаюсь собрать свою смелость в кулак. Только по-моему, я забыла ее дома. Сердце бешено колотится, заполняя своим стуком всю мою голову.

Нужно просто закрыть глаза и оттолкнуться. И главное — покрепче держать тарзанку.

— Я тебя впоймаю, обещаю. — громко произносит Женя и я ему верю. Правда верю.

Я набираю полную грудь воздуха, отталкиваюсь ногами о край дощечки и... Лечу! От восторга у меня перехватывает дыхание. Изнутри вырывается крик. Но это восхищенный крик. Жаль только, что полет над рекой длился всего несколько секунд, после чего передо мной возник Женя.

— Отпусти ее! — кричит он.

— Паша, отпускай!!! — вопит Алла.

Когда до меня доходит смысл их слов, между мной и Самойловым остаётся примерно метр. Разжимаю пальцы, но слишком поздно. Я налетая на Женю, сбивая его с ног. Мы

кубарем катимся, пока наконец-то не останавливаемся. Мы пролетели пару метров, но Женя не отпустил меня.

Самойлов лежит подо мной прижав одной рукой голову к своей груди, а другой обхватив мою талию. После того, как он понимает, что опасность миновала, он разжимает свои объятия.

— Это можно расценивать, как покушение на убийство. — вымолвил Женя.

— Извини, я просто... Не слышала вас. Вернее не понимала...

— Ребят, вы там живы? — к нам подлетает Алла, — офигеть. Я такое только в кино видела.

Я встаю с Жени, и отряхиваюсь от пыли. Самойлов тоже следует моему примеру.

— Боже, во что я ввязался? — Женя осматривает дыру в своей футболке.

— Извини, — виноват произношу я, — я куплю новую.

— Зашьешь.

— Что?

— Зашьёшь эту, — поясняет мне он.

— Ладно, — соглашаюсь на его условия. Я все — таки виновник.

— А теперь идём, а то скоро солнце сядет. — Алла обходит нас и уходит вдаль по тропинке.

Самойлов направляется за ней, ну и мне ничего не остается делать, как стать в их строй.

— Жеень, — догоняю я его. Он вопросительно поднимает бровь, — только никому не говори о том, что я плавать не умею. А то мне твоих шуточек по горло хватает.

— Как хочешь, — усмехается он.

"Та сторона" — это огромный луг усыпанный полевыми цветами. Место находится в удалении от сел, поэтому первозданная красота природы просто восхищает, удивляет, привлекает. Я стою разинув рот и разглядываю разноцветный "ковёр", расстилающийся передо мной. Дикие ромашки, колокольчики, васильки. Все пестрит, вызвая желание просто обнюхать каждый и унести огромный букет с собой.

— Ну, как? — спрашивает Женя. — Конечно, не Красная Площадь, но тоже мило.

— Вообще-то, это лучше, чем Красная Площадь.

Честное слово, я люблю природу. Особенно такую, которая просто заставляет тебя полюбить свою Родину. Являет ее перед тобой чистой и девственной.

Женя и Алла плюхаются прям на землю и просто смотрят куда-то вдаль. Молча.

Хотя, здесь и не нужны слова. Здесь хватит того, о чем кричит все вокруг...

Такое зрелище явно стоит всего, что пришлось мне пройти.

На той стороне мы провели около часа. Алла рассказывала о своем детстве, как они любили сбегать сюда с подругами и плести венки, а мы с Самойловым просто слушали.

Когда солнце уже спустилось совсем к линии горизонта, Женя встал и сказал:

— Пора, девочки. Нужно успеть до темноты.

Мы молча кивнули, я напоследок окинула взглядом поляну, утопающую в красных лучах заката и мы пошли обратно.

У речки мы свернули немного вправо и прошли вдоль берега метров десять. Моему взору открылся деревянный мостик. И тут мой возмущенияметр просто взлетел за красную зону.

— Что это такое? — выпаливаю я.

— Паша, это мостик. Мостик, это Паша. Раз все познакомились, можем идти дальше? —

невозмутимо отвечает Самойлов.

— Какого черта ты заставил меня летать, словно обезьяна на лиане, если тут есть мостик?! Ты же знал, что я... — вовремя прикусываю язык, вспоминая о том, что еще час назад просила не рассказывать Жене никому, а сейчас собираюсь посвятить в мои тайны Аллу, — волнуюсь. — заканчиваю я.

— Алл, расскажи. — Женя идет дальше, и мы топаем за ним.

— Все дело в том, что есть такое поверие в Ромашоково: те, кто не смогли перелететь на ту сторону, просто не достойны там быть.

— Глупые у вас законы! — цежу я. — Я же могла умереть.

Алла смеется:

— Максимум свалиться в речку.

"Что для меня и есть умереть" — мысленно отвечаю я.

До дома мы добрались, когда уже стемнело. Алла попрощалась и ушла сразу же, а Женя не спешил покидать мое общество.

— Спасибо, — решаюсь первой завести диалог.

— За что?

— За экскурсию.

— Да, не за что.

— И за то, что не стал смеяться над...

— Просто не успел шуток нормальных придумать.

Ага, его глупые шуточки родились вперед него. Так что, врет засранец. Просто наконец-то снял свои очки "слепой ярости" ко всем городским. Надеюсь.

— Если честно, я думал, что будет хуже. Но ты справилась. Молодец, принцесса. — он подмигивает мне, — увидимся еще.

Самойлов уходит, а внутри меня все ликует. Я не разочаровала его!

Не понимаю почему, но это доставляет мне огромную радость, буквально начинаю гордиться собой.

Я захожу в дом, бабушка сразу же предлагает сесть за стол, но у меня совершенно нет аппетита. Поэтому я просто чмокаю бабулю в щечку и захожу к себе.

Спать мне не хочется совсем, беру свой фотик и выхожу во двор.

Ночное небо полностью усыпано звездами, которые кажутся гораздо ярче тех, что светят мне в городе. Я забираюсь на крышу сарайчика, где по детству мы с папой любовались небом. Надеюсь, она такая же крепкая, как и десять лет назад.

Усаживаюсь поудобнее, и принимаюсь просто щелкать все вокруг. Небо, свет фонаря, темный двор на который падает лишь немного освещения. Краем глаза замечаю какое-то шевеление во дворе Самойлова. Осматриваю, и вижу Женю развалившегося на кресле и рядом с ним Спайк. Самойлов чешет за ухом питомца и о чем-то думает. Он расслаблен, и даже в таких сумерках — красив. И по-моему, он мне нравится... Я делаю пару снимков. Фото получаются невероятными. Женя в игре света со тьмой просто божественно смотрится. Так, нужно идти отсюда пока не вычислили меня.

Я аккуратно спускаюсь и иду в дом.

Перед сном я еще раз смотрю на фото Жени. Да, он точно мне нравится...

Не забывайте радовать админа комментариями и звездочками.)

Глава 7. Внезапные повороты

После нашей экскурсии Самойлов очень часто стал заходить в гости в мою голову, но очень редко появляться у меня на глазах в жизни. Зато теперь он начал здороваться, и даже почти перестал отпускать свои колкие шуточки в мой адрес, что не могло не радовать меня.

Свой интерес к Жене (да, я думаю, что это именно интерес, а не какая-нибудь глупая симпатия) я оправдываю лишь азартом. Ведь в самый первый вечер нашего знакомства, он бросил мне перчатку в лицо. И мне пришлось принимать его условия игры. Кстати, оказались они не самыми ужасными. Ну, немного сложно было на прогулке, ноги гудели на следующий день похлеще, чем от любых занятий в спорт. зале, но ведь в конечном итоге я решила, что оно того стоило.

Этот вечер стал первым достойным воспоминанием о Ромашково. Во-первых, я смогла преодолеть свой страх, а во-вторых, Женя понял то, что я пыталась донести ему.

Вообще-то, даже я изменила свое мнение о Самойлове. Не знаю, за какие такие заслуги, но он стал номером 1 в списке тех, с кем я хочу поладить. Он оказался весёлым парнем, с которым очень интересно проводить время. Когда я успела это понять? Не знаю, успела и все тут. К тому же, он был очень хорош собой. Не зря его удостоили звания самого красивого парня на деревне.

Только мне до этого дела не должно быть. У меня есть мой Илья, к завоеванию которого я вернусь уже через пару месяцев. А пока просто буду отдыхать в компании интересных ребят. Никаких влюбленностей, никаких отношений. Просто отдых.

Да и какие могут быть отношения, если я в конце лета уеду отсюда и вряд ли когда-нибудь вернусь по доброй воле? Играть в жен декабристов (в моем случае мужей) не сильно хочется. Да и тешить себя и бедных парней ложными надеждами на счастливое семейное будущее — тоже. У меня уже есть парень, в которого я влюблена. Нужно почаще себе об этом напоминать, особенно когда назойливые мысли о Самойлове пробиваются в мою голову.

Я уже почти две недели в Ромашково и можно уже напроситься до Аллы выйти в интернет. Напишу Илье, может даже получится пообщаться.

— Бабуль, если я тебе не нужна, я пойду к Аллке?

— Иди, Паш. Я сама справлюсь.

Я выхожу из дома, натянув на голову своекрасное, хоть и небольшое, но достойное укрытие от знойного солнца. Все-таки, лето в Ромашково какое-то особенное. Особенно жаркое, особенно зеленое, особенно тихое, но и веселое. Парадокс.

Подойдя к двери Аллки, я постучала слегка пару раз. Если к беспардонным залетам подруги в свою комнату я привыкла, то проделывать то же самое с ее домом — нет.

— Фу, ты. Чо стучишься — то? Я уж испугалась, кого это принесло к нам. — выпаливает Алла, открывая дверь. — Ну, чо стоишь?

Я захожу в дом и тут уж уверенно иду к ее комнате.

— Алл, вообще-то, я хотела попросить попользоваться твоим компьютером.

— Да, конечно, — она кивает и плюхается на кровать.

Я включаю ПК очень старенькой модели и жду, пока он загрузится. Через 5 минут мне наконец-то удалось добиться работы этого динозавра.

Интернет действительно тут очень медленный, поэтому пока грузилась нужная

страница, я успела выпить принесённый Аллой мне сок, и выслушать рассказ про то, как Жанна поругалась со Славиком.

Наконец-то на экране засветились «мои сообщения (1)». Хоть бы это был Илья! Это ведь может быть он? Конечно, он может вдруг понять, что без меня его жизнь не мила, и написать мне.

Еще через несколько минут, я увидела, что сообщение от Стаськи. И ладно, от нее письмо — тоже приятно. Тем более, что в этом письме она скинула ссылку на своего нового парня, о котором я забыла самым наглым образом. Страница Стаськиного избранника грузилась дольше всех. И лучше бы она не загружалась вовсе, потому что с экрана на меня смотрел мой Илья. Илья, который даже удалил меня из друзей. Какое-то непонятное чувство обиды со злостью разливалось внутри меня.

«Семейное положение: Встречается со Станиславой Солнцевой». Ну почему именно он? Почему именно с ней? Почему именно я влюблена в него? Чувствую, как слезы накатывают на глаза.

— Ну, так что скажешь, Паш? — до моего сознания доносится голос Аллы.

— М? — я сглатываю застрявший ком в горле. Не хочу ничего ей объяснять.

— Спрашиваю, пойдем сегодня на дискотеку?

Суббота снова осталось для меня незамеченной. Просто дни недели — мало волнующий фактор для меня на каникулах.

— Угу, я пойду, а то бабушке обещала помочь, — вру я. Кликаю «заккрыть» на мониторе, вскакиваю и вылетаю из дома Аллы, не дождавшись и прощания.

Идти домой и попасть под допросы бабушки? Нет. Я сворачиваю к лугу, на котором пасу утят и усаживаюсь под деревом, где мне снился чудесный сон про Илью... «Встречается со Станиславой Солнцевой» — всплывает у меня перед глазами и из них вытекают соленые ручьи, которые не поддаются моим усилиям подавить их. Больше полугода я зависала на его странице, радовалась, как ребенок, когда он писал... И почему я когда-то решила, что говорить Стаське о нем не стоит? Конечно, она бы не стала встречаться с парнем, который мне нравится, если бы только знала. И ведь она ни разу не произнесла его имени по телефону, не намекнула даже. Все, что я знала — как они круто проводят время.

Черт! Ведь я даже сейчас не посмею сказать ей об этом, потому что не могу разрушить их счастье. По ее рассказам — она влюблена. И я просто не могу поступить с ней так жестоко и подло.

Придется терпеть, уничтожить в себе эти чувства и забыть. Блин, если он ее парень — нам придется видаться чаще. И как тогда мне выбить из себя влюбленность к нему? Придется принести в жертву наше со Стаськой тесное общение.

Ситуация прямо-таки достойна сюжета сериала с любимого бабушкиного канала. Что там дальше происходит? Нужно спросить, потому что как жить дальше и что делать — я представляю смутно. Казалось бы, что страшного произошло? Мне же не изменил муж с моей лучшей подругой. Просто молодой человек, который был мне глубоко симпатичен, завязал отношения с девушкой, которая по закону подлости, оказалась моей подругой с самого детства... Так почему же слезы никак не прекращаются? Почему внутри все сжимается, как только я представляю их вместе?

К моим ногам подкатывается розовый мячик с белыми ромашками.

Я поднимаю глаза, чтоб посмотреть, чей это, как ко мне тут даже полетает маленький кудрявый ангелочек. Самойлова младшая смотрит на меня с особым интересом, чуть

склонив голову. На ней маленький жёлтенький комбинезончик и белая маечка с божьими коровками.

— Почему ты плакала? — она не отводит от меня своих любопытных глазок. Я вытираю слезы руками.

— Просто мне немножко грустно.

— Почему?

— Ну, у меня же нет такого милого мячика... — говорю почти первое, что приходит в голову.

— Я могу поделиться, хочешь? — она берет в свои маленькие ладошки мячик и протягивает мне.

— Спасибо, но мне нужен товарищ в этом деле.

— Ты хочешь, чтоб мы поиграли вместе?

— Угу, — я беру у неё мячик.

— Пошли, — она хватает меня за руку и тянет.

Карина кидает мне мячик, я ловлю его, затем аккуратно бросаю ей. Она звонко хохочет, когда мяч пролетает мимо моих рук, и я даже начинаю пропускать его нарочно. За игрой я напрочь забыла о Илье, о Стаське. И как тут не забудешь, когда маленькие искренние глазки смотрят тебе прямо в душу.

— Пойдём к нам, я покажу тебе, как умею делать куличики? — спрашивает Карина, когда уже устаёт носиться за мячом.

— Это не самая лучшая идея...

— Почему?

Эти детские "почему" просто выбивают все мысли из головы. На все эти вопросы невозможно сыскать ответов и во всех справочниках мира.

— Ладно, идем. — сдаюсь я в плен этой маленькой почемучке.

Она берет меня за ручку и в припрыжку несётся к дому. Чтоб успеть за ней, приходится перейти на очень быстрый шаг и придерживать шляпку, чтоб она не слетела.

Уже через минуту, Карина раскладывает передо мной пластмассовые лопаточки разных размеров, все возможные формочки, ведёрочки. Затем она принимается набирать песок и возводить куличики.

— Повтоляй за мной, — щебечет малышка и продолжает кулинарничать.

Я беру формочку клубнички, заполняю ее песком и оставляю кулич на траве около песочницы. Ангелочек увлекается игрой, а я слежу за ее кропотливой работой. Совершенно верно говорят, что дети раны лечат.

Сзади послышался шорох, сердце забилося чаще. Мне не хочется, чтоб Женя видел меня всю заплаканную, но увидеть его сейчас — не отказалась бы. Я оборачиваюсь и разочарованно вздыхаю, когда вижу Спайка, несущегося ко мне с высунутым языком.

— Спайки! — Карина срывается с места и несётся навстречу псу. Они начинают кататься по траве: пёс лижет лицо ангелочка, а она хохочет так звонко и заразно, что я начинаю смеяться тоже.

Интересно, почему ее не было, когда бабушка устраивала ужин в честь приезда? Ромашково бы мне понравилось гораздо больше. Я вспомнила, как Света разговаривал с ней, и мне ещё больше захотелось дать в голову этой стерве. И ещё промыть мозги Самойлову, чтоб он научился правильно расставлять приоритеты.

— А почему тебя зовут, как зовут мальчиков? — Карина подходит ко мне вместе со

Спайком.

— Вообще, меня зовут Павлина. Но друзья зовут Паша.

— Ух ты. Я тебе друг?

— Конечно, — я улыбаюсь. Всей душой улыбаюсь этому милому созданию.

— Павлиночка! — из дома выходит тетя Маша. — Привет.

— Мама! Паша плишла поиграть со мной! — Карина залезает на руке к маме.

— Или это ты заставила ее прийти? — тетя Маша прищуривается и трется носом о пухлую щёчку Карины, — Извини, Павлиночка, она у нас такая... настойчивая... — Самойлова старшая виновато улыбается, мол «ничего не могу поделать».

— Я была только рада поиграть с ней. Но мне уже пора.

— Может, пойдём попьем чаю?

— Нет, спасибо. Мне нужно идти помочь бабушке. А то она, наверно, потеряла меня уже.

— Ну, хорошо. Передавай тёте Любе привет.

— Пока, Паш, — прощается ангелочек. Я улыбаюсь, прощаюсь в ответ и ухожу.

Дома вновь накрывает волна обиды, и у меня едва ли получается сдержать слезы. Я думала, что в тишине это будет пережить легче, но нет. Мысли просто били меня кнутом, оставляя ссадины на сердце. Я стараюсь думать о чем-то другом, но все сводится к одному: у меня больше нет стимула возвращаться в город.

Я встаю с кровати и иду на кухню, в надежде поговорить с бабушкой, чтоб хоть как-то отвлечься.

— Пышечка, ты чего какая-то расстроенная?

— Да, настроения нет, Ба...

— Вы с Аллкой поругались что ли? — бабушка даже не смотрит на меня, просто печёт блинчики, лишь изредка кидая на меня мимолётные взгляды.

— С чего ты взяла?

— Ну, просто ты вернулась от неё грустная.

— Нет, мы не ругались, и вообще, я после Аллы ещё с Кариной успела поиграть. — от воспоминаний о милом ангелочке мне снова захотелось улыбаться. — Бабуль, а почему ее не было на нашем ужине? — задаю вопрос, который интересует меня уже давно.

— Она летом сюда только на выходные приходит, а живёт у своей бабки.

— Почему? — не понимаю я.

— Ну, мать летом до поздна работает. Уборка урожая, всех бухгалтеров отправляют на поля, чтоб контролировали весовые, и отец заканчивает только в 7, иногда и позже. Поэтому летом за ней мама Марьи следит.

— Ммм... Она милая, — я расплываюсь в улыбке.

— Точно, у Самойловым вообще дети красивые. Порода, — усмехается бабушка.

Хоть я и промолчала, но была абсолютно согласна с ней. И Женя, и Карина обладают очень красивой внешностью и каким-то волшебным магнетизмом, который притягивает к себе людей.

— А ты чего это не собираешься? — спрашивает бабушка.

— Куда? — интересно, куда это я должна собираться?

— Ну, Алла сказала, что вы пойдете сегодня на танцы, — бабушка непонимающе глядит на меня. Я, наверно, смотрю так же.

Не помню, когда это я соглашалась идти с Аллой на дискотеку... Может, конечно, и

соглашалась, но только чтоб она отвязалась. У меня сегодня нет настроения выходить в свет. Хотя... Хуже все равно не будет. И если я останусь сидеть дома, то залью слезами в комнате пол.

— Сейчас пойду собираться, просто совсем из головы вылетело.

— Странная, ты Паш. Точно все хорошо?

— Угу. Ладно, Ба, я пойду в душ. А то скоро ворвется ураган, — я киваю в сторону дома Аллы и выхожу.

Я уже говорила, что душ — лучшее, что могло придумать это человечество? Как я и думала, Алла не заставила себя долго ждать, и уже в 9 перебирала мой гардероб, щебеча что-то о своих грандиозных планах. У меня планы на сегодня тоже грандиозные: постараться не расплакаться при всей это змеиной компании.

В этот раз собраться удалось быстрее, я натянула первое попавшееся платье и не стала краситься вовсе. В половину десятого мы подошли к «клубу», где уже было полно народа. Как только мы зашли, к нам подбежала Алена, чмокнула меня в щечку и потащила за их столик. Сегодня радости от этого не было совсем. Мне было бы комфортнее, если бы мы с Аллой посидели где-нибудь вдвоём, только у подруги были другие планы, и я там была второстепенным героем.

За «вип» столиком уже восседала вся компания, что и в прошлый раз. Артем уступил мне свое место, Алла села рядом со Славиком, Алена упала напротив меня, где сидели Самойлов, Светка и две ее подружки. Света, словно змея обвивала шею Жени, а тот сидел с непроницаемым лицом.

Ребята поздоровались со мной очень даже тепло (кроме королевны), даже Самойлов удостоил меня своего приветствия. Артем тут же предложил нам выпить, и стал рассказывать какие-то истории, от которых смехом взрывался весь стол, кроме меня. У меня не получилось вникнуть в суть их беседы, как бы я не старалась. Прийти сюда — было провальной идеей. Сейчас я чувствую себя не в своей тарелке еще больше, чем в первый раз, хотя тогда так ощущали даже ребята.

Пока Артем и Славик подшучивали друг над другом, я просто водила глазами по танцполу, столикам...

Аллка словно котенок терлась о Славика, Жанна ревниво озираала их обоих, Алена взахлеб слушала ребят, мне кажется, ей нравится Артем. Света в своем образе деревенской стервы почему-то не сводила глаз с меня. И как только мой взгляд падал на их пару, она тут же нападала на Самойлова с поцелуями. В очередной раз мне просто стало тошно от этого спектакля.

— Ребят, я пойду, подышу свежим воздухом, — я встала, словила надменную усмешку Светы и поспешила к выходу.

И почему я решила, что если насмотрюсь, как лобзаются Самойлов со Светкой, то мне станет легче? От злости я пинаю траву и просто иду куда глаза глядят. А глядели они в это время на футбольное поле, которое располагалось в пяти минутах от столовой.

Поле с четырех сторон огорожено посадкой, скрывающее его от посторонних глаз. Идеальное место, чтоб какой-нибудь маньяк совершал здесь свои преступления. Но разве меня это волнует сейчас? Нет.

Я пересекаю поперек стриженный газон и сажусь на самой дальней лавочке, подтянув ноги к своему подбородку.

Вокруг царит таинственный шелест листвы и полная темнота. Из освещения только

слабый свет луны и сияние звезд. Я набираю полную грудь воздуха, затем медленно выпускаю его. Только не плакать. Нужно подумать о чем-нибудь хорошем...

Я закрываю глаза и вспоминаю поход на ту сторону, свой феерический полет над рекой, приземление на Самойлова. То, как у меня бешено колотилось сердце, когда я лежала на нем. То ли от адреналина, который я испытала от своей переправы, то ли от близости с Женей. Вспоминаю сказочный луг, от великолепия которого перехватывало дыхание. Вспоминаю слова Самойлова...

— Не скучно тут одной?

От неожиданности я вздрагиваю и начинаю падать со скамейки назад, но Самойлов хватает меня за руку, не позволяя свалиться.

— Боже мой! Ты зачем так подкрадываешься к людям? — выпаливаю дрожащим голосом.

— Ну, извини, что хожу, не озвучивая свой каждый шаг.

— Не извиняю! — я складываю руки на груди.

— Присесть-то можно?

— Садись, раз пришел, — смягчаюсь я.

Женя садится, и то ли нарочно, то ли случайно задевает меня.

— И когда это ты понял, что тебе можно следить за мной? — интересуюсь я.

— Да вот после того, как ты сбежала в разгар вечеринки, так и понял.

— М-м-м, как же ты оставил Свету? Она разве может существовать вне твоего рта?

Самойлов усмехнулся.

— Она тебе не сильно нравится, да?

— Почему она должна мне нравиться?

— Да, не должна...

— Вот и я так думаю.

— Ты слишком дерзкая, Паш.

— А ты слишком...

— Что слишком? — перебивает Женя.

— Просто слишком.

У меня у самой не было четкой формулировки, каким был Женя «слишком». Слишком красивым, слишком интересным, слишком упрямым, слишком Светкиным.

— Тебе настолько скучно с нами, что компания парочки сверчков с футбольного поля лучше, чем мы?

— Нет. — отрезаю я его глупые мысли.

— Тогда... — он вытягивает из меня откровения?

— Тогда что? — строю дурочку. Главное не перестараться, а то влюбиться. А то судя по его девушке, ему таковые и нравятся.

— Паш, что ты тут забыла? — он поворачивается ко мне, и заглядывает прямо в глаза. Не знаю, насколько у него это получается, ведь вокруг все погружено во тьму.

— Я уже и сама не рада, что оказалась здесь, — хотя я и никогда не была этому рада, но сейчас этот факт особенно неприятен мне. Почему-то мне кажется, что окажись я в городе, этого всего могло бы не произойти. Глупо, но я верю в это. Или же просто ищу виновников на стороне, чтоб очистить свою душу. — а что я сделала тебе? Почему ты так вражески настроен?

— Ничего личного. Просто питаю неприязнь к таким городским особам, как ты. — до

меня доносится стойкий запах алкоголя. Он пьян. И это не сильно удивляет меня.

— Мы же вроде в прошлую нашу встречу решили, что ты был не прав. — поддавливаю я его.

— Решили? — удивляется Женя. — я просто сказал, что ты не настолько плохо пережила экскурсию, как я ожидал.

— Ты невероятно сложный человек, — заключаю я.

— Как и ты. — я толкаю его локтем в бок. — кстати, мне малая сегодня все уши про тебя прожужжала. Какая ты добрая, веселая, хорошая. И какая у тебя красивая красная шляпка, — он усмехается.

— Ты имеешь что-то против моей шляпки? — строго спрашиваю я.

— Нет, кроме того, что ты похожа на маленького мухомора.

— Я бы могла на тебя обидеться, если бы у меня не выработался иммунитет на твои шуточки. — улыбаюсь я.

— Я никогда не хотел обидеть тебя. — от этих слов у меня почему-то внутри все сжалось в тугой узел. Женя снова вглядывается в мои глаза, приближаясь еще ближе.

— А чего хотел? — почти шепотом спрашиваю я. Не знаю даже, чего я ожидаю услышать, и зачем вообще спросила это.

Только не услышала я ничего в ответ, потому что Женя ловко протянул свою руку мне за шею, и притянул меня к себе, накрывая мои губы своими. От касания его губ у меня по спине прошлась волна мурашек, а из легких куда-то испарился весь воздух. Женя умело раздвигал мои губы своим языком и нагло проникал в мой ротик, активно исследуя его. Я ощущала привкус алкоголя, и мне бы оттолкнуть его, но я не могу и пошевелиться. Или не хочу.

Не думала, что мой первый поцелуй окажется таким дерзким, с парнем, который испытывает ко мне чувства, близкие к ненависти. Да, я даже не умею целоваться! У меня никогда не было парня! Друзей парней — полно! А вот настоящих отношений с поцелуями — нет. Надеюсь, Женя не поймёт, что у меня это первый раз. Вот такой вот он мой первый поцелуй. Немного грубый, с привкусом дешёвой водки, но от которого все-равно все трепещет и горит синем пламенем внутри.

Сзади нас послышался хруст ветки, что заставило нас наконец-то оторваться друг от друга! Черт! Кто бы это ни был — мне конец. Особенно если это Света...А даже если не она, то вряд ли в этой деревне найдутся люди, которые между мной и Светой выберут меня...

Если вам понравилась история, оставляйте свои комменты и звездочки) Заранее спасибо)

Глава 8. Аблутобия

Мы оборачиваемся с Женей одновременно. Сзади нас стоит мужской силуэт, но кто это я не могу различить в темноте.

— Коц. — вымолвил Женя, после чего я поняла, что это Артем и дело может закончиться не так плохо, будь тут Света или Жаннка. Самойлов встает, и я зачем-то встаю тоже.

— Я понял, Жек. — равнодушно говорит Артем. — Тебя ищет Света. — Женя смотрит на меня, будто решает, что ему делать.

— Я пойду домой, Артем проводишь меня? — беру инициативу в свои руки.

Две пары удивленных глаз уставляются на меня. Не знаю зачем, но мне хочется поговорить с Артемом наедине, и еще больше хочется сбежать от Самойлова.

Тема сначала смотрит на меня, затем переводит взгляд на Женю. Между ними происходит какой-то немой разговор глазами, после чего Артем кивает. Это он только что так разрешение спросил у Жени проводить меня? Или это моя фантазия?

Я разворачиваюсь, не прощаясь, ухожу в обратную сторону от Самойлова. Артем догоняет меня через минуту, подстраивается под мой шаг и молча идет рядом.

— Артем... — решаюсь я наконец-то на разговор, — то, что ты видел...

— Расслабься, Света ничего не узнает.

— Спасибо, — виновато произношу я. Хотя в чем это моя вина? Не я же полезла целоваться к Самойлову!

— Рано или поздно это должно было произойти, — говорит Артем.

— Что именно? — не понимаю я.

— То, что вы влюбитесь.

— ЧТО?! Мы не... — моему возмущению нет предела.

— Пашка, я не упрекаю вас. Просто давно ждал когда непробиваемая стена Самойлова даст трещину. — усмехается он.

— Да, какую еще трещину? Артем, он просто пьян. Да, он же ненавидит меня. Это видят даже слепые. — зачем-то принимаюсь оправдываться я. Только не знаю перед Артемом или перед собой.

— Он ненавидит не тебя, а всех городских девушек в твоём лице.

— Почему? Что мы ему сделали? — раз уж меня приписывают к их числу, то придется интересоваться за всех. Тем более, что отдуваюсь я итак одна.

— Только то, что я сейчас расскажу тебе, не должен будет узнать никто. Хорошо?

— Хорошо... Неужели это такая тайна?

— Если кто-то об этом узнает, на двоих клевых ребят на этой земле станет меньше, — улыбается Артем.

— Ладно, я поняла. Обещаю унести эту тайну с собой в могилу. — для пущей убедительности я кладу свою ладонь на сердце, подтверждая серьезность своей клятвы.

— Короче, сразу после школы, Женька поехал поступать в колледж автодорожный, в город. Сдал все вступительные экзамены, его приняли. Вот только влюбился наш Жек в одну городскую мадам на голову свою. Таскал ей цветочки, подарочки. Потратил на нее все деньги, которые были у него на учебу. А она ему заявила, мол он слишком простой для нее. Не дотягивает Самойлов до уровня этой королевы. Конечно, это резануло здорово его

самолюбие. Но думаю, он бы смог и это пережить, если бы уже через пару дней эта мадам не стала появляться у него на глазах с каким-то мажором, рассекающим на мерсе. В один вечер Женя подловил его, избил хорошенько. Тот не растерялся, накатал заяву. Состоялся суд, Жене дали условку, исключили из колледжа, а вдобавок еще на суде от этой стервы он наслушался много нелицеприятных вещей. Вернулся в Ромашково он сам не свой. С того дня просто на дух не переносит городских. Сейчас уже ненависть поутихла, но вот появилась ты, и он снова злой, как пес цепной.

А я еще подлила масла в огонь своим надменным поведением в нашу встречу на дороге. Вот дура. Хотя откуда я могла знать о его этих скелетах в шкафу? И если он так пропитан ненавистью, зачем полез целоваться?

— Почему его не забрали в армию? — задаю вполне логичный вопрос.

— Да он был бы и рад свалить отсюда хотя бы на год, чтоб поутихли слухи в Ромашково, да и сам он остыл. Только вот сначала не позволяла условка, а потом и вовсе выяснилось, что он не годен. Жек оббивал все пороги, перепроверял у сотни разных врачей, но все как один твердили, что не допустят. Дурак, другие бы на его месте от счастья плясали, а он... — Артем махнул рукой.

— И чем он занимается сейчас?

— Машины ремонтирует, кстати, очень даже не плохо. И никакие дипломы не нужны оказались.

— Думаешь, он счастлив?

— Не знаю, он всегда хотел больше, чем имеет. — Мы останавливаемся у моего двора. — Ну, все Красная Шапочка, пришли.

— Почему Красная Шапочка? — я, конечно, догадывалась почему, но вдруг есть более интересная версия происхождения этого прозвища.

— По секрету скажу, что в нашей компании тебя так называют. А кто этому поспособствовал, догадайся сама. — он подмигнул, развернулся и ушел.

А чего гадать-то? Итак, понятно, что это все Самойлов.

Я зашла домой, в половину двенадцатого, разделась и нырнула в постель, избегая встречи с бабушкой. Сон, как на зло, совершенно не шел, а в голове то и дело прокручивался рассказ Артема, который вызвал во мне неоднозначные чувства.

С одной стороны я была шокирована узнать о несокрушимом Самойлове нечто интимное, изменившее его жизнь и его в целом, а с другой — была крайне возмущена тем фактом, что козлом отпущения стала именно я, не имеющая с нахалкой, разбившей сердце бедного провинциала, ничего общего!

А еще голову никак не хотели покидать воспоминания о первом поцелуе с Женей. Я провела по губам, которые, кажется, еще сохранили его тепло и алкогольный вкус и вмиг залилась краской. Мне понравилось целоваться с пьяным Самойловым. Господи, какой абсурд... Еще сегодня днем я оплакивала Илью, а уже сегодня трепещу от поцелуя с другим. Если это не ветреность, тогда что?

Больше, чем провалиться под землю от стыда, мне хотелось встретиться с трезвым Самойловым, чтоб увидеть его реакцию. Может, он скажет, что это было ошибкой и попросить забыть? А может... Нет, не может... Размечталась. Не буду больше надеяться ни на что. Случай с Ильей наглядно показал мне, как иногда опасно жить мечтами.

Буду просто плыть по течению жизни. Не гребя отчаянно против, но и не обгоняя скорость собственной жизни. Но вот поговорить с Женей все-таки стоит, чтоб дать какую-то

оценку ночному происшествию, кроме краснеющих от стыда щек.

Видимо, Самойлов как-то уловил мои планы на него и решил незамедлительно разрушить их, потому как на следующий день он просто исчез. Я не видела его ни ранним утром, ни поздним вечером. Стыдно признаться, но да! Я следила за его домом. Выходит, либо он не приходил ночевать вовсе, либо делал это каким-то таинственным способом вне моего взгляда. Похоже, он нарочно избегал нашей встречи. Стыдится за свое поведение? Боится моей реакции? Теперь уж не узнаю, потому что даже не представляю где его искать. Вернее представлять — то представляю, но не ворвусь же я в его гараж с криками «ты объяснишь мне, что значил этот поцелуй или я не уйду отсюда». Слишком смелый поступок для такой трусихи, как я. К тому же, мне уже самой начинало казаться, что весь этот поцелуй выдала мне моя больная фантазия. Ей Богу, он сделает меня параноиком.

Моей смелости хватило лишь на то, чтоб придумать предлог и заглянуть в обитель Самойлова. Но все оба раза дом отвечал мне упрямым молчанием. Родители на работе, Карина у бабушки, Самойлова для меня не существует уже неделю.

Остается только забыть эту ночь, выкинуть из памяти, стереть, словно ластиком, карандаш. Только почему-то не хочется. Мне нравится вспоминать по ночам его ловкие манипуляции языком в моем рту, его обжигающие ладони на моей шее, его близость... Я прокручиваю этот момент в памяти весь, до мельчайших деталей. Раз за разом вспоминая его запах, голос с хрипотцой, мой дрожащий шепот. Если бы у меня была возможность переиграть этот момент, я бы все равно все оставила так, как есть.

Никогда не задумывалась, о том, каким должен быть первый поцелуй, но этот поцелуй явно не клеился со словом «первый». «Неловкий» — да, «неуместный» — снова да. Но не первый. И все же, все случилось иначе, чем я могла предположить. Никаких влюбленных взглядов, трепещущих сердец, дрожащих рук (с его стороны точно нет). Все было не так. И мне это нравилось.

Как только я ни старалась прогнать из своей головы Самойлова и этот наглый поцелуй — у меня ничего не выходило. На губах будто притаился привкус неоконченного дела. Нерешенного вопроса. Только вот как же его решить, когда Женю ветром сдуло?

Встречались мы с ним только перед сном. Я смотрела на него глазами, жаждущими ответа, а он смотрел с экрана фотоаппарата. Пора бы давно набраться смелости и удалить к черту этот снимок, но слишком хорош кадр. Слишком великолепен Женя.

Утром я снова проснулась слишком рано, в надежде застать Самойлова за побегом из дома. Но, увы, я зря просидела час во дворе, испепеляя калитку соседей. Лучше бы поспала, честное слово. Разочарование в груди разливалось обжигающей волной.

Я поплелась к дому в расстроенных чувствах. Пусть бабушка сегодня вывалит на меня больше работы, чем обычно. Не хочу, чтоб к вечеру у меня осталось даже немного сил на мысли. Моей просьбе бабуля удивилась, но мучать меня расспросами не стала. Просто сухо изложила мне по пунктам все, что требовалось в моем внимании сегодня. А именно: утята и их загаженный дом, комнатные цветы изнуренные летней жаждой и грязные окна. Отлично, этого вполне хватит, чтоб выжать меня, как лимон.

К вечеру я чувствовала себя просто рабом с плантации. Летний душ немного исправил ситуацию, но лишь немного. Все тело ныло жутко от усталости, а голова то и дело клонилась к какой-нибудь опоре.

— Паш, сходи в магазин. У нас в доме ни грамма соли. — бабушка заглянула ко мне в

комнату, протягивая пару купюр.

— Сейчас. — я неохотно беру деньги и прокладываю в голове маршрут, который предстоит мне преодолеть.

Натянув шляпку, я пошла к магазину. Солнце еще усердно палило, поэтому головной убор просто необходим, чтоб мое лицо не превратилось в обжаренный апельсин.

У самого магазина я встретила с Аллой и Артемом.

— О! Привет! — ко мне подходит подруга, — а ты чего не берешь трубку? Я тебя сто раз набрала!

— Извини, занята была.

— Привет, — здоровается Артем. Я киваю в ответ.

— А ты чего хотела? — обращаюсь к Алле.

— Позвать на речку, — опережает ее в ответе Артем.

— Звучит заманчиво, но я так устала.

— Да, брось. Буду все наши. Пойдем, — Алла подмигивает. Я не рассказывала ей о поцелуе с Женей, но иногда мне кажется, что она прочла мои мысли и обо всем в курсе.

«Все наши». То есть у меня появился шанс встретиться лицом к лицу с Самойловым? У-у-у. Нельзя его упускать.

— Хорошо, только я сначала куплю соли и отнесу ее бабушке.

— Мы подвезем тебя, — Артем кивает на рядом стоящую машину.

— Ок, — я направляюсь мимо них напрямиком в магазин.

Бабушка отпустила меня с друзьями сразу. Пропев у двери, что тоже в юности любили собираться у речки. Ага, только вот я еду туда не отдохнуть, а прояснить ситуацию. Не люблю недопонимания и нерешенные вопросы.

Артем вел машину очень аккуратно, сбавляя скорость у ям, Алла сидела на переднем сидении и подпевала радио. Я удобно расселась сзади в компании пакетов сока, бутылок водки и своего фотоаппарата, который я схватила на автомате, непонятно зачем.

К пляжу мы подскочили быстро. В этом месте речка была довольно шире, чем ту, через которую скакала я недавно. У берега красуется мостик, ведущий чуть ли не до ее половины. Около него веселилась компания, рассевшись на клетчатом пледе. Все они в купальниках, с мокрыми головами. Видимо, только что выскочили из воды. Как только мы вышли из машины, сразу же начала поиски глазами. Жанна, Слава, Алена, Настя, Яша... Ну, нет... Не говорите, что я приехала сюда зря? С трудом подавив в себе разочарованный вздох, поплелась в самый эпицентр веселья.

В руках у каждого стакан, рядом пустые бутылки водки. Понятное дело. Кто в Ромашкове умел отдыхать трезвым? Только я, видимо.

— Ребята, смотрите, кого мы вам привезли! — выкрикивает Алла, показывая большими пальцами на меня.

— Привет, — как можно радостнее здороваюсь. Компания дружелюбно кивает, и даже девушки, кажутся не такими обозленными, как обычно.

Я плюхаюсь на самый край покрывала, и просто наблюдаю за всем происходящим.

Алла не отступает от бедного Славы ни на шаг. Алена с Настей и Аллой о чем-то живо треплются. Парни задорно хохочут, отпуская похабные шуточки. Одной мне как-то не по себе от происходящего? Наверно, я просто устала. Просто в очередной раз умерла моя надежда на этом бережку, и у меня не оставалось причин, чтоб оставаться здесь. Но выбора не было.

— О! Что это? — Артем выхватывает фотоаппарат и крутит его в руках.

Я вспоминаю, что на нем всего три фотографии, одна из которых — Женя. Блин, надо было удалить ее сразу.

— Фотиков никогда не видел? — спокойным голосом произношу я, скрывая свое волнение. — Отдай, — я тянусь, но Артем вскакивает и отходит.

— Давай сфотографируем ребят, смотри какой свет красивый.

Я вскакиваю и подхожу к нему. Тема щелкает.

— Сейчас глянем, что получилось... — он начинает изучать кнопки фотоаппарата. Нет! Нет! Нет! Нет!

— Отдай его, — я пытаюсь выхватить его из рук, но тот ловко уворачивается, оставляя меня за спиной. Не оставляю попыток и вновь обхожу его. Теперь он задирает фотик высоко над моей головой, а словно обезьянка за бананом скачу и машу руками. Ребята смеются, а меня пробирает злоба. Невесть сколько это могло продолжаться, если бы кто-то из-за моей спины не отобрал фотоаппарат прямо на высоте.

— Что тут происходит? — голос Жени. Злого Жени.

Я оборачиваюсь и вижу его суровый взгляд.

— Красная Шапочка не хочет нас фотографировать, — обиженно произносит Артем и подходит к Жене. — Поэтому я сфоткал сам. — Тема кивает на фотик, затем они оба устремляют взгляд на маленький экранчик.

Брови обоих дергаются, изображая мимолетное удивление. Хоть бы мне просто показалось.

— Я пойду к ребятам, а то вы скучные, — Артем покидает нас.

Женя молча протягивает мне фотоаппарат и тоже уходит. На его лице не отобразилось ни одной эмоции. Просто мужчина-скала.

Я с надеждой смотрю на экран, но зря. Оттуда меня встречает хмурый взгляд Самойлова в ночном освещении. Финита-ля-Комедия.

Пришла сюда, чтоб уладить все недопонимания между нами, а получилось лишь удвоить их. Я горестно выдыхаю, выключаю фотик и тоже иду к ребятам. Везти меня домой никто не собирается точно, придется терпеть.

Вместе с Женей в нашей компании появилась и Ее Величество — пчеломатка местного улья. Она, как и следовало ожидать, сидела рядом с Женей, обвивая его руками. Ничего не изменилось, кроме того, что Самойлов сидел в ее объятиях с раздражённым лицом, и осекал ее каждый раз, когда она лезла целоваться. Королева болезненно принимала отказы, но каждый раз улыбалась, сглаживая острые углы, возникшие между ними. Мне немного приятно было смотреть на то, как Женя отвергает ее, даже настроение улучшилось. Хоть они и не расстались, а по-прежнему сидели, как слипшиеся после случки собачки, но что-то все равно было не так.

Я ловила на себе взгляды Самойлова, и сама очень часто посылала ему свои. Пару раз между нами возникала перепалка глазами, я не выдерживала первая и отводила их в сторону. Чего он добивается? Чтоб я сгорела со стыда? Черта с два! Мне нечего стыдиться.

Света встает «из-за стола» и тащит за собой Женю. Тот неохотно встает и следует за ней. Кого — то ждет шквал претензий...

— А почему это Красная шапочка у нас сухая? — Яша впивается в меня опьянёнными глазками.

— Надо это исправить, — поддерживает его Настя.

— Нет. Ребят. Я не хочу. — ломано говорю я.

— Брось, — Яша хватает меня за руку, заставляя подняться.

Тут уже я поняла, что дело горелым пахнет.

— Я не хочу, — грозно заявляю.

— Аппетит приходит во время еды, — хищно отвечает он, закидывает на плечо и бежит к мостику.

— Стой! Я не ум...

Ударюсь о гладь, словно ударяется об асфальт тело, выпавшее с десятого этажа. Теплая вода заволакивает меня, утаскивая в глубину. Ну, уж нет! Начинаю отчаянно махать руками, ногами. Получается немного выскользнуть на поверхность и глотнуть свежего воздуха. Затем вновь гладь накрывает меня с головой. Отталкиваюсь ногами, словно о землю, выпрыгиваю еще на секунду. В этот раз не успела вдохнуть, хлебнула воды. Ноги и руки заныли от усталости, как бы не старалась грести интенсивнее — не выходит. Открываю глаза, толщина воды надо мной увеличивается. Хочу вдохнуть, но получается лишь глотать пресную воду. Глаза щиплют. Закрываю. Вновь пугающая темнота и вода, сдавливающая меня, словно тиски...

Жадно глотаю воздух, одновременно пытаюсь откашляться. Выплюнуть пресную воду, застрявшую у меня в глотке.

Открываю глаза. Надо мной свисает Женя, с тревогой заглядывая в глаза. Затем облегченно вздыхает и убирает руки с моей груди, которые я даже не ощущала.

Да я не чувствовала свое тело вообще. Словно оно не мое. И легкие, которые отрывисто хватали кислород, и дрожащие губы...

— Жива! — Алла сильно прижимает меня к своей груди, я снова закашливаюсь.

— Алла-, сурово произносит Женя.

— Ой, простите. — Алла отодвигается, и я наконец-то замечаю испуганные взгляды всей нашей компании нависшей надо мной, словно тень.

— Дайте ей воздуха, чего столпились? — Алла расталкивает всех.

— Я даже не знаю, кто из вас больший идиот! — Женя расхаживает мимо нас, словно учитель, отчитывающий за провинность. — Твою мать, ты хоть понимаешь, что она могла утонуть?

Вопрос адресован унылому Яшке. Мне его даже жалко. Женя так злобно смотрит на него, что он может просто вспыхнуть от его взгляда, как спичка.

— Да, я не думал, что она не умеет плавать.

— Блин, Яша! Тебе нахер язык? Водку лакать? — цедит сквозь зубы Женя. — Ладно — то язык, а вот уши точно не нужны. Она русским языком сказала, что не хочет купаться! — он сжимает кулаки и закрывает глаза. — Собирайся, я отвезу тебя домой.

Я молча наблюдаю за их перепалкой, забывая иной раз дышать, чтоб гневная волна не настигла и меня.

— Паш, что ты стоишь, собирайся! — Женя смотрит на меня. Значит... Ой, это же я «Паш».

— Хорошо. — оживаю я, затем подбираю с пледа фотоаппарат, прощаюсь с Аллой и иду к Жене. — Все.

— Женя, а я? — на нашем пути вырастает Света.

— А ты похожа на Пашу?

— Нет, к счастью.

— Тогда «к счастью» сядь и молись, чтоб эти живоде́ры не решили и тебя утопить, — Женя обходит Свету, кивает мне на машину и сам садится за руль.

Я залезаю на переднее сиденье и вжимаюсь в него. На улице уже полноценная ночь. Зубы постукивают от холода.

— Нет, так невозможно, как в поезде. — Женя останавливает машину и снимает с себя майку. — Переоденься. А то под стук твоего зубного состава ехать невозможно.

Неуверенно принимаю майку, но не тороплюсь оголяться перед ним.

— Не говори, что мне нужно выйти, — изрекает Женя мысль, вертевшуюся у меня на языке.

Кивок.

— Боже, откуда ты свалилась на мою голову. — глушит машину и выходит.

Я снимаю с себя мокрую свою майку и одеваю его еще теплую, приятно-пахнущую. Вдыхаю полной грудью еле-различимый аромат духов...

— Все? — Женя заглядывает в окно. Удостоверившись в том, что я одета, садится в машину.

— Вот скажи, что лучше: признаться всем, что не умеешь плавать или гордо пойти ко дну? — внезапно разрезает тишину Самойлов.

— Лучше уметь плавать, — отвечаю ровно то, что у меня на уме. Я знаю, что ему не по вкусу мой ответ. Он хочет моего полного раскаяния, поэтому и подходит к этому делу аккуратно. С иронией и сарказмом.

— Ты хоть понимаешь, что они даже не собирались тебя спасти? Они думали, что ты шутишь! — очень эмоционально выпаливает он. — На что ты надеялась? — уже спокойнее.

— На тебя, — пожимаю плечами. Ложь, в тот момент я не надеялась ни на что, просто потому, что не могла думать ни о чем, кроме того, что мои лёгкие сдавлены. Но если бы я сохранила хоть каплю спокойствия, то обязательно бы надеялась на него.

— Ты сумасшедшая, — обреченно вздыхает он.

Предпочитаю оставить его реплику без ответа. Ни отрицания, ни подтверждения.

Оставшуюся дорогу мы ехали молча. Хотя, казалось бы, идеальный шанс вывести его на разговор. Выудить ответы на все интересующие вопросы. Ведь ему некуда бежать. Только я и он.

Но я почему-то не тороплюсь нарушать установившийся хрупкий покой, поэтому просто позволяла себе исподтишка подглядывать за моим героем.

Женя выглядел очень... Усталым. Да, именно усталым. Не злым, как десять минут назад. Не весёлым и язвительным, а именно уставшим. Глаза не горели дьявольским огнём, а просто сливались с темнотой. Брови не насупившиеся, а расслаблены. Губы тоже не были сжаты в привычную нить.

Но даже в таком смертельно-усталом состоянии он все-равно красив. По-своему, немного небрежно, грубо, дико... Я слежу за каждым движением его глаз, рук. Ловлю себя на мысли, что мне приятна его близость. Не просто приятна, а почти необходима.

— Когда ты сделала снимок? — выводит меня из транса голос Жени, когда машина уже притормозила у моего двора.

— Неделью назад где-то. — нет смысла врать, смущаться. Есть снимок — придётся пояснять. В конце концов, что в этом плохого? Он идеально смотрится в кадре. Просто

находка для фотографа. Фонарь же, который красуется у меня на втором снимке, не возмущается. Вот пусть и Самойлов помалкивает!

— Умело. Почему я не заметил?

— Просто с крыши снимала.

— Значит, по крышам тебя лазить научили, а плавать нет? — усмехается. — Странно.

— "Странно" — это прям про меня. Тебе не понравилось? — окончательно осмелела я.

— Да, нет... Вроде нормально... Не спец я в этом, Павлин.

— Я тоже. — устало улыбаюсь.

— Ладно, иди, отдыхай. И обещай не нырять никуда, глубже ванны. По крайней мере, пока меня нет рядом.

— Когда же ты снова будешь рядом? — говорю это так тихо, что у Жени нет ни малейшего шанса услышать это.

— Что?

— Спокойной ночи, спасибо, что не пустил на корм рыбкам.

— Берегу чувства тети Любы. Пока, Паш. — он улыбается и у меня перехватывает дыхание. Судорожно сглатываю и выхожу из машины. Нет, куда же делось моё мнимое самообладание? А нигде. Разбилось о скалы Самойловской уверенности.

Почему именно рядом с ним так бешено стучит сердце? Почему в его глаза хочется смотреть? Почему от его прикосновений становится жарко?

Потому что влюбляюсь. С головой ныряю в омут ко всем ко всем его притаившимся чёртикам.

Что будет дальше? Один Бог знает. Правдивы ли эти чувства? Или это лишь мой островок в океане обиды на Илью? Может, я лишь навязала себе мысль, что мне нравится Женья. Тогда почему я млею, когда он смотрит? Почему моё имя из его уст ласкает слух и ложится на душу сладким нектаром?

Пытаюсь вспомнить, что чувствовала, когда поняла, что влюблена в Илью, но не выходит. Все выглядит так, будто я родилась с этими чувствами. Но так ведь не бывает. Может, это потому что у нас с ним не было всего, что было с Женей? Я просто поняла, что мне нравится парень и уцепилась за это, заметно раздув масштабы. Не было неловких взглядов, не было взрыва эмоций, не было поцелуев, не было ничегошеньки. Тогда почему я решила, что вообще влюблена была в него?

Глава 9. Сопротивление бесполезно

Глава 9

Я лежу на мягком покрывале луговых цветов, которые пьянят меня своим ароматом. Этот запах хочется набрать в пакеты, ведра, бутылки, чтоб растянуть удовольствие. Провожу рукой по теплому ворсу зеленой травы. Солнце ласково подмигивает мне, просачиваясь сквозь густую листву дерева.

— Павлина! — раздаётся откуда-то сзади.

Приподнимаюсь на локти, чтоб осмотреться. Первое, чтоб бросается мне в глаза — отсутствие на моих стопах обуви. Хотя, здесь она и не нужна. Хочу каждой клеточкой своего тела прикоснуться к этой красоте. Хочу чувствовать, хочу вдыхать, хочу остановить время.

— Павлина, — ко мне подходит Женя и присаживается передо мной на колени. На нем легкая белая футболка и молочные штаны, закатанные до щиколотки. Прямо посланник из рая. — Я так соскучился. — Женя кладет свою ладонь мне на щеку и поглаживает большим пальцем очертание моих скул. Внутри начинает все подрагивать от его нежных касаний, от его замороженного взгляда.

— Пойдем? — Женя встает и идет.

— Куда? — не понимаю я.

— Вставай, Павлина. — он оборачивается.

— Зачем?

— Вставай, Павлина! — голос прозвучал вне моего сна, заставив меня разлепить свои веки и подскочить от неожиданности.

Самойлов сидел на краю моего диванчика, уголки рта были чуть приподняты, читалась еле заметная улыбка.

— Что..- выдыхаю, посильнее натягиваю одеяло, — что ты тут делаешь?

— Пришел сделать доброе дело, — загадочно произносит он.

— Довести меня до инфаркта?

— Ну, нет. Просто предложить свою помощь.

— Я просила у тебя помощь? — начинаю закипать.

— Вчера ты тоже не просила у меня помощь, но она же тебе была необходима.

— Что ты хочешь? — безразлично спрашиваю. Хотя внутри бурлит все, взрывается, бьет током каждая мысль.

— Я научу тебя плавать, — горделиво изрекает Самойлов.

— Что? — из меня вырывается нервный смешок. — Три инструктора сложили руки, а ты возьмешь и научишь меня?

— Возьму и научу. Собирайся, нужно идти. Я жду тебя во дворе. — Женя встает и направляется к двери.

— Жень, — окликаю, и он останавливается. — А где бабушка?

Все-таки очень сомневаюсь, что она бы просто так пустила его в комнату к спящей внучке. Моя бабушка, конечно, прогрессивная, но не настолько.

— А, они с моей мамой уехали на ярмарку в Орехово. Там сегодня день станицы. Сказали, вернутся вечером.

— Угу, я переоденусь и выйду. — улыбаюсь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Женя выходит, я падаю на диван и по самую макушку натягиваю одеяло. Было бы здорово, если бы оно оказалось мантией невидимки. Но, увы, это лишь одеяло в розочку, и оно не в силах укрыть меня от Жени. Да и если быть откровенной, то мне очень хочется провести с ним время наедине. Надеюсь, наедине. Пусть даже мы будем заняты моим утоплением, зато вместе.

Воодушевившись нагрывшимся счастьем, быстро нацепила свой купальник, сверху лёгонький сарафан, доканчиваю образ, надоевшей всем, своей шляпкой. Телефон решаю оставить дома, вряд ли он понадобится мне на речке. Выхожу из дома, замечаю Женю сидящего под виноградником.

— Быстро ты, — одобряет меня мой новоиспеченный инструктор. — Пойдем, — он кивает на стоящую за забором машину. По-моему, вчера на ней был Артем. Неужели он в курсе наших планов? Это начинает бесить. Артем итак слишком много знает. Будь это какой-нибудь американский триллер, его бы уже убрали, как свидетеля. Но это лишь моя жизнь, и тут остается только надеяться, что у него хватит ума не болтаться об этом всем.

С чего это ты решил заняться моим обучением? — спрашиваю я пока мы едем.

Свои мотивы мне понятны: во-первых, провести время с Женей, во-вторых, вдруг у него реально что-то получится? А вот, какие цели преследует он — пока неясно.

— Просто здесь опасно находиться тем, кто не умеет плавать. — не глядя изрекает Самойлов.

— Особенно, когда рядом шайка твоих друзей, — решаю дополнить его ответ.

— Именно. — кидает на меня мимолётный взгляд. — Сегодня без фотоаппарата?

— Решил все-таки поиздеваться?

— Немного, — усмехается.

— Ты очень немногословен. — замечаю я.

— Точно. — кивает.

— Закончились дурацкие шуточки?

— Нет, всегда есть парочку в запасе. — Женя улыбается.

Мне кажется, что-то изменилось между нами. Нет больше вражеской атмосферы, царившей между нами, почти месяц. Мы с лёгкостью общаемся друг с другом, не пытаемся уколоть побольнее, не пытаемся обидеть. Женя принял меня. Пока только, как жителя Ромашково, как друга. Но уже кое-какие сдвиги.

Я боялась, что после нашего поцелуя ситуация усугубится. Что я буду чувствовать себя неловко, скованно рядом с ним. Но нет, все как-то привычно и обыденно, словно последние лет 10 я только и делаю, что езжу с Женей на плавание. С одной стороны, мне нравится легкость нашего общения, а с другой немного пугает.

Когда Женя ненавидел меня, принимая за типичную городскую фифу, у меня была цель: доказать ему обратное, а что сейчас? Как вести себя с ним?

Особенно, когда и мой гнев по отношению к нему сменился на порхающих бабочек в животе, милые сны о нем, и дрожь в коленках от его улыбки.

Только со всеми этим набором, что мне делать? Будущего у нас нет. Он вряд ли согласится ехать в город за мной... А я что? У меня учеба. Поэтому дабы не навлечь проблем на свою голову, лучше не обращать внимания на свою симпатию. Закопать ее у бабушки на огороде, под вишней и больше не вспоминать. Перестать любоваться им, когда он ведет машину. Перестать на ночь пересматривать его снимок, запоминая каждый блик, каждый изгиб его лица. Перестать вспоминать вкус его губ, представлять наши жаркие поцелуи раз

за разом...

М-да. Говорить проще, чем сделать. Особенно, когда каждая клеточка мозга впитала в себя аромат его футболки, высекла в моей памяти его улыбку, блеск глаз.

После того проклятого поцелуя, симпатия к Самойлову накрывала меня, как волна. Медленно, но уверенно, не оставляя ни единого шанса выйти сухой из воды. Эта симпатия ничем не напоминала мне мою влюбленность (как мне казалось) к Илье. Она не напоминала мне вообще ничего. Просто вызывала во мне грубые противоречия, заставляла раз за разом задумываться, а что я вообще к нему чувствую?

С Ильей все было просто. Никаких неловкостей, трудностей. Просто односторонняя влюбленность, окружённая только моими мечтами.

И с Женей все могло быть точно так же, если бы не было едва уловимых намеков на взаимность. Если поцелуй вообще можно назвать «едва уловимым» намеком. В общем, я запуталась в себе, в Жене, в ситуации. И чем больше пыталась разобраться — тем больше возникало вопросов.

Единственное, что я знаю хорошо — меня жутко злит Света со своим повышенным вниманием к Жене. Было бы лучше, если бы она просто исчезла и позволила нам наслаждаться обществом друг друга. Жаль, что Женя так не считает. Наверно. Вообще не знаю, как он считает...

— Приехали, — Женя останавливает машину и выходит. Я выскакиваю следом и осматриваюсь. Еще одно незнакомое место у той же реки. Ромашово балует меня разнообразием. — Раздевайся.

— Что? — поворачиваюсь к нему.

— Ты плавать в платье собралась? — вопросительно выгибает бровь.

Черт... Плавать. Моя фантазия подвела меня в самый неподходящий момент.

— Да нет... — снимаю с себя шляпку, следом стаскиваю платье, складываю его и кладу на переднее сидение. Женя увлеченно наблюдает за мной, неужто думает, что не замечу, как он пялится?

— Занималась спортом? — наконец-то отмирает он.

— Да. Заметно?

— Теперь очень, — переводит взгляд с моего тела на меня. — Чем занималась?

— Много чем. — пожимаю плечами. Нет смысла рассказывать про фанатизм моей мамы, и про многочисленные кружки.

— Молодец, — Женя снимает с себя футболку. Теперь пришла моя очередь остолбенеть и пожирать взглядом фигуру Самойлова. А пожирать там есть что, поверьте. — Идем? — приходится поднять взгляд с его рельефного торса.

Кивок.

Женя направляется к речке, оставив обувь у машины. Я тоже снимаю сандалики и иду за ним.

— Ты полезешь в шортах? — замечаю, что он не снял их.

— Да. — непонимающе смотрит на меня, — тебе будет комфортнее, если я буду без них? — лукаво улыбается.

— Господи, почему ты все опопляешь? — неободрительно качаю головой.

— Пойдем уже, хватит слов. — Женя небрежно берет меня за руку, но даже от его прикосновения меня словно пробивает током. Оно не таит в себе нежность, трепет, ласку, но я все равно млею. Судорожно сглатываю и выдыхаю, пытаюсь унять учатившийся пульс. Это

просто Самойлов. Не папа Римский же, чтоб так волноваться...

— Ты чего трусишься, как воробей? — заметил мое волнение все-таки. — Боишься?

Кивок.

— Я не отпущу тебя, — Женя сильнее сжимает мою ладонь.

— Обещаешь? — мой голос похож на писк мышки, но это не от страха воды... Только бы он не понял этого.

— Обещаю. — спокойно молвит Женя.

— Клянись, — не унимаюсь я.

— Ты взяла с собой библию?

— Какую? Зачем? — растерялась я.

— Ну, чтоб я дал торжественную клятву на библии. — усмехается Самойлов.

— Нет, это была плохая идея, — я вырываю руку, разворачиваюсь и ухожу. И под «плохой» идей, я имела ввиду оставаться с Женей наедине, позволять ему прикасаться, а вовсе не попытку научиться плавать.

— Стой! — Женя догоняет меня в ту же секунду и хватает за плечо, заставляя обернуться. — Прости, больше не буду шутить. Хорошо?

«Да, не в этом дело!» — хочется возразить мне! Но я прикусываю язык. Зачем мне смущать парня своими признаниями? Мне самой себе сложно признаться, что близость рядом с ним — невыносима. Невыносима, потому что не поддается контролю. Он взял за руку — я позволила. Он поцеловал — я позволила. Он увез меня домой — я вновь не возражала. Этот парень прямая угроза моему вольному сердечку.

— Хорошо? — повторяет свой вопрос Женя. Мне бы вникнуть в смысл слов, только его руки на моих плечах сбивают мои мысли. И дыхание.

— Угу, — снова соглашаюсь против воли своего разума, послушав голос души. А душа вовсю голосит «не беги».

— Тогда попытка номер два? — Женя берет меня за руку, но в этот раз получается как-то более радушно и неуверенно, будто он сомневается, что я не одерну руку. А я не одерну.

Женя заходит в речку первый, погрузив лишь стопу под воду. Меня не тянет, лишь кивает.

Неспешно подхожу к самому краю берега. Бояться нечего, он обещал, что не отпустит. Касаюсь ногой водной глади и из груди вырывается непроизвольный вздох. Вода прохладная, совсем не похожа на ту, что вчера была.

— Не преувеличивай. Не так уж и холодно. — скептически произносит Женя.

— Вообще-то не особо приятно.

— А мы сюда не развлекаться приехали, так что ныряй.

— Может, мы подождём пару часиков, пока солнце нагреет воду?

— Паш.

По Жениному тону понятно, что никакого "может" быть не может.

Захожу по колено, Самойлов стоит уже по пояс в воде. Ждем с минуту, затем продвигаемся еще на пару шагов. Тело уже привыкло к температуре воды и больше не взрывается мурашками. Когда уровень воды доходит до моей груди, я больше не рискую двигаться.

— По-моему, учиться можно и тут. — дрожащим голосом произношу я.

— Верно, — Женя подходит ко мне, отпускает мою руку. — Тогда начнем. — течение слегка шатает меня, и я мертвой хваткой цепляюсь в плечи Жени.

— Что мне делать?

— Для начала перестать играть в пиявку.

— Престать играть... ага... — бубню я.

— Паш, просто доверься мне. — он обхватывает мою талию руками. И даже под прохладной водой я ощущаю жар под его ладонями. Или это мое воображение?

— Ладно, — выдыхаю я и отпускаю его плечи. — учи.

— Итак, сначала тебе придется научиться хоть немного держаться на воде, а не идти ко дну камнем.

Первые три попытки были провалены, я раз за разом уходила под воду с головой, Женя то и дело выдергивал меня. На четвертой попытке мне удалось немного расслабиться и продержаться на плаву пару секунд, потом все-таки страх снова сковал мою тело, мышцы напряглись, и я гордым титаником пошла ко дну. Но Женя сказал, что даже этих двух секунд достаточно, чтоб я поняла, что чем спокойнее я буду — тем лучше у меня будет получаться.

После этого «урока» мы перешли к «сердечкам», которые мне нужно быстро-быстро рисовать на воде. И у меня очень даже неплохо получалось, пока Женина сильная рука поддерживала меня, сразу же после того, как он отпускал меня — Паша превращалась в водолаза.

Ну, не дано мне плавать. Просто не мое это! Как он не поймет? Нет, все не так плохо. Я могу проплыть метр, затем устаю разгребать воду и начинаю понемногу тонуть, пока не ухожу с головой в толщу реки.

— Я устала. — вздыхаю я.

— Да мы и часа не плаваем, — возмущается Женя. — И то, больше половины времени, ты провисела у меня на руке.

— У меня стресс, — огрызаюсь я. — Давай потом продолжим?

— Ох, будто у меня нет других планов? Я вообще-то планировал справиться за один день.

— Перепланируй, — невозмутимо изрекаю я, поворачиваюсь и иду и направляюсь к берегу.

Чувствую, как под водой что-то скользкое, противное касается моей ноги, и от страха просто заскакиваю на Женю, обхватив его шею руками. Если бы я могла залезть на его шею — непременно сделала бы и это!

— Там..!!!Там!!! — слова разбиваются о мой язык, так и не слетев с него.

— Что? — смеется Женя, обхватив меня за талию.

— Там что-то есть! — наконец-то сформулировала свои мысли.

— С чего ты взяла?

— Оно коснулось моей ноги! — возмущаюсь, словно это Женина вина.

— Тише, — Женино лицо на уровне с моим, но всем своим видом излучает спокойствие, а мое — панику. — Ты уверена?

Вообще-то, мне не могло показаться, но почему-то не думается мне сейчас о таинственном чудовище, которое пыталась утащить меня в глубины этой зловещей реки, потому что слишком близок Женя. Слишком умиротворенный голос, заполняющий всю мою голову, слишком много телесного контакта, слишком горячие глаза, сгущающие воздух вокруг. Слишком близко...

— Там точно что-то было, — еле слышно говорю я на выдохе. Страх уже давно испарился и мне бы отпустить Женю, слезть с его рук, и пойти к берегу, но я лишь, как

очарованная бегала глазами, цепляясь за его уверенный взгляд.

Женя не отводит глаз, не разжимает рук, и, кажется, не дышит. Одна рука все-таки ослабляет хватку, и начинается движение вверх по спине, призывая мои мурашки к восстанию. Уверенная рука останавливается лишь, достигнув моей шеи. Женя притягивает мое лицо к своему, не прерывая зрительного контакта, и останавливается лишь, когда между нашими губами остается пару миллиметров. Чего он ждет? Что я одумаюсь и сбегу? Но я хочу, чтоб этот поцелуй состоялся. Закрываю глаза, стираю между нашими губами расстояние, накрывая его губы своими. Женя быстро перехватывает инициативу, умело раскрывает мои губы, проникая языком в мой ротик. Этот поцелуй ничем не похож на первый. Он ничего не доказывающий, не похож на бой наших темпераментов. От этого поцелуя закипает кровь, трепещет все внутри. Нет алкогольного привкуса, напоминающего, что это может оказаться ошибкой. Поцелуй, который можно окрестить первым.

Женя победоносно исследует мои глубины своим языком, выбивая из моих легких последний воздух. Еще несколько секунд и я просто потеряю сознание от нехватки кислорода. Он, словно чувствует это, отрывается от меня, и мы оба тяжело дышим, будто пробежали километр. Мятный привкус Жениных губ замер на моих.

Мы лежим с ним на спине, подложив руки под голову, в тени ветвистой ивы. Между нами всего пару сантиметров, но никто не рискует преодолеть их. Лишь наши пальцы иногда дергаются, задевая друг друга. После поцелуя не было клятв, объяснений. Просто взгляд, рассказывающий больше, чем миллионы слов. Но я же девушка, мне мало понять. Мне хочется слышать.

— Знаешь, один поцелуй я могла тебе простить, но вот за второй придется отвечать, — краем глаза вижу, что он смотрит. Улыбаюсь.

— Чем это тебе не понравился второй поцелуй? — наигранно возмущается.

— Понравился, даже больше, чем первый. Просто... Ты же понимаешь, что я хочу знать... — наконец-то поворачиваюсь к нему, переваливаясь на бок.

— Что? — теперь его тон серьезен.

— Хочу знать, значат ли эти поцелуи что-нибудь.

— На свете нет ничего не значащих поцелуев, Паш.

— Тогда...

— Я целую, потому что мне хочется этого.

Очевидный ответ, но немного не тот, что я ожидала. Да, что там немного... Совсем не то.

Женя кладет свою ладонь мне на щеку и заметно смягчает свой взгляд.

— Мне нравится целовать тебя.

Эта фраза обозначает то же самое, что и прошлая, только почему-то не так царапает мое сознание. В принципе, я ведь и сама не хотела ярлыков и обязательств, так что не буду давить и нападать на парня с допросами из-за одного поцелуя.

— Можно спросить кое-что? — прерывает ход моих мыслей Женя.

— Угу.

— Сколько у тебя было парней? — по взгляду было все понятно, что он имеет в виду. Понял, что я не имею опыта в поцелуях.

— Заметил?

— Трудно не заметить, — усмехается он. — Второй раз поцеловал, чтоб проверить свои

догадки.

Толкаю его локтем в плечо, и он валится снова на траву, хохоча. Затем хватает меня за руку и тянет к себе. Я упираюсь руками в его грудь, он испытующе смотрит мне в глаза, оживляя моих бабочек в животе.

— Пора ехать, Красная Шапочка. — прерывает он наши переглядки.

Еле скрывая свое огорчение, встаю и иду к машине. Натягиваю сарафанчик, надеваю шляпку. Женя тоже одевается и садится за руль.

Едем мы молча, словно онемели в минуту. Я погрязла в собственных мыслях, Женя увлекся дорогой. Еще пол часа, ощущающие себя одним механизмом, теперь едем каждый сам по себе. Не понимаю резкую смену его настроения, не понимаю, почему не срабатывают мои датчики самосохранения. Ведь я, бросив тормоза, лечу в пропасть под названием «Женя». Нельзя же так просто вылезти из одного болота, и угодить во второе... Нельзя, но именно так и случилось. Женя стал моей отдушиной, если брать ситуацию с Ильей. И моим якорем, если смотреть с точки зрения своей свободы. Незаметно для себя стала нуждаться в нем. Изначально во встрече, потом в разговоре, сейчас в касании. Пусть даже случайном, но касании. В Илью я влюблялась, как заходила сегодня в реку — размеренно, осмотрительно, аккуратно, анализируя каждое движение. А В Женю втюрилась, словно свалилась с обрыва. В один момент вдруг стали сниться его глаза, слышаться его голос. Глупое отрицание своих чувств — не привели ни к чему. Мозг сдается. Сердце властвует.

Когда-нибудь с этими мужиками будет легче?

— Приехали. — Женя глушит машину, и выходит. Видимо, решил проводить меня до дверей.

Он галантно открывает передо мной калитку, я захожу в нее, он следует за мной.

— Спасибо, за попытку, — фальшиво улыбаюсь. Не хочу с ним прощаться, не хочу чтоб он уходил. Хочу вернуться на тот берег и лежать с ним, пока не пустим корни в землю.

— Я упрямый, обязательно добьюсь своего.

— Хорошо, — «хотелось бы верить» — добавляю мысленно. — ну, увидимся...

— Вообще-то, я надеялся на вкусный ужин. Его-то я заслужил? — лукаво улыбается.

— Да, — моя фальшивая улыбка сменяется искренней.

Я захожу в дом первая, Женя проходит за мной. Мы идем к кухне, он садится на стул, я первым делом достаю сок из холодильника, наполняю стакан и выпиваю его.

— Будешь? — предлагаю Жене, который с интересом наблюдал за мной.

Кивок.

Протягиваю стакан. Женя нагло ухмыляется, берет пакет сока и пьет прямо с горла. Это неприлично! Это против правил этикета! И это жутко сексуально...

— Пойду за телефоном схожу, — выпаливаю я, и вылетаю из кухни, чувствуя, как щеки заливаются неестественным румянцем.

По пути обратно захожу в ванну, умываюсь холодной воды и иду на кухню. Женя уже оставил в покое сок, и, видимо, просто ждал меня.

— Чем гостя угощать будешь?

— Ну, не жди от меня изысканных блюд...

— Мне хватит того, если ты меня не отравишь. — смешок.

— Постараюсь.

Достаю из холодильника яйца, молоко, помидоры, колбасу, сыр и зелень.

— Набор продуктов не внушает доверия, — говорит Женя.

— Я же обещала, что не отравлю тебя.

— Не обещала, а лишь сказала, что постараешься. — поправляет меня Самойлов.

— Прими это за клятву, и не мешай мне.

Я разбиваю яйца в чашку, добавляю молоко и взбиваю их. Режу зелень и колбасу, тру сыр на терке. Когда все ингредиенты готовы, ставлю на огонь сковороду и подливаю масло. Затем слегка обжариваю колбасу, выливаю яйца с молоком, накрываю все это крышкой, дабы все прожарилось. За несколько минут до полной прожарки посыпаю сыром.

Ставлю на стол омлет, посыпаю зеленью, кладу сверху ломтики помидора. Готово.

— Вуаля, — упираю руки в бока.

— Такой шикарной яичницы я еще не ел. — поддельно восхищается Женя.

С тех пор, как мама ушла с головой в свою работу, мне приходилось самой готовить для себя и папы. И первым делом я освоила что? Правильно, все виды яичницы!

— Иди, мой руки, и будем кушать, — приказываю я.

— Лад... — Женя не успевает договорить, его прерывает скрипнувшая входная дверь.

Мы бросаем друг на друга растерянный взгляд.

— Стой тут, — кидаю ему и бросаюсь к двери.

— О, привет! Ты чо трубку не берешь? — невозмутимо спрашивает Алла.

— Не слышала просто. А чего? — преграждаю ей путь к кухне.

— Ты не одна? — вопрос прозвучал не как вопрос, а как утверждение.

— С чего ты взяла?..- скрывая панику, отвечаю вопросом на вопрос.

— А машина чья?

— Паш, ну ты идешь? Еда стынет. — к нам выходит Женя, как будто хозяин дома.

Алла выпучивает свои глаза, словно рыбка-телескоп.

— О, Черемушкина. Какими судьбами? По делу пришла или просто языком почесать? — наглость Жени поражает даже меня.

— Да, я это... Позже зайду, Паш. — офигевая от происходящего, подруга выскакивает из дома, еще раз обернувшись у порога, видимо, проверяя, не почудилось ли ей...

— Ты уверен, что это было нужно? — поворачиваюсь к Жене.

— Я уверен, что иначе мы бы не отвязались. А еда действительно скоро остынет. — Самойлов возвращается на кухню и мне ничего не остается сделать, кроме как пойти за ним.

Не думаю, что Алла разнесет увиденное по деревне, но вот от ее вопросов мне не отвертеться. Пора уже начинать продумывать версию, каждую мелочь в ней. Или просто рассказать правду? Она же все-таки мне подруга. К тому же не плохо показала себя за время, что я тут...

Женя расправился с омлетом быстро, потом похвалил мои кулинарные способности и ушел, намекнув, что наши занятия еще будут продолжаться. Ушел, оставив меня наедине со своими мыслями. О нем.

Но одна я оставалась не долго, так как через десять минут пришло смс от Аллы:

«Он уже ушел?»

Отправляю короткое «да».

В ответ: «Сейчас приду».

Я даже не сомневалась в тебе, подруга. Мысленно усмехаюсь и иду к двери, встречать свой персональный ураган.

— Офигеть! Обалеть! Просто жуть! — эмоционалирует Алла, услышав мой правдивый рассказ о нас с Женей. Если есть вообще это заветное «нас». Не хочу врать ей. И к тому же, мне нужен хотя бы один человек, с которым я могу поделиться всем происходящим в своей жизни. Конечно, я не собираюсь заставлять разгребать ее свой хаос в голове, но мне легче от того, что не я одна несу это ношу.

— Что ты будешь дальше делать? — перебрав все слова удивления, спрашивает Алла.

— Не знаю. Ничего

А что мне делать? Вешаться на него, как Света? Блин, есть же еще Света, которой он принадлежит по праву. И, как бы меня не бесил этот факт, я не смогу его изменить. Вернее смогу, но зачем? Мне скоро уезжать и все, что было здесь, станет просто сном. Кошмаром. Или же самым приятным сном на свете... В любом случае, дальнейшего моего пересечения с Женей не предвидится, а значит незачем тешить его и себя ложными надеждами.

Осталось только объяснить этому предателю-сердцу, которое в каждый свой стук вкладывает отчетливое имя из четырех букв.

Глава 1 °Соппротивление бесполезно (2)

Поцелуй у берега стал главной причиной моего плохого сна. Засыпать стало сложнее в сто раз. Постоянные мысли перед сном «как?», «зачем?», «почему?», «а может?»... В сон проваливалась, когда мозг просто отключался от усталости. Раньше мне казалось, что думала о Жене слишком много, теперь поняла, как я ошибалась и наконец-то узнала, что такое «постоянно в твоих мыслях».

Самойлова не встречала уже дня три, и не сильно искала наших встреч. Вернее, избегала их, как могла. Не высовывала лишний раз носу из дома, чтоб не пересечься на улице. Отказывалась от прогулок с Аллой, ссылаясь на усталость. Глупое поведение, но мне нужно разобраться. Внутренние споры дошли до такого момента, когда я уже стала походить на психа.

То у меня все хорошо, я всех люблю, и готова дать шанс своим чувствам, то у меня все плохо, депрессия уносит меня в свою страну, напоминая, что реальность такова, что через месяц тебе придется попрощаться с этим всем навсегда.

Было бы здорово, если бы у человека были рубильнички: «Отключить мозг», «Отключить зов сердца». Управлять своей жизнью было бы легче. Наверно.

Но так как у меня нет такой роскоши, приходится сто раз на день менять свои решения, обдумывать их и менять снова. Ситуацию заметно усложняет неопределённость Жени, их отношения со Светой.

Ведь может быть такое, что он просто играет со мной, дабы отомстить городским. А я легко поддаюсь, слишком легко. Не нужно забывать, что Женя слишком быстро изменил свое отношение ко мне. Из-за своих чувств и не заметила этой странности, а это не может не предостерегать.

Лучше готовить себя к худшему, чтоб потом не получить осколками своего седьмого неба по голове.

На данный момент я знаю абсолютно точно, что боюсь. Боюсь поддаться внезапному порыву чувств и обжечься и боюсь уехать отсюда и всю жизнь жалеть о том, что не рискнула.

Сегодня опять встала раньше, чем могла бы. Вновь снился Женя, десятый раз за неделю. Привыкла уже к его присутствию в моих снах. Мозг начинал сдаваться сердцу, судя по тому, что раз за разом подкидывал мне его в сны.

Открываю окно, впуская утреннюю прохладу в свою комнату.

Бабушка еще спит, потому что вчера до поздней ночи стерилизовала банки под варенье. Нет привычной суеты в кухне, дополняющей вкусный аромат.

Беру со стола яблоко и решаю выйти прогуляться. Сняв с вешалки шляпку и натянув ее на голову, выхожу на улицу.

Сегодня небо было заволочено серыми тучами, будто какой-то неряшливый художник пролил на холст серые краски. Воздух свежий, но сухой, словно всю влагу вобрали в себя собравшиеся тучи, но никак не могли решить ее сбросить на землю.

«Было бы здорово увидеть ту сторону в такую погоду» — пронеслось у меня в голове. А почему бы и нет? Не так уж много времени осталось мне наслаждаться красотой здешних мест, чтоб так расточительно тратить выдавшиеся свободные минуты. Я медленно шла по

дороге, которую мне удалось запомнить, как дважды два, высекая каждый кустик у себя в памяти.

Когда подошла к холму, за которым ждал меня переход на ту сторону, небо было уже совсем черным. Ветер резкими порывами раз за разом пытался сорвать меня с шляпу. Приходилось придерживать ее рукой. Гроза была неминуема, но я уже проделала такой путь, глупо разворачиваться. Тем более, стоит ли бояться летний дождик? Покапает, да перестанет.

Я начала карабкаться вверх. Сегодня мне было гораздо удобнее и легче, ведь на мне были сандалии, не цепляющиеся за травку и не скользящие по земле.

Наверху я оказалась в считанные минуты. Оставалось только спуститься и переправиться через реку. Со спуском проблем не было, а вот с перепавой...

От сильного ветра, скорость течения реки увеличилась чуть ли не втрое. Использовать тарзанку — было очень глупо и легкомысленно. Поэтому пришлось идти в поисках мостика. Только увы, прошагав почти 10 минут, искомое найдено не было, в связи с этим мною было принято решение вернуться.

У холма я еще раз остановилась и бросила взгляд на тарзанку. Если в прошлый раз у меня это получилось, то что помешает сейчас? Главное посильнее оттолкнуться и крепче держаться. Да! Я смогу.

Опрянув духом, я полезла наверх, и оказавшись на последней ступени, стала искать "крюк" коим Алла доставала тарзанку с ветвей. Проволока аккуратно висела на гвоздике и покачивалась на ветру.

И теперь только... Где же она? Я начинаю шарить в листве, в поисках тарзанки. Ну, кто ее вообще прячет?

Резкий порыв ветра срывает с меня шляпу и грубо швыряет на поверхность воды. Из моей груди вырывается непроизвольный вздох. Это же была моя самая любимая вещица в гардеробе! Заунывно смотрю вслед моей уплывающей любви...

Лучше бы дома сидела! Черт меня дернул вообще выходить из дома в такую погоду? Мысленно броня себя за свою глупость, продолжила поиск заветной переправы. Тарзанка свалилась внезапно и едва не стукнула меня по голове.

Все. Оттолкнуться и готово. Река не сбавляя свой бег, бурлила словно кипящая лава. Ветер гнул ветки деревьев, заставляя стонать их. То, что я сейчас делаю — "полнейшая безрассудность", как сказала бы мама. А я назову это маленьким приключением. В конце концов, Ромашковцы чуть ли не с рождения сигают, а я хуже?

Подначив себя сравнениями, я окончательно осмелела и оттолкнулась из-за всех сил. Как только мои ноги сорвались с точки опоры, мне захотелось зажмуриться и кричать, но тогда я попросту не увижу, когда нужно приземляться. Поэтому, собрав волю в кулак, все-таки посмотрела страху в глаза. Сверху я сразу и не заметила, как поднялся уровень воды в реке, но сейчас, рассекая кончиками пальцев водную гладь — было трудно не заметить сей факт.

Приземлилась я просто отлично, даже устояла на ногах. Небо совсем загустело чёрными красками. Нужно поспешить.

Ускорив шаг, двинулась к заветной цели своего похода.

Яркий и пёстрый прежде луг ныне встретил меня своей серостью и шумным волнением.

Трава, словно хамелеон, переняла черноту неба, и среди неё тусклыми красками качались на ветру цветы. Картина передо мной открывалась величественная.

Тогда луг дарил мне умиротворение, успокоение, безмятежность, а теперь все иначе. Он, будто бы подстроился, под моё душевное состояние.

Надо мной сверкнула молния, заставляя оторваться от любования пейзажем. Обвожу глазами луг, в надежде найти какое-нибудь укрытие. Взгляд цепляется за дерево, а затем падает на фигуру, сидящую под ним.

В глаз мне миксер! Под деревом сидит Самойлов и читает книгу! От удивления у меня чуть не выкатились глаза, и если бы не ослепляющая молния, сверкнувшая передо мной снова, я бы не знала сколько ещё простояла, пытаюсь понять сон это или реальность. Женя читает книгу! Обалдеть! Кому расскажешь — не поверят.

На щеку упала отрезвляюще-холодная капля, затем ещё одна и ещё.

Выбора нет, придётся идти.

Подхожу к Жене сзади, дождь уже повсюду хлещет по цветам, траве.

— Привет, — неуверенно произношу, когда между нами остаётся всего метр. Видимо, это было слишком неожиданно, потому что Самойлов дернулся и выронил книгу.

— Твою мать, Павлина! — восклицает он. — какого черта ты тут забыла?

— А ты? — ошарашиваю его своим вопросом на вопрос, а в это время скольжу взглядом по траве. "English " — оповещает меня о своём содержании, надпись на книге. Английский?! Он серьёзно? Это точно сон. Женя не торопится отвечать, между нами присходит поединок. Мы буквально сверлим друг друга взглядом, и только оглушающий раскат грома, заставляет нас оторваться от этого боя. Я вздрагиваю, Женя просто переводит взгляд на небо.

— Придётся идти, — равнодушно изрекает он.

— Куда?! — выпучиваю глаза на него.

— Отсюда идти, Паш.

— Зачем? Давай переждем дождь тут.

— Оглянись! — он разводит руки. — Вокруг степь. Мы под единственным деревом. Ничего не напоминает?

Степь, дерево... Что он несёт?

— Что ты имеешь ввиду?

— Господи, чему вас в школе учат? Дерево — природный громоотвод. И чем меньше их в определённом радиусе...

— Тем больше шанс, что молния ударит именно в него, — заканчиваю я его мысль.

— Бинго! — хлопает в ладоши Женя.

Ну, конечно! Как я могла забыть об этом элементарном законе природы? Теперь ещё Самойлов будет считать меня недалёкой особой. Ещё один раскат прогремел над нашими головами.

— Пора, — говорит Женя и поднимает книгу. — Пойдём? — он протягивает мне руку, и на секунду замешкалась. Потом все — таки вложила свою ладонь в его. Тепло его руки завлакивало моё сердце, заставляя колотиться его быстрее.

В одной руке книга, в другой моя рука. Женя бежит, волоча меня за собой.

Небо то и дело взрывается вспышками света, затем сотрясает все грохотом. Дождь стоит стеной, я не вижу куда мы несёмся. Женя ориентируется лучше, потому что мы ловко огибаем неровности и в считанные минуты пересекаем мостик, который опять появился откуда-то! Либо я схожу с ума, либо я схожу с ума! Других вариантов нет. Ладно, с этим разберёмся позже.

Мы бежим ещё минут пять, и перед моими глазами появляется машина.

— Прыгай! — кивает Женя и отпускает мою ладонь. Необъяснимое чувство, будто чего-то не хватает, посещает мою голову, но я гоню ее прочь. Залезаю в машину, Женя садится за руль и мы облегченно выдыхаем.

Дождь барабанит по стеклу, настукивая нервную мелодию грозы. Мы сидим притаившись, не произнося ни слова. Женя завёл машину и приятное тепло разливалось по салону.

— Так, зачем говоришь, ты сюда пришла? — перебивает монолог дождя Самойлов.

— Я вообще ничего не говорила... Можно задать два вопроса?

— Странная ты. Сама на вопросы не отвечает, а от других требует. — улыбается. — Ну, попробуй.

— Первый — глупый. Только не думай, что я ненормальная, — строго говорю я. — В общем... Я когда шла на ту сторону, пыталась искать мостик...

— Так... — вытягивает из меня рассказ он.

— Короче, я не смогла его найти. Думала, может он затонул, разрушился... А сейчас, когда мы бежали сюда — он снова был!

— Заметила, — усмехнулся Женя. — Я думал, это случится ещё в тот раз. Так выходит... Ты перелетела через реку на тарзанке? — удивляется он.

— Да... — ответ получается грустным, потому что вспоминаю свою шляпку, павшую жертвой этого прыжка.

— Ненормальная. Даже я бы не рискнул этого сделать.

— Почему? — недоумеваю я. Он же в прошлый раз сделал это не сомневаясь ни минуты.

— Ветер мог отбросить тебя вбок, не позволяя пересечь реку — это раз. А два — вода поднялась, течение усилилось. Свалились туда — даже у опытного пловца были бы проблемы... Считай себя героем, Паш. Я недооценил твои способности.

Или мою тупость... Представив на минуту, что случилось бы, свались я в реку, мне стало дурно. Как я сама могла об этом не подумать? Возомнила себя черт знает кем...

— Значит, хочешь знать секрет моста? — обрывает мои размышления Женя.

Кивок.

— Все дело в реке. Она огибает ту сторону, почти по кругу. На знаю, почему ты не заметила раньше, но перешли мы в одном месте, а вышли фактически на противоположной стороне.

Почему не заметила? Потому что слишком много "вау" и "ого" было за вечер! Мой мозг был занят воспоминаниями о первом опыте с тарзанкой, о красоте луга. Если бы меня даже в подземный туннель завели, я бы вряд ли это запомнила.

— Я поняла, можно задать второй вопрос?

— Задавай, — даёт зелёный свет моему любопытству Женя.

— Зачем тебе Английский? — неуверенно спрашиваю я. Женя мгновенно ошетинился и отвёл от меня взгляд. Так и думала, что не доведёт до добра мой интерес. — Если не хочешь, можешь на отвечать. — дополняю я.

— Нет. Просто... Не знаю. — он выдыхает, упирается локтями в руль, и пальцами нервно трёт лоб. Волнение на лицо. — Обещай, что это останется между нами.

— Обещаю.

— Я решил снова попробовать поступить учиться. — немного несуразно произносит Женя.

— Чего?! — удивляюсь я раньше, чем успеваю обдумать все.

— Ну, учиться, Паш.

— Ладно, я поняла. И как успехи?

— Вообще-то, очень неважно. — уныло отвечает Женя. — и без этого гребаного английского мне не поступить. — он со злостью бросает учебник на заднее сиденье.

— Все так плохо?

Женя не ответил, но по его глазам было все понятно.

— Я могу тебе помочь, — неожиданно для самой себя предлагаю я.

— Ты? — Самойлов вопросительно поднимает бровь.

— Почему это тебя так удивляет?

— Просто с того момента, как мы встретились, в помощи постоянно нуждалась именно ты. — иронично произносит он.

— Я просто ждала своей минуты, чтоб блеснуть. — отшучиваюсь. — я с пелёнок занимаюсь с репетитором, и жила два месяца в штатах. Участвовала в программе по обмену ученикам. Так что, свободно владею английским. Разговорными и письменным. — гордо вскидываю голову.

— И ты мне поможешь? — Женя недоверчиво смотрит на меня, пытаюсь понять в чем подвох. Но его просто нет. Мне действительно хочется помочь ему и все. Безвозмездно.

— Помогу, если согласен.

— Блин, Паш! Я твой должник. — поддаваясь порыву внезапной радости, он тянется ко мне и заключает меня в свои объятия.

Сильные руки смыкаются у меня за спиной, а едва заметный шлейф его духов окутывает меня с головой. Бабочки внутри оживают и начинаются суматошно биться о стенки моего живота.

— Когда начнём? — отстраняюсь от Жени.

— Сейчас! — выпаливает он.

— В машине не сильно удобно, — скептически произношу я.

— А мы поедem ко мне, — спокойно изрекает он.

— Что? — удивляюсь. — Я не...

— Расслабься. Дома никого нет. Все работают.

Ага. Расслабься, что мы будем наедине у него дома? Какая бессмыслица.

Женя заводит машину и трогается. И я понимаю, что моего ответа больше никто не ждёт. Кто меня дергал за язык? Вот же неразумная личность.

— Проходи! — Женя открывает передо мной дверь, пропуская меня вперёд.

Нерешительно захожу в дом, Самойлов проходит следом.

— Пойдём, — он кладёт руку мне на талию и ведёт меня по коридору. Затем открывает передо мной одну из дверей.

По всему холостяцкому виду могу предположить, что мы находимся в Жениной комнате.

— Садись, — он кивает на диван шоколадного цвета, стоящий у окна. — Я сейчас переоденусь и присоединюсь.

— Хорошо, — присаживаюсь на край.

Женя снимает с себя мокрую футболку, затем расстёгивает молнию шорт. Он что ли тут собрался переодеваться? У него нет стыда! В отличие от меня... Перевожу взгляд от

обнаженного Жени на стену с плакатами автомобиля.

Стук в дверь заставил напрячься нас обоих.

— Женя, — голос Светы окончательно посеял панику. Я подскочила с дивана и подошла к хозяину дома.

— Черт! — тихо выругался Женя. — Что делать? — тревожно окидывает взглядом комнату. — Прячься в шкаф! — он открывает дверцу.

— Что? — возмущаюсь. — скажем правду!

— Какую правду? Посмотри на меня. — Женя стоит в одних трусах, — и себя, — я осматриваю свой наряд. Вещи мокрые, как и мои волосы. — думаешь, она поверит, что мы занимаемся?

— Жень! — слышались шаги в коридоре.

— Ты за это ответишь! — шиплю я и залезаю в шкаф. В ту же секунду дверца закрывается. Шкаф жутко тесный и неудобный. Бедные Самойловские любовницы. Мне приходится склонить голову, чтоб вместиться целиком.

— Привет, а ты чего не отзываешься? — голос пчеломатки отдаленно донёсся до меня.

— Душ принимал, не слышал. — не краснея, лжёт мачо. Мысленно усмехаюсь.

— А-а-а, — протягивает блондиночка. — Почему ты не позвонил? — судя по голосу, они находятся в этой комнате.

— Я был занят. — равнодушно отвечает Женя.

— Чем?

— Тебе какое дело?

— Женечка, а ты что такой напряжённый? Может я могу чем-то помочь... — голос Светы жутко... пошлый! Стерва!

— Свет, зачем ты пришла? — осек ее Женя.

— Соскучилась.

— Я.СЕЙЧАС.ЗАНЯТ. - отчеканил каждое слово он.

— Чем? — не унимается блондинка.

— Давай, мы потом поговорим?

— Ну... Хорошо... Только... — после этих слов слышу причмокивая, и только дебил не поймёт, что они целуются там.

Пока я тут сижу, он облизывается со своей бабой! Разве этого я хотела?! Злость разливалась по моему телу, а руки чесались от желания вырвать этой ведьме пару клоков волос! И Жене в нос дать!

— Все, иди. — чмоканья заканчиваются.

— Увидимся.

Звук шагов удалялся и я поняла, что она уходит.

— Ку-ку, — Женя стучит по дверце шкафа.

— Чего тебе? — раздражительно бросаю ему, открывая дверь и выползая в комнату.

— Мы спасены, — торжественно изрекает Женя.

— Мы?! Я согласилась тебе помочь с английским, а не становиться свидетелем вашей любви! Впредь будь добр, постарайся, не создавать таких неловких ситуаций! Я не хочу быть впутанной в ваши отношения! Иначе пусть тебе твоя горячо-любимая девушка и помогает! А то, как я вижу, с языком у неё проблем нет! — После высказанного у меня будто груз с сердца упал. Высказала (почти) все, что хотела. Немного грубо, зато правдиво. Женя ошарашено смотрит на меня. Может, чуть — чуть перегнула? — На сегодня занятие

окончено. — добавляю более спокойно и высказываю из комнаты.

— Пащ, подожди! — наконец-то отмирает Женя, но я уже вылетаю из дома.

Ливень успокоился, но дождь ещё не иссяк. Быстро преодолеваю расстояние между нашими дворами, и захожу в дом. Бабушка встречает меня у порога:

— Паща! — удивляется она. — Где ты была? Почему мокрая вся?

— У Аллы, — вру я. — Все хорошо.

Прохожу мимо бабушки и бреду в свою комнату. " Все хорошо " — стало еще одной ложью.

Все было далеко не хорошо. Все было ужасно. На грани истерики и конца света. Я только что очень недвусмысленно дала понять Жене, что ревную его! И нужно было быть круглым дураком, чтоб не понять этого.

А значит, он догадался обо всем... И как дальше? Я ещё не решила, что мне делать с этими чувствами, а судьба — все расставила по-своему, поставив меня в тупик. Вернее не судьба, а моя вспыльчивость.

И как теперь сдержать своё слово и помочь Жене с английским? Да, я даже посмотреть в глаза ему не смогу!

В очередной раз пошла на поводу своих эмоций и снова пожалела! Когда же я начну учиться на своих ошибках?

Стаскиваю с себя мокрую одежду и падаю на кровать. Зарываюсь по уши в одеяло. Это, конечно, не защитит меня от всего мира, но так спокойнее. Горестно вздыхаю, пытаюсь отогнать мысли о нем...

— Пащ, — голос бабушки заставляет вздрогнуть меня. Приходится выплунуть из своего убежища.

— Ничего не хочешь рассказать? — она садится на край диванчика.

— О чем ты? — устало спрашиваю я. Не хочется гадать, лучше спросить и получить ответ.

— О тебе и Жене.

— Что?! — откидываю одеяло и сажусь.

— Я ведь не слепая. И не глухая. — бабушка ласково касается моего плеча.

— У нас ничего нет, — отрезаю я. — У него есть девушка.

— В этом все дело?

— Ба, я не уверена, что могу с тобой разговаривать об этом.

— Я — единственный человек, с кем ты можешь говорить обо всем. Так, дело в девушке?

— И да, и нет, — выдыхаю я. — Все сложно.

— Он тебе нравится? — вопрос в лоб заставляет нервно глянуть на неё и отвести глаза к окну.

— Да... — говорю еле слышно.

— Тогда в чем проблема, девочка моя? Он равнодушен?

— Вроде, нет... — пожимаю плечами. На этот вопрос у меня ответа нет. Просто потому что я не уверена ни в его равнодушии, ни в его отсутствии. Не научилась я читать этого человека.

— И между вам стоит его девушка?

— Между нами огромная пропасть. И Света — не самое страшное, что там есть.

— Дело в расстоянии? — бабушка догадалась.

— Да. Мне уезжать через пару недель. И больше мы никогда не увидимся. Что толку рвать своё сердце?

— Не зарекайся, красавица моя. Жизнь — непредсказуемая штука. Никто не знает, что будет завтра. Поэтому живи сегодняшним днем.

— А что потом, ба?

— Ну, милая, вот я уехала за твоим дедушкой из города в деревню. Твоя мама уехала за твоим папой в город...

— Предлагаешь бросить учиться и переехать в Ромашково? — усмехаюсь я.

— Нет, — смеётся она. — Просто говорю, что любовь — всегда последует за тобой, если это любовь.

— Ещё бы эта любовь Светку бросила. Или хотя бы определилась — ревностно произношу и бабушка заливается смехом.

— Ну, это вы уж там сами разбирайтесь. Но я думаю, лучше сделать глупость и пожалеть об этом, чем потом всю жизнь мучать себя вопросом: не было ли твоё счастье прикрыто видом глупости? Ладно, я пойду. А ты не кисни тут, — бабушка ласково щёлкает меня по носу и целует в висок. Затем выходит из комнаты, оставляя меня на пищу моим мыслям.

А чем-то она определено права. Я никогда не пойму, правильно ли я поступила, пока не совершу что-то. В конце концов, если постоянно бояться подвоха и не радужного исхода, то можно сойти с ума и остаться в 40 одинокой девой.

И кто знает, может небеса будут к нам благосклонны и все закончится не так плохо?

Тем более, Женя думает о поступлении... Значит, есть вероятность, что нам и не нужно будет расставаться! Как же я раньше не подумала об этом! Если он поступит — не придётся делать выбор и что-то решать!

А я то сделаю все, чтоб помочь ему поступить! Вот и решение проблемы! Осталось воплотить свой план в реальность.

Глава 11. Перебор со смелостью

Сегодня в Ромашково день села. С утра гремит музыка на площади около ДК, то и дело в небо взмывает чей-то шарик.

Бабушка дала мне сегодня полную свободу, и я решила ею воспользоваться с умом: взять книжку и убить день за прочтением романа. А иначе зачем я вообще брала эти книги?

Только небесами было решено, что этому не суждено быть, потому как меня сначала отвлек звонок Стаськи, которая засыпала меня претензиям типа «забыла», «не звонишь», «зазналась». Не объяснить же ей, что у меня абсолютно нет желания слушать, как круто они проводят время с ее Ильей. Некогда моим Ильей! Ну, вернее так и не ставшим моим Ильей. Мне пришлось делать вид, что мне жуть как интересно, как они катаются по ночному городу, как он таскает ей цветы, и как он здорово целуется.

«Я бы тоже когда-то могла это узнать» — проносится у меня в голове. Ревности нет. Боль прошла. И была ли она вообще? Осталось только минимум неловкости ситуации. Если так всегда проходят чувства, тогда не понимаю всех этих страдальческих романов, где героиня страдает по двести страниц.

После звонка Стаськи мой телефон затрезвонил снова. На этот раз ко мне в глушь пробился звонок мамы. Моему удивлению не было предела. В последний раз ее номер высвечивался у меня дисплее, когда с ее телефона звонил папа. А тут звонил сама Островская Екатерина! Но после разговора, я поняла в чем дело. Мама окончила работу над своей книгой, и она ждет меня на презентации своей книги, а затем на праздничном вечере в честь этого. Интересно, как наша жизнь сложится теперь? Я уже давно привыкла, что моя мама существует, как призрак в доме.

У мамы трубку вырвал отец, который говорил, что он жутко соскучился по мне и ему не терпится обнять меня. От этого чувственного разговора, у меня глаза наполнились слезами. Я тоже дико соскучилась по нему, по своей прежней жизни, где все было так легко и просто. Где даже безответные чувства было легче пережить, чем хаос, который творится сейчас. Пусть и взаимный.

После того, как мы наговорились с родителями, не теряя надежды все-таки осилить роман Джейна Остина за это лето, я опять ушла с головой в книгу. Продлилось это недолго, потому что через пол часа в комнату влетела Алла с криками, как при пожаре. Честное слово, в серьез задумалась о том, чтоб замок поставить в комнату.

— Обалдеть! Я такое узнала! Ты упадешь! — восклицает она, плюхаясь на мой диван. То, что я была занята — было проигнорировано самым наглым образом, потому мне пришлось отложить книгу и выслушать подругу.

— Славик помирился с Жанной? — равнодушно предполагаю я.

— Что?! Ты чего? Я не позволю этому быть! — она отмахивается от этого глупого предположения. — К тому же у нас все хорошо! Вчера вечером он заезжал ко мне и мы с ним поехали...

— Стой-стой, — прерываю я поток не нужной мне информации, — что ты узнала обалдеть какое важное?

— А-а-а, ну да! Так вот, Света рассталась с Женей!

— Чего? — вырывается у меня. — Откуда ты узнала?

— Ну мне Алена вчера сказала, что Света вся в слезах прибежала к Насте, и сказала что

они расстались. Но она всем говорит, что это она его кинула. Но это не важно же, главное что...

Остальные слова Аллы доносятся до меня сплошным шумом, потому как я полностью погружаюсь в свои мысли, где большую часть занимает один вопрос «НЕУЖЕЛИ ИЗ-ЗА МЕНЯ?»

Да бред же! Я не могу быть к этому причастной. Даже если брать во внимание мою вчерашнюю вспышку — это не может быть из-за меня. Зачем Жене рвать со Светой? Чтоб я помогла ему с английским? Тоже получается какая-то бессмыслица. Потому как раньше он же не сильно надеялся на меня, значит, вполне рассчитывал на свои силы.

Спрашивать у него будет слишком подозрительно, тем более после вчерашней сцены у шкафа. Вот же блин. Сажу дома, а там такие страсти кипят.

А может она узнала, что мы целовались? Черт, тогда меня точно ждут неприятности, потому что она так просто не оставит это. Блин, почему вот расстаются они, а переживаю я?

Мне бы радоваться, что все складывается само собой, а я тут голову ломаю. А, кстати, чего это я голову ломаю? Что мне может сделать она? Жизнь испортить? Вряд ли. Две недели, что мне осталось куковать тут — не назовешь жизнью. Так что, даже если она все узнала, мне нечего бояться.

— Эй, — Алла щелкает пальцами у меня перед глазами, — ты в трансе?

— А? Нет. Задумалась.

— Та что ответишь?

На что отвечу? Блин, надо было хотя бы ради приличия слушать Аллу. Сейчас получится очень глупо.

— Я пропустила твой вопрос, — стыдливо произношу я.

— Нет, ну ради кого я тут распинаюсь? Ой, ну тебя, — махнула рукой на меня подруга. — Пойдем сегодня гулять на площадь? — проговорила она медленно по слогам, словно я душевнобольная.

— Пойдем, — соглашаюсь я в своих же интересах. Мне теперь просто необходимо увидеть Женю. Не знаю пока зачем, но чувствую, что мне это нужно.

— Тогда я зайду за тобой в девять. Будь готова, чтоб я не ждала тебя по часу. — Я киваю, Алла направляется к двери. — тогда не прощаемся. — подруга уходит.

Отлично! Прямо попой чую, что сегодня все прояснится. Нужно только отпроситься у бабушки, хотя не думаю, что она будет против. Тем более она в курсе всей ситуации, и сама вчера говорила мне о необходимости совершения глупостей и ещё что-то там.

Я снова взяла в руки книгу и принялась читать. После трёх неудачных попыток вникнуть в суть, я оставила это дело. Слишком много мыслей вертелось в голове, которые перекрывали весь смысл прочтения. Ну и ладно! Почитать всегда успею.

Вышла из комнаты и пошла в поисках бабули. Застала ее под виноградником за купоркой варенья.

Как и ожидала, она сразу же дала своё согласие на вечер, и окрылённая снова пошла в дом.

Время до девяти шло беспощадно медленно. Я пыталась занять себя уборкой, просмотром тв, чтением. Но все попытки были жалкими. Время будто нарочно замедлило свой бег, зная, как я жду этот вечер.

Еле дождавшись на часах 8, я побежала в душ, затем начала собираться. Не было ещё и 9, как я уже сидела в ожидании Аллы.

Сегодня я была прямо — таки при параде. Белое приталенное платье, с разрезом у левой ноги сидело просто идеально. Волосы чуть подкрутила, даже успела накраситься. Туфли были выбраны на каблуках, на площади ведь асфальт. Почему бы и нет?

Терпения ждать дома просто не осталось, поэтому я вышла на улицу. Слава Богу, сегодня Алла была крайне пунктуальна, и появилась на горизонте ровно в 9.

— Ого! Я думала, ты не сможешь больше меня удивить. Ну ты подруга, даёшь!

— Сочту за комплимент. Спасибо, — усмехаюсь я. — ты тоже сегодня крайне мила. — что является чистотой правдой! Никаких вульгарных нарядов, броского макияжа. Все в меру и ей очень идет.

— Ладно, идём. А то салют пропустим.

Воинственно преодолев грунтовую дорогу на каблуках, уже через 15 минут мы подходили к площади, которая была битком набита людьми. Откуда их столько взялось только? Я и не думала, что Ромашково — так густо населено. Музыка гремела вовсю, и дети уже танцевали на импровизированной сцене.

— Алена написала, что они за столиком около ДК, — сообщает мне Алла, взглянув на телефон. — Идём?

— Угу.

Спрашивает, будто ее реально интересует мой ответ.

Мы шли, пробиваясь через толпу, пока не подошли к пластмассовому столику огненно-красного цвета, за которым была в сборе вся компания. Вся, кроме Жени!

Но это нормально, он любит опаздывать. Это я уже поняла.

Мы с Аллой садимся на свободные места, здороваемся с ребятами. Парни очень заинтересовано окидывают меня взглядом. Все-таки, я сегодня в ударе!

Напротив меня сидит Света с наиграно счастливым видом. Или не наиграно? А если то что рассказала мне Алла — слух... Блин, а вот об этом я не подумала как-то. От этих мыслей настроение резко скатилось по наклонной.

— Эй, Красная Шапочка, чего приуныла? — обращается ко мне Артём.

— Я не грустная, тебе кажется — отмахиваюсь я. — и к тому же, я больше не Красная Шапочка.

— Почему это?

— Потому что моя любимая шляпка сейчас радует карасей в речке. — вздыхаю я.

— О чем разговор? — сзади раздаётся голос Жени. В следующую минуту он садится на стул рядом со мной. Думаю, это не специально, просто единственное свободное место. Да... У меня начало сердце колотиться, как сумасшедшее, а сидеть вдруг стало как-то некомфортно.

— Представляешь, Жек, Красная Шапочка прошляпила свою шапочку, — усмехается Яша и весь стол заливается смехом.

Ну да, не их же шляпка. Почему бы и не посмеяться?

— Правда? Когда это ты успела, Павлин? — Женя поворачивается ко мне. Блин. Все немного сложнее, чем казалось. Стыд после вчерашнего раздувал внутри огонь волнения.

— Вчера, — отвечаю я.

— Да, вчера такой ветер был. Не мудрено, — равнодушно изрекает Самойлов и отворачивается к столу. Я немного расслабляюсь, но сердце по-прежнему выбивает чечетку. Нужно с ним поговорить. Только как? Чувствую, как меня кто-то прижигает взглядом. Поднимаю глаза и встречаюсь с разъяренными глазками Светы. Вот и ещё одна преграда на

пути к нашему разговору.

— Пац, тебе может налить выпить? — предлагает Артём.

— Налей, — неожиданно соглашаюсь я. Удивленные взгляды Жени и Аллы устремляются на меня. А что? Мне нужно немного успокоиться и набраться смелости.

— А тебе есть 18? — неожиданно спрашивает Женя.

— А это столь важно?

— Жек, да пусть девочка расслабиться, влезает в наш разговор Яша.

— Хорошо, — Женя складывает руки на груди.

Яшка наливает мне в стаканчик немного водки, затем разбавляет все соком. Самойлов с вызовом смотрит на меня. Ждёт, что я откажусь? Да, после такого, точно не откажусь. Город беру стаканчик и делаю два глотка. Горечь в апельсиновом соке едва различимая, но все-таки немного запершило в горле.

Яша и Артём одарили меня похвальными покачиваниями головой. Аллка просто ошарашено смотрела на меня.

Но внимание мне было уделено ненадолго, потому как через минуту все забыли о моем маленьком подвиге, и продолжили трепаться обо всем на свете.

Я в разговор не сильно вникала, больше уделяла времени своим и мыслям и спокойно попивала свой "коктейль". Когда стакан был допит, Яша тут же смешал мне ещё водки с соком. В этот раз горечь была уже ощутимая.

Только вот градус уже не только расслабил меня, но и отключил часть мозга отвечающую за обдумывание последствий.

Второй стакан был допит быстрее даже чем первый, и опытный бармен Яша вновь позолотился обо мне. Горечь я уже не ощущала совсем, настроение поднималось и волнение куда-то делось. Эффект достигнут.

— Хватит! — Женя хватается меня за руку, когда я тянусь за своим стаканчиком.

— Что хватит? — не понимаю я.

— Пить, Павлина! — голос строгий. Окидываю взглядом столик, все увлечён рассказом Темы и никто не обращает на нас внимание.

— Ты прав. — соглашаюсь я, и Женя слегка удивляются моему послушанию. — Я пойду танцевать! — говорю громко, чтоб обратить на себя внимание всех ребят.

Не дождавшись желающих составить мне компанию, встаю и иду сама. Земля кружится, немного плывет, но я не останавливаюсь. Прохожу в самый центр толпы и начинаю танцевать. Неумело, неуклюже, несуразно, зато вкладывая всю свою пьяненькую душу.

Закрываю глаза, двигаюсь в такт музыке и абсолютно неважно, что подумают другие. Могу я хоть раз в жизни расслабиться? Могу. Добавляю в свои движения немного сексуальность. Виляю бёдрами, улыбаюсь парнями, пожирающим меня взглядом. Те отвечают мне похабным оскалом. В другой раз меня бы такая улыбка оскорбила, а сейчас даже как-то приятно. Продолжаю двигаться. Пока кто-то не хватается меня за руку, и резко разворачивает. От такого внезапного поворота голова кружится, ноги на каблуках подкашиваются. Хватаюсь за плечи того, кто дернул, это помогает мне устоять. Тот в свою очередь хватается меня за талию.

Поднимаю голову. Ну, кто бы сомневался. Женя стоит и очень, ну просто очень-очень раздражённым взглядом смотрится на меня.

— Чего тебе? — выпаливаю я, выбираясь из его крепких рук.

— Тебе лучше пойти домой, — цедит Женя.

— Что? — усмехаюсь. — Со своими желаниями я разберусь сама, ты бы о себе подумал.

— Что ты имеешь ввиду?

— А то, милый мой друг. Ты сначала определись, что лучше для тебя, а потом поговорим обо мне, — медленно произношу я, потому как язык абсолютно не слушается.

— Павлина, если ты хочешь что-то мне сказать, то давай пропустим ребусы! — рычит Женья.

— Какие ребрусы... ой, ребусы? Все очень даже понятно.

— Мне, например, ничего не понятно.

— Почему ты расстался со Светой? — огорошиваю я его вопросом.

— Эм. Зачем тебе это?

— Это из-за меня? — сама удивлена своей смелости.

— Не понимаю, при чем тут Света?

— Понятно. — ухмыляюсь я. — я подожду ещё, пока ты будешь готов поговорить начистоту. — разворачиваюсь и собираюсь уйти, но Женья вновь хватает меня за руку и силой дёргает.

— Перестань так делать! — закипаю я.

— Мы не договорили!

— А по-моему, очень даже договорили! Ты трус! — последние слова я буквально выплевываю ему в лицо. Этого Самойлов не ожидал точно, потому что даже растерялся.

— Да! Это из-за тебя! — чуть ли не выкрикивает Женья. — Ещё вопросы? Пока честность не иссякла.

Вопросы то были, но от его ответа они все разбежались. Вроде сама вытягивала из него это признание, а сама стою, как онемевшая. Женья смягчил взгляд, и не отводит от меня глаз. Делаю шаг к нему, и между нами остаётся всего пару сантиметров.

— Псих. — произношу я.

— Истеричка, — отвечает он. Затем притягивает меня к себе и выпивается в мои губы. Обхватываю его шею руками, полностью отдаваясь этому поцелую. Над нашими головами раздаются залпы салюта, но мы не отрываемся друг от друга.

Третий наш поцелуй и снова не похож на предыдущие. Женья по прежнему доминирует, но и я не отстаю. То ли от алкоголя, то ли от его слов, чувствую себя такой раскрепощённой. Его вкус, его аромат пьянит ещё круче водки. Женья крепко прижимает меня к себе за талию, и если бы он сейчас отпустил меня, я бы точно грохнулась на пол. Салюты вырываются над головой, возглас восторженной толпы, а меня целует парень, в которого я совершенно точно влюблена.

Он отрывается от моих губ и прислоняясь лбом к моему лбу шепчет:

— Ты сводишь с ума.

Улыбаюсь и обнимаю его за шею. Мне нечего ответить. То, что это больше чем заметно, понятно уже давно. Женья отрывает меня от земли и смотрит мне в глаза. Слов больше не нужно.

Мы поднимаем с ним головы, над нами искрящийся купол. Я закрываю глаза, а Женья вновь накрывает мои губы.

Залпы прекратились и только едва различимые сквозь музыку аплодисменты заставили нас прекратить поцелуй.

Поворачиваем голову и видим нашу компанию, во главе со Светой.

Упс. Зато не нужно будет искать слов, чтоб рассказать о наших отношениях.

Ребята стоят с очень довольными морщинами. Все, кроме Светы. У неё на лице отразилась вся ярость сотни спартанцев.

Просыпаюсь от жуткой жажды, сковавшей мое горло. Открываю глаза и осматриваюсь. Я в бункере каком-то что ли? Резко подскакиваю, но сильнейший удар головной боли заставляет лечь обратно и впредь обдумывать такие решения. Медленно поднимаюсь, опираясь на локти. Ну, похоже я в чьем-то гараже... Скольжу взглядом по полутёмному помещению и замечаю спящего на кресле Женю.

— Жень, — зову его. Он не реагирует. — Женя-я-я-я, — совершаю еще одну попытку достучаться до него. И она вновь безуспешна.

Встаю с диванчика и подхожу к нему.

— Самойлов, — слегка торможу его за плечо. Женя открывает глаза и внимательно смотрит на меня.

— Ты уже проснулась, — он садится ровно в кресле. — я ожидал твоего воскрешения не раньше обеда, — изрекает он, смотря на часы.

— А сейчас...

— Утро, — поясняет он. — Пить будешь? — Женя достаёт из-за кресла бутылку минеральной воды.

Молча беру бутылку и выпиваю добрую половину шипящий жидкости. Жажда утолена лишь на треть, голова по-прежнему звенит трестами церковными колоколами.

— Сильно плохо? — заботливо интересуется Женя.

— Угу...

— Ты хоть помнишь, что вчера было?

Это вопрос заставляет напрячь меня свои извилины. Все, что было до поцелуя с Женей, я помню хорошо. А что было после — тайна покрытая мраком.

— Частично, — неловко отвечаю я.

— И на какой части именно обрываются твои воспоминания?

— Не помню все, что было после... Салюта.

— А до? — подозрительно спрашивает Женя.

— С "до" проблем нет.

— Ну, и хорошо. — он берет меня за руку и усаживает к себе на колени. Хотя я не сильно сопротивляюсь. — Я бы не смог рассказать тебе, что вчера было.

— Почему?

— В моем лексиконе нет таких красивых слов, — лукаво произносит Женя и целует меня в висок. Густо краснею. Не привыкла немного к такому обилию нежности.

— Черт! Бабушка! — я вскакиваю с колен Жени. — она же наверно места себе не находит!

— Успокойся. — Женя усмехается, встает и обхватывает моё лицо своими ладонками. — Алла сказала, что ты останешься у неё.

— Фух, — облегченно выдыхаю я. — скажи, все было так плохо? — виновато спрашиваю.

— Ну, вообще-то очень. — улыбается. — Но мне все понравилось. — он притягивает меня к себе, заключая в объятия.

Я обхватываю его талию руками и вдыхаю полной грудью аромат его парфюма. На уме только одно слово "счастлива". И это слово греет меня изнутри, заполняя светом каждую

клеточку. Ради такого стоит пережить и похмелье, и атомную войну.

— Скажи, а что было после? — нарушаю я наш покой.

— Да, это не очень важно. Главное, что ты запомнила что было "до".

"Главное, что это "до" вообще было"- проносился у меня в голове и снова льну к нему.

Как не хочется, чтоб этот миг заканчивался.

Только вот головная боль бы ушла, с тошнотной. И жажда тоже не к месту. А в остальном — лучше, чем сон. Только бы не проснуться.

Глава 12. Сумасшедшее лето

Женя отвёз меня домой к обеду, когда мне наконец-то стало лучше, и я смогла привести себя в человеческий вид. На прощание он небрежно чмокнул меня в губы, сказал что-то про занятия плаванием и английским, и я вышла из машины. Только вот что именно было сказано — не запомнила. Слишком увлечённо думала о нашем поцелуе, о моем сумасшедшем утре и о нашем неясном будущем.

К дому шла на дрожащих ногах, ожидая от бабушки жестоко нагоняя. Но она встретила меня сочувственным взглядом и шуточками про "отправилась чем-то". У меня на лице был написано, чем я "отравилась".

Я уже говорила, что у меня самая крутая бабушка? Так вот повторяю. У меня слишком крутая бабушка! Не знаю, за какие такие заслуги мне она такая замечательная небом была подарена.

Захожу к себе в комнату и падаю на кровать без сил. Всего пару часов назад только проснулась, а уже изнеможённая. Только чем? Наверно, все слишком внезапно случилось. Мой мозг не успевает обработать ход моей жизни. Слишком все быстро завертелось. В этом водовороте событий легко потерять голову.

Но я рада. Счастлива. Мне хорошо. Впервые за долгое время хорошо по-настоящему. Без "но" и "если". Не хочется думать даже о сроках своего "хорошо". Хочется просто наслаждаться каждой минутой своих оставшихся каникул. Взять от этого лета если не все, то многое.

— Паш, ты спишь? — в дверях появляется бабушка. — Я принесла тебе водички. — она подаёт мне стакан, а я сажусь рядом.

Вода — это хорошо. Ее сегодня мне так не хватает. Жадно выпиваю стакан и ставлю его на столик.

— Спасибо, Ба... — благодарю ее.

— Павлин, ты же знаешь, что я тебе доверяю. — я киваю, — И хочу быть уверенной, что ты не наделаешь глупостей. Иначе отвечать перед родителями придётся нам вместе. — ласково изрекает она.

— Я знаю, бабуль. Я не опозорю твою седую голову, — улыбаюсь.

— Просто хотела это услышать, — бабушка подмигивает мне.

— Блин, Пашка ты должна мне рассказать, что вчера... — Алла залетает как всегда без стука и выливает на меня поток своих нескончаемых слов прямо с порога, но заметив бабушку, она осеклась. — Ой! Здравсьте, тётъ Люб.

— Привет, Аллочка. — бабуля встаёт, — Ладно, девочки. Мне уже пора заниматься делами. Оставлю вас. Если что на кухне ещё тёплые сырники.

— Спасибо, — в один голос произносим мы. Я жду, пока дверь закроется, потом зло смотрю на Аллу. — Тебе лучше научиться стучаться! Чуть не спалила меня.

— Ну, извини! Я же не умею видеть сквозь стены.

— С.Т.У.Ч.А.Т.Ь.С.Я. - отчеканиваю каждую букву.

— Ладно, хрен с этим стучаниями. Скажи мне, что вчера было и куда вы вчера делись? — Алла смотрит на меня, словно хищник на жертву, и я понимаю, что коротким ответом не обойдётся.

— Начнём по порядку: что вчера было?

— Ну, вы целовались прямо в центре площади! На глазах у озверевшей Светки! — восхищено выкрикивает Алла, но потом понимает, что сделала это зря и тише добавляет: — у вас давно это?

— Что "это", Алла?

— Ну, любовь там...

— Нет никакой любви. Просто симпатия, — отмахиваюсь я.

— Ничего себе у вас "просто симпатия". Ты бы видела, как Женя искры из глаз пускал, когда ты танцевать ушла. Мы думали, он пластиковый стаканчик в руке в пыль сотрёт.

Вот это да... А это мне было неизвестно. Все-таки, Алла бывает полезной.

— Когда он вскочил с места, все сразу поняли куда, — продолжает она, — а как увидели ваш поцелуй, так вообще обалдели. Света не сдержалась и рванула к вам.

— И что?

Что было дальше, меня интересовало куда больше, чем то, что было "до". Потому что события предшествующие поцелую я хоть и смутно, но помню.

— Ты не помнишь что ли?

— Не-а, — признаюсь я.

— Ясно, — усмехается она. — ну подлетела она, сначала начала хлопать в ладошки, чтоб хоть как-то оторвать вас друг от друга. Потом орать, что ты тварь, заплатишься за это. Обозвала Самойлова козлом и сказала, что он ещё на коленях к ней приползёт и все такое.

— Ого... Не зря я это забыла. Не самое приятное воспоминание было бы.

— Ты стала героем, подруга! — Алла хлопает мне по плечу.

— Сомнительные достижения.

— Зато ты с Женей теперь. Вы же вместе?

— Вроде да. — пожимаю плечами.

— Что значит "вроде"?

— Ну, мы не озвучивали наш статус пока никак. И не обсуждали наши отношения и вообще их возможность.

— А чем вы занимались тогда всю ночь? — злорадствует Алла.

— Спали, дорогая моя, просто спали!

— Фи, скучно. — фыркает она. — Ох, я никак не приду в себя после вашей выходки. Это ж надо... Как в сказке, точно!

Очень неудачная сказка, где принц долго не мог определиться между белокурой ведьмой и принцессой, а когда наконец-то определяется, то принцессе уже пора уезжает в институт! Но, я обещала себе об этом не думать. А не выполнять обещанное — очень некрасиво.

— А мы вчера со Славиком целовались, — краснея признаётся Алла. Впервые вижу, как она смущается! Теперь я видела в этой жизни все.

— Поздравляю. Наконец-то наши мечты сбываются. — легонько пихаю ее в бок.

— Да, грандиозные планы на лето выполнены? — улыбается она.

— Почти, — усмехаюсь.

— Ладно, я пойду. Обещала Славику составить ему компанию для поездки в город.

Мы прощаемся, и Алла выходит. А я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от того, что мне жутко неудобно. Платье перекрутилось, поднялось. Я покаталась расправить его, не вставая, но ничего не получилось. Пришлось подниматься,

снимать слишком приталенное и грубое для сна платье и надевать свою любимую нежнейшую шёлковую пижамку.

Когда я была готова ко сну, сон оказался не готов ко мне. Я взглянула на телефон. Время — почти три ночи. А я чувствую себя абсолютно выспавшейся. Так же в телефоне висит одно непрочитанное сообщение от неизвестного абонента.

" Ты спишь?"

Сообщение пришло 5 часов назад. Охренеть! Это сколько же я проспала? И почему бабушка не разбудила меня? И что, черт возьми, мне делать теперь до утра?

Интересно, кто это интересуется моим сном?

Странно все это.

Натягиваю кофточку и выхожу из дома. На улице царит спокойствие. Все вокруг дышит покоем. Нет ни малейшего ветерка, ни единого движения на много миль вокруг.

Я сажусь на ступеньки и набираю полную грудь воздуха. Ночью он намного вкуснее, сочнее и бодрее. Ещё раз заполняю лёгкие ночной прохладой, но не спешу выдыхать его.

Хочу, чтоб она навечно осталась внутри. Хочу, чтоб каждая клеточка моего тела впитала в себя это мгновение. Как жаль, что нельзя набрать с собой этот воздуха, чтоб дышать им в городе, в минуты отчаяния.

В траве рядом со ступеньками запел свои песни сверчок, придавая таинственности и сказочности этой ночи.

Пришло время признаться самой себе: я буду скучать по Ромашково.

По знойному солнцу, не щадящему мою кожу.

По шёпоту листвы бабушкиного сада.

По раннему утру, до восхода солнца.

По темпераментной реке, подарившей мне столько новых ощущений.

По беспардонной Алле, ворвавшейся в мою жизнь, как ураган.

И по Жене. По такому наглому, борзому, но в то же время такому... Притягательному что ли, Жене.

Но я до последнего буду надеяться, что скучать мне по нему не придётся.

— У нас впереди ещё много времени, ведь так? — задаю вопрос одинокой луне. Но она, предательница, решила отмолчаться. Ну и пусть молчит! Я сама знаю ответ.

Интересно, что сейчас делает он? Обращаю на небо ещё один свой взгляд, затем разворачиваюсь и захожу в дом. Не сидеть же мне до утра на ступеньках.

Беру книгу. По-моему, сейчас — самое время.

Читаю роман, пока за окном не начинает светлеть, затем снова засыпаю.

Из сна меня выдергивает настойчивый телефонный звонок. Смотрю на дисплей, еле разлепив веки.

6:30! Какой идиоту я понадобилась в такое время? Номер мне не известен.

— Алло, — настороженно отвечаю.

— Привет, разбудил? — из трубки слышится беззаботный голос Жени.

— Нет, — зачем-то вру я. Вроде бы ничего постыдного в том, что я сплю в шесть утра — нет.

— Отлично, выйди на улицу.

— Хорошо, сейчас.

— Давай, — Женя скидывает трубку, а меня переполняет непонимание.

Что могло ему так срочно понадобиться, что нужно было выдворять меня из дома в такую рань?

Встаю с кровати, натягиваю кофточку и направляюсь к выходу. Как только выхожу во двор, замечаю красный пакетик, висящий на заборе. Осматриваюсь — Жени нет. Иду к калитке и снимаю пакет.

Заглядываю в него... Черт! В пакете лежит самая настоящая красная шляпка. Достаю ее и рассматриваю. Она немного не похожа на мою старую прелесть, но в целом — очень даже милая.

— Нравится? — Женин голос из-за спины заставляет меня встрепенуться.

— Да, очень! — поворачиваюсь к нему. — Спасибо! — поддаюсь своему внезапному порыву чувств и целую его в щеку.

— Пожалуйста. А то как это Красная Шапочка будет без шапочки? — улыбается.

Все-таки я полностью ошиблась в этом человеке. Он не сухарь, коим казался в первую встречу. Не самовлюбленный, не эгоистичный и совсем не недалекий. Он просто замечательный!

Женя притягивает меня к себе, надевая шляпу мне на голову. Бабочки в животе почувствовав его близость, сразу же оживились.

— Сегодня день рождение у Коца. Мы пойдем? — спрашивает Женя, прислоняясь губами к моему виску.

— Угу, — отвечаю я, хотя хочется на полном серьезе сказать, что пойду за ним хоть на край света. Даже если мне придется пересечь с ним тысячи рек и морей.

— Тогда я заеду за тобой в шесть.

— Хорошо.

Мы постояли еще с минут пять просто обнимаясь, затем разошлись.

Лучше утра у меня еще не было. Я упала на кровать прижимая к груди свой подарок, и в очередной раз осознала, что счастлива. Такое состояние эйфории уже становится для меня привычным, особенно, когда он рядом. Влюбленная дурочка.

Переодевшись, я побежала к Алле. Настроение было прекраснейшее, нужно было срочно поделиться им с кем-нибудь.

Алла спала, как и следовало ожидать. Поэтому я просто плюхнулась рядом, нарочно зацепив ее.

— Ё-мое, — промямлила она. — Кто бы ты ни был — приди через часик.

— Не-а.

— Тьфу блин, Павлина! — возмущается она, нехотя открывая глаза. — Ну что тебе нужно в такую рань?

— Какую рань! Посмотри! Солнце уже высоко! — я показываю рукой на окно.

— К черту солнце, — Алла снова падает на подушку, накрывшись с головой одеялом.

Я только хочу стянуть его, как у меня в кармане заиграл телефон. Номер незнакомый. Но не Женин.

Второй раз за день? Немного напрягает.

— Алло, — отвечаю уверенно.

— Алло, это Павлина? — голос незнакомый.

— Да, а вы?

— Привет, это Илья.

— Илья? — переспрашиваю я.

Алла выглядывает из-под одеяло и выжидающе смотрит на меня, словно я должна сейчас бросить трубку и объяснить кто такой Илья.

Какова вероятность, что это какой-нибудь другой Илья? Ноль. Верно. Судьба не упустит шанса пошутить надо мной.

— Я парень Стаси, — добавляет он для прояснения.

— А-а-а, — протягиваю, словно только сейчас поняла. — Зачем ты звонишь?

Вообще-то стоило сказать «Какого хрена тебе от меня надо?», но я сдержалась.

— Я вчера написал тебе смс вечером, но ты не ответила..

Блин. Об этом сообщении я забыла напрочь.

— Ты же знаешь, у Стаси скоро день рождения...

Черт! Как я могла забыть об этом? Стыдно.

— Угу, — мычу я.

— Так вот, я хочу сделать ей сюрприз. Собрать ее друзей в кафе. А без тебя ничего не получится. — мягко произносит Илья.

«Без тебя ничего не получится» эхом отзывается у меня в голове. Так, стоп! Стоять воображение.

— Я сейчас в деревне и не знаю когда приеду.

— До учебы ты же точно вернешься?

— Да.

— Тогда я могу надеяться на твою помощь в подготовке? Все-таки, кто если не ты знает ее?

— Хорошо, я постараюсь. — равнодушно отвечаю. — Скоро я приеду на презентацию книги моей мамы, сможем увидеться и решить вопросы организационные.

— Паш, спасибо! Родина тебя не забудет. Ладно, не буду отвлекать! Еще раз спасибо! Ты крутая!

Не успеваю ничего сказать, как он бросает трубку. Да и вряд ли я смогла бы что-нибудь вымолвить. Вообще-то это слегка напоминает сон. Дурацкий сон без смысла. И если бы не Алла, сгоравшая от нетерпения услышать мой рассказ, то я бы точно не поверила в реальность происходящего.

— Ну и? — не выдерживает она.

— Чего?

— Кто такой Илья?

— Институтская звезда, — отмахиваюсь.

— И все? Не держи меня за дуру! Видела бы ты выражение лица своего, когда услышала его имя!

— Выражение типа: «Это парень, в которого я была влюблена, но он замутил с моей подругой»?

— Ого... Ну почти такое, да. — Алла смолкает и хмурится.

— О чем думаешь? — нарушаю тишину.

— Думаю... Вернее надеюсь... — она мнетя.

— Ну, говори.

— Женя парень хороший. Он из наших. Я его в обиду не дам.

— Что? — удивляюсь я.

— Ты же не воспользуешься им, как громоотводом, и потом не бросишь? — серьезно произносит Алла.

От такого высказывания я просто взрываюсь смехом. За кого она меня принимает? За роковую стерву, способную использовать одного мужчину, чтоб забыть другого? По-моему, это прерогатива мужского пола.

— Алла, честное слово, я не обижу вашего Женю.

После моего обещания, Алла смягчается. Неужели она бы серьезно стала защищать его?

В шесть за мной заехал Женя. Вернее не совсем за мной, а за нами с Аллой. И не только Женя, а со Славиком, но настроение мне это не испортило. И вообще — вряд ли это сегодня будет под силу кому-либо.

Алла и Славик оценили мою шляпку многообещающими взглядами и перемигиваниями. Создавалось впечатление, что они в курсе, что это — подарок Жени. Ну и плевать! Пусть хоть весь мир об этом узнает. Даже не так... Пусть весь мир обязательно узнает об этом.

Артем решил праздновать свое день рождения на природе. И это не удивительно. В Ромашково нет других заведений, кроме столовой, зато живописных мест — завались.

Как и следовало ожидать — все собирались на берегу реки. Во-первых, красиво, а во-вторых, весело.

Место встречи мне было не знакомо. Сколько же у них, интересно, еще таких тайничков?

Компания окружила низенький самодельный столик из бревен и досочек. Кто-то сидел на бревнышке, кто-то на раскладном стульчике. Справа от праздничного стола дымился мангал, сооруженный из нескольких кирпичей. На нем уже жарились аппетитные кусочки мяса.

— Пойдем, — Женя берет меня за руку, я смотрю на него, посылая взглядом вопрос «Уверен?». На что он лишь крепче сжимает мою руку.

Ребята здороваются с нами, как обычно, не обращая внимания на наши сплетенные пальцы. Конечно, кроме Светы. Та буквально ядом прыснула, как увидела нас. Но почему-то меня это не сильно волнует.

Женя садится на бревнышко и усаживает меня к себе на коленки. Девочки переглянулись, но промолчали. Интересно, насколько хватит их терпения? Не хотелось бы портить сегодняшний вечер.

Яша любезно предложил мне выпить, но в этот раз я наотрез отказалась. За что была награждена ласковым поцелуем Жени в ушко. Ребята кушали, выпивали, смеялись. Я чувствовала себя с ними одним целым. Словно, всю жизнь прожила в Ромашково и знала каждого из них с детского сада. Наконец-то наступило время, когда мне здесь спокойно.

Все поздравляли Артема, не забывая подколоть его на всевозможные темы. От отсутствия девушки, до кривых ноги рук.

— Вашу мать! А за мясом кто следить будет? — восклицает Женя, одним движением ставит меня на ноги и бежит к мангалу, который уже ласкает огненными языками наше мясо.

— Женька у нас самый главный шашлычник, — говорит мне Артем. — Красивая шляпка, — улыбается мне, прозрачно намекает, что он в курсе нашего уже не секрета.

— Спасибо.

— Ты сделала невероятное, — унижает тон Тема.

— Что я сделала?

— Заставила его съездить в город. Он ведь с того случая туда ни ногой. А здесь сам

вызвался, да еще и за шляпкой. — может он шутит? Хотя по голосу не скажешь...

— Не преувеличивай, — отвечаю я.

— Серьезно. Знаешь, в сколько бы раз больше он заработал, если бы сам ездил за запчастями для машин, а не владельцев посылал?

— Ну, это же хорошо, — пожимаю плечами.

— Что деньги потерял? — усмехается Артем.

— Нет, что преодолел свой страх.

— О чем шепчитесь? — к нам подошел Женя.

— Да вот, девушку твою закадрить хотел. Но она крепкий орешек, — отшучивается Артем и сразу же вовлекается в беседу за столом.

— Пойдем со мной. — Женя берет меня за руку и ведет куда-то.

— Куда? — не понимаю я. — Это не прилично, мы же там празднуем день рождения. — пытаюсь я возмутиться.

— Люблю все неприличное, — вполголоса отвечает он, не останавливаясь.

Женя приводит меня к мостушке. Не такой большой, с которой меня скинул Яша, но тоже весьма милой.

Подхожу к бортику, Женя подходит сзади и обнимает меня. Кровь закипает от ощущения его ладоней у меня на животе. Он склоняется и зарывается у меня в волосы.

Нужно ли говорить, что я боялась пошевелиться, чтоб не спугнуть этот миг. А вдруг это все сон? И я проснусь в своей комнате одна. Без него.

«Без него» — нужно привыкать к этой мысли. Ведь если он не поступит, если передумает ехать в город, то наше расставание неминуемо.

Остановите время! Я не хочу, что лето заканчивалось. Из груди вырывается грустный вздох.

— Что-то не так? — Женя разворачивается меня, уперев свои руки в бортик.

— Все даже больше, чем просто «так», — шепчу я.

— Ты кажешься расстроенной, — он нависает надо мной, как хищник, над добычей. Но мне, в отличие от той — сбежать не хочется.

— Просто... Ты не думал, что дальше?

— А что дальше?

— Ну, лето не бесконечное, — тихо произношу, отводя глаза в сторону.

— Ты бы хотела, чтоб было бесконечное?

— Ты ведь понимаешь, о чем я, Жень.

— Понимаю, Павлин... — выдыхает он.

— Ты ведь поступишь, и нам не придется расставаться? — с надеждой спрашиваю я.

— Даже если не поступлю, нам все равно не придется расставаться. Я что-нибудь придумаю. Обещаю. — последнее слово он буквально говорит мне в губы, затем одаривает меня нежным поцелуем.

— Же-е-е-к, — донесся до нас голос Яши.

— Блин, — цедит Женя. — Стой тут, я сейчас вернусь. — Он снова дарит мне мимолетный поцелуй и уходит.

Я снова поворачиваюсь к воде и набираю полную грудь воздуха. Почему, когда Женя рядом, мне так трудно дышать? словно какой-то волшебник сгустил его и без труда его не втянуть.

Солнце склонялось к горизонту, расплескав по реке свои красные лучи. Каждый закат в

Ромашково необычен, прекрасен и неповторим. Интересно, что было бы, если бы я не уехала отсюда еще в детстве? Были бы мы вместе с Женей? Может я стала одной из его друзей и все?

Не знаю, что конкретно повлияло на то, что моя жизнь сложилась именно так, но хочу сказать этому огромное «спасибо»! С ума сойти. Еще пару месяцев назад считала эту поездку Божьим наказанием, а теперь величаю подарком судьбы. Как все-таки в корне может все изменить присутствие одного человека в твоей жизни.

За спиной послышались шаги.

— Быстро ты, я даже... — оборачиваюсь и осекаюсь, потому что вижу перед собой Свету. Пьяную и злую Свету.

— Ждешь своего суженого? — шипит она.

— Что тебе надо?

— Мне? Мне нужно донести до городской девочки, что брать чужое — плохо, — она склоняет голову на бок и смотрит на меня с явной раздражённостью.

— Он же не сумочка, чтоб я брала его, — равнодушно произношу я.

— Ты еще шутить будешь? — Света подходит ко мне вплотную, мне приходится вжаться в бортик. Я не боюсь ее, но от нее слишком сильно несет спиртным.

— Я повторяю, чего ты хочешь? — сохраняю спокойствие.

— Хочу, чтоб ты поплатилась за то, что сделала, — мерзким голосом отвечает Света.

— Как? Хочешь подраться? — усмехаюсь я.

— Нет. Поверь мне, я придумаю способ получше. — Света наклоняется ко мне еще сильнее, от чего я еще больше прильнула к бортику.

А потом хруст. И мы вместе с сорвавшейся дощечкой летим в реку. Не успеваю закрыть нос и рот и сразу же хлебаю пресной воды. Начинаю дергать руками, ногами, но недра реки затягивают меня глубже.

Вспоминаю слова Жени «Чем спокойнее я буду, тем больше шансов не утонуть». Огромными усилиями мне дается прекратить беспорядочно махать конечностями. Затем вспоминаю, как он учил правильно двигать руками. Начинаю разгребать воду перед собой и плавно работать ногами. Расстояние между мной и поверхностью начинает сокращаться. Продолжаю в том же духе и уже через несколько секунд вынырываю и жадно хватаю воздух. Продолжаю рисовать на воде сердечки, и это позволяет мне оставаться на плаву. Светы уже нет и близко.

Гребу по-собачьи до мостика и хватаюсь за него.

— Паш! — раздается крик Жени.

— Я тут, — отзываюсь.

— Твою мать! — он подбегает и хватает меня за руку. Затем медленно вытягивает меня из воды. — Объясни. — требует он. — Это Света?

— Нет, просто дощечка надломилась и я не успела схватиться за что-нибудь. Рухнула. А еще твоя шляпка утонула. — слезы брызгают из глаз. И виной тому не только шляпка, но и жуткий страх, который я испытала пару минут назад.

Не знаю зачем я решила соврать на счет Светы... Просто не хочется разлада еще больше. Если это вообще возможно. Да, и к тому же, не думаю, что она хотела этого. Наверно, сама испугалась и убежала. Или бросила умирать?

— Не плачь. Хрен с ней, — он обнимает и целует меня в макушку. — Главное, что ты жива.

— Угу, — мычу я.

— И еще у меня плохая новость.

— Какая еще? — я отстраняюсь.

— Ты научилась плавать, и тебе больше не нужны мои занятия, — с наигранной грустью произносит Женя.

Я улыбаюсь, а он прижимает меня к себе еще сильнее. Сумасшедшее у меня лето.

**Не забывайте радовать админа звездочками и комментариями. Он ведь старается)
P.S. в скором времени планируется окончание книги.)**

Глава 13. Судьба решила иначе

Всю неделю мы с Женей усердно занимались английским. Час вечером и час утром, если бабушке не требовалась моя помощь. Конечно, пару раз нерадивый ученик пытался сорвать наши уроки своими поцелуями, но я осекала его. Не сразу, но со временем, когда находила силу воли... Да, мне тоже было сложно. Но, в конце-то концов, от этого чертового английского напрямую зависело наше с Женей будущее. Поэтому скрипя сердцем, запрещала ему целовать меня и трогать во время наших занятий. Зато после них давала полную свободу себе и Жене.

Сдвиги в языке у Самойлова отмечаются уже заметные. С тем, что было до наших уроков — не сравнить. Должно отметить, что он серьезно старался. У меня даже были подозрения, что он занимался и помимо наших двух часов, только не признавался. Или же он просто очень способный и полиглот по своей натуре.

С дня рождения Артема мы больше не разговаривали о нашем будущем. Он смог меня убедить, что я могу на него положиться. Смогу подобрать правильные слова, чтоб успокоить мою трепещущую от страха душеньку. Или все дело в том, что я перечитала романов и точно уверена, что в любой сказке наступит хэпи энд и наша не исключение? Не знаю чем обосновано мое спокойствие, но оно есть.

Думала ли я, когда ехала сюда, что влюблюсь вот так легко в парня из Ромашково? Нет.

Думала ли я, что буду летать на тарзанке, не умея плавать? Нет.

А так же я представить не могла, что буду бежать под дождем, спасаясь от молний. Целоваться под залпы салютов на площади, заполненной людьми. И что научусь плавать, подвергнув свою жизнь опасности.

Папа послал меня сюда, чтоб я отбывала наказание за свой проступок, а я оступилась здесь еще столько раз, что меня можно запросто отправить в тайгу на корм медведям. Я бы расцеловала его и отблагодарила, но боюсь, что не смогу объяснить за что именно. Поэтому придется прятать радость, распирающую меня изнутри, под маской недовольства и скуки.

Кстати, я еще не сказала Жене, что мне нужно будет уехать на пару дней на презентацию книги. А время неумолимо бежало, оставив в нашем распоряжении всего день.

Если бы знала, что все так будет, то не теряла бы времени и в первую же нашу встречу сказала ему «А давай влюбимся?»

До Женькиных экзаменов тоже оставалось совсем немного, а он совсем не переживал. Или делал вид, что спокоен. Но его спокойствие распространялось и на меня. Я уверена, что у него все получится. Он точно поступит и мы будем вместе. Наверстаем упущенное время. Нужно только немного потерпеть.

И сегодня вечером обязательно скажу Жене о своем отъезде. Думаю, он итак будет зол, что не предупредила его раньше. Но я пыталась. Вернее думала, чтоб сказать, но каждый миг с ним был настолько прекрасным, что мне не хотелось очернять его этой новостью.

В назначенные шесть часов Женя заехал за мной и мы, вооружившись учебниками, поехали к речке. Оказывается, учиться на свежем воздухе не только полезно, но и приятно. Если бы все школы и университеты взяли с нас пример — счастливых учащихся стало бы больше.

Ну, естественно не в зимнюю пору.

Час пролетел как всегда, быстрее, чем мне хотелось бы. Женя, отложив учебники и тетради, лежал у меня на коленях и накручивал прядь моих волос себе на палец. Я просто зарылась рукой в его волос и смотрела на размеренный бег реки.

Почему люди из деревень так спешат перебраться в город? У них есть такая красота, а они в побеге за деньгами и карьерой не замечают этого. Да, и до этого лета слепа была и я. Сколько же потрясающих закатов я пропустила? Сколько волнительных летних гроз прошло мимо меня?

— Когда мы уехали из Ромашково, мама часто говорила мне, что чувствует себя, словно птица в клетке. — не знаю зачем, решила поделить с Женей своими мыслями. — А я не понимала ее. Как и не понимал мой папа. Она говорила, что город душит ее. Сжимает, словно тиски. А мы кивали и даже не пытались ее понять.

— Думаешь, она жалеет, что уехала за ним? — спрашивает он.

— Сейчас уже точно нет. Она привыкла к этой клетке. Стала частью этого мира. А вот тогда — не знаю... — Женя с любопытством смотрит на меня. Ему интересен мой бред. — Знаешь, я когда приехала сюда, мне казалось, что Ромашково душит меня. Кидает со скалы в обрыв. Разбивает мечты. — внезапно замолкаю, понимая, что Женя все может понять по своему.

— А сейчас?

— А сейчас я понимаю, что оно научило меня летать. Помогло ощутить себя свободной. Вдохнуть полной грудью жизнь.

— Иногда смена обстановки помогает.

«И помогает влюбленность» — добавляю я мысленно. Ведь именно ее я виню во всех изменениях, произошедших со мной.

— Жень, — он вопросительно поднимает бровь, — мне завтра нужно уехать... — говорю на выдохе.

Он хмурится, затем встает с моих ног и садится рядом. Я застала его врасплох.

— Зачем?

— Мама закончила писать книгу. Будет ее презентация, мне нужно быть там.

— Надолго? — голос слишком напряжен, чтоб не понять, что он не сильно рад этой новости. Да и я не в восторге, но мне нельзя отказываться. Просто нельзя.

— Думаю, уложимся в пару дней. Ну, плюс минус день.

— Ладно... — безрадостно соглашается Женя.

— Эй, я буду скучать. — обнимаю его за шею и слегка касаюсь шеи губами. Не хочу сидеть с понурым настроением. Хочу видеть его привычно-расслабленным и спокойным.

— Я тоже, — Женя обхватывает мою талию руками и валит меня к себе на колени.

Миллион раз бы променяла скучный вечер со сливками общества, на день с ним. Но, увы, мама слишком много посвятила этой книге. Слишком много вложила в нее, чтоб я сейчас так неуважительно отнеслась к ее труду.

Этим вечером мы сидели с Женей дольше. Дольше и нежнее прощались. Больше целовались и обнимались. Хотела надышаться друг другом на долгие два дня. Но разве возможно это? Чем больше он меня целовал — тем больше хотелось.

Скорее бы снова вернуться сюда в объятия своего волка. Да, если я красная шапочка, то он серый волк, испортивший мои летние планы. Вернее, перекроивший их на свой лад, который нравился мне куда больше, чем старый.

Утро встретило меня хмурым небом и рыдающей на моем плече Аллкой. Катастрофа. Апокалипсис. Трагедия. Бедствие. Славик бросил Аллу и вернулся к Жанне. Теперь мне еще долго придется слушать жалобы на жизнь, угрозы жизни Жанны и т. д. Радует, что сегодня я уеду, а за два дня страсти поутихнут.

Мой отъезд Алла восприняла, как сугубо личную драму. Она чуть ли не с трясущейся губой, спрашивала меня, когда я вернусь и клялась мне, что будет ждать и скучать. Словно, на фронт меня провожают.

Перед тем, как Алла ушла, мне пришлось попрощаться с ней раз восемь, потому как каждый прощание заканчивалось долгими рассказами, которые снова приводили к прощанию. И так по кругу.

Папа с мамой должны приехать с минуты на минуту. Я уже собрала вещи в чемодан. Зачем-то скинула туда все, что привезла. Оставила только романчики на тумбочке и еще вещей по мелочи.

— Папа, родители приехали! — кричит бабушка.

Выходу в коридор, там уже стоит мама в летнем цветастом платье и папа в белых льняных штанах и рубашке-поло.

— Павлиночка! — Первая ко мне подлетает мама, обнимая меня, будто не видела год. Хотя, почему «будто»? — Похудела как, загорела, — она осматривает меня, как новое пальто.

— Привет, доченька, — папа целует меня в висок и не тратит время на телячьи нежности.

Бабушка приветствует моих родителей своими теплыми объятиями, и мы сразу же начинаем грузить вещи. Оказывается, бабушка едет с нами. Этот факт меня очень обрадовал. Все-таки увожу кусочек Ромашково в город. Самый родной и горячо-любимый кусочек.

По дороге родители засыпали меня вопросами, как я проводила время, что делала, с кем познакомилась. Мы с бабушкой, словно два шпиона покрывали друг друга (конечно, покрывали преимущественно меня, но это и в ее интересах тоже). Папа был очень удивлен тому, что я почти не жаловалась бабушке на усталость и не брезговала никакой работой. Он был горд мной. Только узнай он, как конкретно я проводила свободное время — гордость мигом сменилась бы на ярость.

Мы ехали гребаных четыре часа! Зад изнывал от усталости, а в глазах рябило от продолжительного мелькания дорожной разметки. Настроение было такое, что маме стоило опасаться за своих гостей, чтоб я не покусала кого-нибудь из них.

Первым дело в планах на сегодня была презентация книги. Проходила она в крупной книжном магазине с кучей журналистов, беременных дам, мамочек с орущими младенцами и просто зевак с улицы. Атмосфера чудная.

Пока мама отвечала на вопросы, давала интервью, фотографировалась, оставляла автографы, мы с бабушкой и папой, стояли как статуи и улыбались. К окончанию презентации скулы сводила при любой попытке изобразить на своем лице радость.

Но впереди еще вечер! Перетерпев манипуляции стилиста со своей головой, затем натянув на себя платье, на которое указала мама, я была готова ехать сиять.

К семи мы подъезжали к ресторану с пафосным названием «Royal choice». В переводе «Королевский выбор». Аж смешно. Вряд ли бы хоть один король предпочел бы отстоять два часа в пробке, чтоб добраться до этого ресторана. Вкуснее же, когда дома.

В сердце кольнула тоска по нашим занятиям с Женей. Блин, не виделись день, а я уже

изскачалась вся.

Гости уже собрались и ждали нашего торжественного появления. В ресторане все кричало о богатстве, о крупных деньгах, о высоких статусах людей, находящихся тут. Слишком вычурно, слишком много понтов. Меня утомил только вид этого места, а еще весь вечер впереди.

Первым делом я направилась к фуршетному столику, потому что за день ребенка даже не подумали покормить. Пока я уминала канапешки с копченым лососем, мама и папа торжественно объявили начало вечера.

«Ну вот, начало уже было, значит скоро конец.» — подумала я и ошиблась.

В двенадцать часов мне наконец-то удалось убедить маму, что дальше все гости справятся без меня и отправиться на такси домой вместе с бабушкой.

Моему счастью не было предела, когда моя голова коснулась моей мягкой подушечки. Мысль не успела даже влезть в мою голову перед сном, как это бывает обычно, потому что я не уснула, а просто выключилась.

По привычке проснулась рано утром. Открыла окно, хотела вдохнуть свежего прохладного воздуха, а получилось задохнуться выхлопными газами и шумом улицы.

Во всю кипела жизнь. Откуда-то доносился рев мотоцикла, звуки стройки... Этот город хоть когда-нибудь прекращает свой бег? Как бы мне хотелось сейчас хоть треть той тишины, что в деревне. Вздыхаю и закрываю окно.

Снимаю пижаму, натягиваю шорты с майкой и спускаюсь вниз. Бабушка уже захватила кухню и разбила там лагерь.

— Ой, Пашечка. Ты чего так рано встала? — замечает меня нащ кухонный террорист.

— Привычка, — пожимаю плечами. — Когда мы поедем в Ромашково?

— Ох, уже соскучилась? — игриво качает головой бабушка.

— Да, — без лишних слов.

— Не знаю, вроде как обещали доставить завтра. Чем планируешь заниматься весь день?

— Нужно встретиться с другом. — неохотно отвечаю.

Про Илью я не забыла. Не совсем понимаю, правда, какой будет эта встреча, но раз обещала...

— Паша, доброе утро, — на кухню заходит папа уже одетый и бодрый. Еще один жаворонок этого дома.

— Привет, па.

— Какие планы на день? — чуть ли не слово в слово повторяет бабушкин вопрос отец.

— Дела, — коротко бросаю, хватаю горячий вареник и направляюсь в комнату.

— Павлина, стой, — окликает меня папа.

— М? — приходится вернуться.

— Я тут подумал... В общем, ты уже в достаточной мере понесла наказание. Оставшиеся каникулы можешь провести дома. — улыбаясь произносит он.

Что? Как это дома? Нет-нет-нет! Я еще не осознала всю глубину своего проступка, не сделала выводов, даже не говорила со своей совестью один на один! Как это дома? Внутри меня поднималась настоящая паника.

— Пап, я даже не попрощалась с друзьями... — стараюсь найти причину, почему я должна остаться еще там на неделю, но ничего не выходит.

— Ничего, завтра поедешь с нами, попрощаешься с друзьями заодно и вещи оставшиеся заберешь. — папа невозмутимо кладет кусочек вареника в рот, а я едва сдерживаюсь, чтоб не начать биться головой о стены. Подобные чувства я испытывала, когда меня силком тащили в Ромашково... А теперь все наоборот. Все в моей жизни теперь через ж... Наоборот! Если у меня не получится убедить своего отца, что мне необходимо остаться там, то плакала моя сладкая неделя с Женечкой.

Думай, Павлина! Думай... Для чего тебе голова? Чтоб шапочки носить?

О! Идея.

— Пап, бабушке еще нужно помочь собрать вишни. — вранье. Я собрала их еще неделю назад. Бабуля уже даже компотик из них сварила.

Бабушка удивленно озирается на меня, потом снова делает лицо невозмутимым.

— Да! Вам же всем некогда помочь бедной старушке! Хоть внучка любимая поможет! — уверенным голосом подыгрывает мне она.

— Ладно, я понял, — сдается папа и продолжает уминать вареники.

Я подмигиваю бабушке и бегу наверх, пока отец не передумал.

Беру телефон и набираю смс Илье «Я в городе. Можем встретиться.»

Ответ приходит почти сразу: «Круто! Увидимся в Малибу. В 5»

Малибу — излюбленное местечко молодежи. Днем — обычное кафе. Ночью — крутой ночной клуб. Никогда не была там, но много слышала от своей подруги тусовщицы. Она-то знала все заведения города лично и могла написать развернутую характеристику каждому.

Ровно в 5 я зашла в это заведение. Почему-то оттуда сразу захотелось уйти. Но я же не просто так пришла, поэтому придется терпеть.

Стены у этого Малибу разного цвета. Где-то на всю стену нарисован апельсин, падающий в воду. Где-то клубника, истекающая соком... Необычный дизайнерский ход, от которого рябит в глазах. Пестрый интерьер сразу отталкивает. По крайней мере — меня. Слишком много цветов, деталей, мерцания.

— Павлина! Привет. — откуда-то возникает Илья. На нем простая белая футболка с «V — образным» вырезом, которая идеально сидит на его подкаченном теле и джинсовые шорты. Волосы лежат, как после стилиста, голливудская улыбка... И в этот момент я почувствовала, что ничего не чувствую! Огромное чувство облегчения разливалось у меня внутри.

— Привет, — легко здороваюсь я.

— Присядем? — он показывает рукой на свободный столик.

Мы садимся, Илья сразу же заказывает нам коктейли, не смотря в меню. Видимо, он здесь довольно частенько бывает. Ну да, а иначе стал бы он звать именно сюда? Оглядываю Малибу... Нет, не пойму, как здесь можно чувствовать себя комфортно.

— Начнем, чтоб не терять времени. — важно говорит Илья, будто он бизнесмен выкроивший всего пару свободных минут для меня. — Хочу подговорить всех друзей Стаськи, чтоб в этот день не поздравляли ее, ни писали смс и т. д. А вечером всю ее такую расстроенную привести в кафе, где уже все накинута на нее с поздравлениями.

— Не плохо... Надеюсь не сюда? — скептически оглядываю кафе еще раз, в надежде прозреть и вспылать теплыми чувствами к этому месту. Но становится только хуже. Замечаю слишком низкие потолки, зеркала с разводами.

— Нет, я выбрал другое кафе. Оно ей понравится. Светлое, уютное.

— Отлично, а что от меня надо?

— Утверждение декораций.

Официант приносит нам заказ, мы благодарим его, затем вновь возвращаемся к разговору.

— Я хочу, чтоб все кафе было в цветах. В белых розах...

— Сразу стоп. У Стаси аллергия на розы. — прерываю я горячий пыл романтика.

— Тогда, какие цветы она любит? — хмурится он. — и почему она раньше не сказала? Я столько раз дарил ей розы... — парень зависает, а я усмехаюсь. Вот это дает подруга. Такие муки терпеть ради любви. Ей памятник воздвигнуть надо.

— Пионы, — говорю я.

— Чего пионы? — выходит из транса Илья.

— Она любит пионы, — поясняю я.

— А-а-а, ну хорошо. Сделаем красивую фотозону с живыми цветами, где будет написано Станиславе... — он замялся.

— 20 лет, — заканчиваю я.

— Да, — смущенно произносит парень. — Как хорошо, что я с тобой встретился. Так, назови мне 3 цвета любимых Стаси. Определимся с гаммой...

— Черный, фиолетовый и серебристый. — не задумываясь отвечаю. Просто знаю, что сочетание этих цветов сводит ее с ума.

— Ох... Ты уверена?

— Абсолютно.

— Ладно, доверюсь. Тогда и фотозону придется делать в этих цветах... Интересно, бывают ли черные пионы... — забубнил Илья. Почему я раньше не замечала, какой он зануда? Да и не такой уж он красивый, как мне казалось. Слишком слащавый. Аж тошнит от его милости. Какой же душой я была.

— Можешь добавить черные лилии. Она оценит, — прерываю его размышления вслух.

— Отлично! — потирает ладони. — а ты не знаешь случайно, какой у нее размер пальца?

— Безымянного?

— Ну, нет. Безымянного рано, наверно.

— Шестнадцать с половиной бери — не ошибешься.

— Запомнил. Паш, неужели ты так хорошо знаешь Стасю? — Илья склоняет голову набок.

— Я дружу с ней больше половины своей жизни. И знаю о ней ВСЁ.- в точности повторяю движение его головы.

— Ладно, тогда еще подскажи, какую музыку выбрать и с какой начинкой торт?

Илья мучал меня вопросом еще коло часа, после чего предложил подвезти до дому. Предложения я приняла, потому как нещадно разболелась голова от нудячества своей бывшей любви. Как же я не завидую Стасе.

Мой мучитель вышел проводить меня до калитки, а на прощание сказал около двухсот раз "спасибо" и даже обнял. Чем очень удивил меня и еще раз дал возможность удостовериться, что чувства к нему мертвы, как камень.

Домой захожу без сил. И их не столько отнял Илья, сколько бешеный ритм города, от которого я успела отвыкнуть за два месяца. Чувствую, в конце лета мне будет тяжелее, чем я думала.

Первым делом, как только я пришла — приняла душ, чтоб смыть эту городскую пыль с

себя. Затем решила позвонить Жене. Но после девяти протяжных гудков в трубке — поняла, что это бесполезно.

Швырнула телефон на кровать и спустилась вниз. За столом уже собралась вся семья. Даже мама. Поужинав в, я снова пошла к себе, в надежде увидеть пропущенный от пропажи своей. Но, увы, телефон предательски молчал. Или предательски молчал Женя.

Ночь прошла просто ужасно. Мне жутко мешал шум города, не хватало свежего воздуха. И еще я почему-то волновалась за Самойлова. Я не слышала его уже больше суток... Может что-то случилось? А я тут лежу и даже не могу помочь ему. Злюсь на себя. Не пойму почему, но злюсь.

Утром, я ощущала себя избитой собакой. Хотелось жутко спать, но мысль о том, что сегодня я увижу Женю, лелеяла мою душу. Наспех позавтракав, я понеслась утрамбовывать обратно свои вещи в машину. Бабушка оценила мое поведение улыбкой и покачиванием головы, а папа с мамой — непонимающим взглядом.

Четыре часа дороги длились, как никогда, долго. И когда я увидела родные очертания деревушки, была готова визжать от радости и целовать каждый кустик и каждое дерево.

— Пойдемте сначала я напою вас чаем, а потом уже езжайте, — командует бабушка.

— Хорошо, мам, — неохотно соглашается моя мама.

— Я пойду к Аллке схожу, — нагло вру я. Никакая Алла меня сейчас не интересует.

— Ну, приходите на чай, — предлагает папа.

— Угу, — киваю я.

— Ой, Пашечка. — бабушка подходит ко мне и следит за тем, чтоб родители отошли на безопасное расстояние и не услышали нас. — Совсем забыла сказать, что вчера мне звонила наша соседка тетя Маша. — при упоминании мамы Жени у меня чаще забилося сердце. — Женя спрашивал ваш городской адрес.

— И ты сказала? — удивляюсь.

— А не нужно было?

— Нужно было, — задумчиво протягиваю я, — ладно, ба. Скоро приду.

Бабушка заходит во двор, я жду пока она скроется в доме, затем направляюсь к Жениному дому. Его родители сейчас на работе, поэтому нам удастся поговорить.

Интересно, зачем ему мой адрес? Может, хотел приехать? Тогда почему не позвонил? И не приехал... Странно это. Неуверенно пересекаю двор. Всегда чувствую себя неловко на его территории. Подхожу к двери, только собираюсь постучаться, как слышу из дома женский смех.

Это точно не тети Маши. И не Карины, естественно. Любопытство берет надо мной верх, и я тихо открываю дверь и бесшумно вхожу. Смех и голоса доносятся из Жениной комнаты.

Хозяйку противного смеха гиены узнала сразу — Света. Я не могла ошибаться. По словам, по хихиканью было понятно, что они не в карты играют. Горло сковывают слезы. В груди разрастается тупая боль, пробирающаяся в каждую клеточку моего тела. Хочется бежать. Но я не спешу уходить. Мне нужно увидеть это, чтоб навсегда отрезало.

— А как же твоя любовь? — доносится до меня игривый голос Светы. На последнем слове ее тон изменился на корявый. Будто ей неприятно произносить его.

— Ну, мы с ней из разных миров. И сразу было понятно, что у нас ничего не получится. Поиграли и хватит, — вылетает из комнаты такой родной голос. — Нет больше никакой

любви. Конец.

Последние слова больно полоснули по сердцу. Слезы вырвались из глаз, и я закрыла рот рукой, чтоб случайно не всхлипнуть. По-моему достаточно услышала, разворачиваюсь и иду к двери. Выскакиваю на улицу и несусь к дому. Слезы больно щиплют щеки, а я пытаюсь затолкать их обратно ладонями.

В голове звучат его слова «нет больше никакой любви». А была ли?

Вы когда-нибудь слышали, как разбивается собственное сердце? А я вот услышала.

Вытираю слезы, вдыхаю глубоко пару раз и захожу в дом.

Родители уже допили чай и собирались уезжать.

— О, пышечка. Пойдем, вещи достанем твои и мы поехали, — папа обнимает и целует меня в макушку.

— Я поеду с вами, — говорю громко и четко. Даже голос не дрогнул, не смотря на то, что все дрожит внутри.

— А как же вишни? — спрашивает он.

— Какие вишни? — не понимаю я.

— Которые тебе нужно собрать, — папа смотрит на меня с подозрением. Я вспоминаю легенду и тут же прикусываю язык.

— Забыла, что собрала их уже. Поехали?

— Ну...Раз так... Да, поедem.

Бабушка смотрит на меня с тревогой, не понимая, что могло произойти, что так повлияло на мое решение.

А все просто. Просто больше нет смысла оставаться здесь ни минуты.

Сухо прощаюсь с бабушкой и прыгаю на заднее сиденье, чтоб скрыться от бабушкиных глаз.

Всю дорогу до дома я еле сдерживала слезы, потому что отец то и дело поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Мать все четыре часа вешала о тиражах, продажах, о новых планах. О курсе своей жизни теперь.

А у меня что? Какой курс теперь у меня?

Я смогла дать волю слезам только, когда закралась в своей комнате и упала на кровать. Вот тогда я не сдерживала себя. Выплеснула всю боль наружу. Проплакала всю ночь, не смыкая глаз. А на утро решила просто ненавидеть его. Ненавидеть, как потенциально опасного для меня человека.

Жаль только сердце не подчинялось моему разуму и при мысли о нем предательски учащало свой ритм, намекая о том, что что бы я не решала для себя, чувства — не спички. Не перегорают быстро.

Но мне не обязательно быстро. Главное, чтоб отпустила эта ноющая боль в груди. Я подожду.

Заранее спасибо. Ваш автор.)

Глава 14. Коррективы судьбы

Две недели спустя.

Сижу, укутавшись в свой теплый плед, и читаю новый роман. Предпочитаю уходить с головой в сказку, чтоб не думать о жестоких реалиях. Помогает. Только не ночью.

За неделю я прочитала все оставшиеся запасы книг у нас в доме, даже мамино пособие по воспитанию идеального общества. Правда, ничего не поняла из написанного и сделала единственный вывод: дети — это сложно. Слишком сложно, чтоб понять, пока их у тебя нет.

Вчера пришлось первый раз выйти из дома в книжный магазин. Скупить все, что приглянется и заскочить обратно в свой уютный мирок, в котором нет место никому кроме героев книг и теплого чая.

За окном грубо стучит по окнам порывы ветра. Приближение осени ощущается в воздухе. Листья уже не такая яркая, солнце не такое теплое, и воздух не такой сухой. Смотрю на распахнувшее окно. Ветер дерзко подкидывает занавески, заставляя их то и дело взмывать и падать. Небо хмурое, серое. Без единого признака на тепло.

Натягиваю плед на голову и продолжаю путешествие по страницам книги. Раздается телефон звонок. Выключаю звук и снова увлекаюсь книгой. Я знаю, звонит Алла. Она за все то время, что я дома, позвонила мне катастрофически много раз. Но я не готова с ней разговаривать, слишком живы еще воспоминания. Слишком больно еще.

— Павлина! — дверь распахивается и врывается мама, — жуть, ты же заболеешь! — она хозяйской походкой идет к окну и закрывает его. Поток свежего воздуха прекращает свое нашествие на мою комнату и мне вмиг становится нечем дышать. Но спорить с ней — бесполезно. Сделаю по своему, как только уйдет.

— Ты уже две недели не выходишь из дома. — осуждающим тоном произносит она.

— И? — без особого интереса вопрошаю.

— И может, хватит уже сидеть в своей комнате, словно затворница?

— Может, хватит. — не отрываюсь от книги.

— Дочь, — мама ловким движением лишает меня беззаботного мира, в котором я прячусь. Приходит поднять взгляд и посмотреть на недовольную маму. Расскажи, что случилось, — ласково произносит она. — Тебе станет легче.

Мне. Станет. Легче. Готова расхохотаться, только не хочу пугать маму своим истерическим смехом. А именно таким он и будет.

Легче... Это же надо такое придумать. Легче от того, что я поделюсь, тем, что мне изменили? Мною поиграли и выбросили, как надоевшую игрушку? Или мне станет легче, после того, как я расскажу, что днем у меня внутри не ощущается ни одного органа. Немая пустота, поглощающая все эмоции, и всю меня целиком. А ночью, наоборот — боль в каждой клеточке тела вырывается наружу и не помогают слезы. Не помогают мои слова, которые я, как мантру твержу себе каждый день перед сном: «Все будет хорошо. Переболит. Завтра будет лучше».

Но нет. Завтра будет только хуже.

У меня боль с накопительным эффектом. И ее пик еще впереди.

— Паш, — мама ласково проводит по волосам, и слезы предательски наворачиваются на глаза. — Все будет хорошо, доченька. — она слегка касается губами моего виска. Не в силах больше сдерживать свою пустоту, и она соленым морем разливается по моим щекам.

«Все будет хорошо» — шепчет мама, прижимая меня к себе, и поглаживая по спине. «Не верю!» хочется кричать, но обида перекрыла горло. Хочется кричать. Внутри все рвется на мелкие кусочки. Даже бабочки, и те горят синем пламенем.

— Почему «любовь»- это так сложно, мам? — всхлипываю я.

— Потому что, если было бы просто, это была бы не любовь.

«Нет больше никакой любви» — эхом раздается у меня в голове Женины слова. За что он так со мной? Что я ему сделала? Зарываюсь в мамины волосы и вдыхаю родной запах лаванды.

— Почему я такая слабачка? — шмыгаю носом.

— Потому что это изюминка всей женской линии Островских. — улыбается. — И быть слабой — не всегда плохо.

— Ага, скажи мне, где это может пригодиться?

— Любовь боится сильных людей.

— Значит стану сильной.

— Ты у меня еще такая маленькая. Не понимаешь, какое это счастье — любить. Даже слезы пролитые от любви — счастье.

А слезы пролитые от обиды, измены и предательства?

— Спасибо, ма. — Я вытираю мокрые дорожки с щек. За спиной раздается трель моего мобильного.

— Отвечай, а я пойду. — Мама выходит из комнаты, оставляя после нашего разговора приятное послевкусие. Я не рассказала ей ни о чем, но поделилась своей болью. И мне действительно стало легче.

Нахожу телефон, зарытый в подушках.

«Илья»

Этому-то что надо от меня?

— Алло, — отвечаю на звонок.

— Привет, Павлин. Ты умница, что не забыла о моем плане и не поздравила Стасю! Она только что звонила мне в слезах, и плакалась, что ее никто не любит. В общем приходи сегодня в Мона-Лизу к шести. Устроим ей праздник. Ну, я побежал. Еще столько дел.

Я не успела ничего сказать, как на другом конце послышались короткие гудки. Смотрю на дату. Черт! За своими душевными терзаниями забыла, что двадцать лет назад в этот самый день родилась на свет моя лучшая подруга. Я почувствовала себя каким-то предателем. Как же стыдно! Бью себя ладошкой по лбу, броня всеми возможными ругательствами. Может, позвонить и извиниться?

Ага, признаться, что я забыла? Это же так некрасиво. На мое день рождение Стася ровно в 00.00 выпустила в небо 17 белых шариков с огоньками и пела под окном мою любимую песню. Как вообще можно было настолько выпасть из жизни? Чертов Самойлов и с этого фронта подгадил мне в жизнь.

Как бы мне не хотелось не идти на этот праздник жизни, мне нужно прикрытие в виде плана Ильи.

На часах четыре часа. Нужно собираться. Приду, поздравлю подругу и уйду. Не придется даже долго делать вид, что я счастлива.

Так как и подарок я не купила, пришлось уделить меньше своему внешнему виду, а выйти пораньше и пройтись по магазинам. В качестве презента я выбрала серебряный кулончик — бабочку. Маленькую, изящную, как сама Стася.

В кафе я попала без десяти минут шесть, там уже было куча народу. И ни одного мне знакомого человека. Парадоксально. Если все эти люди ее друзья, тогда кто я?

Прохожу через толпу возбужденных ребят, яро обсуждающих насущные проблемы молодежи, и становлюсь в сторонке ото всех. «Просто поздравить и уйти. Поздравить и уйти» — повторяю про себя, как мантру.

— Привет, чего стоишь одна? — сзади подходит какой-то парень, взявшийся не пойми откуда и напугавший меня.

— А тут нужно стоять с кем-то конкретным? Соло здесь запрещено? — ядовито отвечаю я.

Вообще-то, да. Но таким красивым, как ты, можно.

У-у-у. Дешевые подкатики. Могла бы скучать, как я соскучилась по ним, но нет. Не соскучилась.

— Выпьем? — парень берет со стала два бокала с шипящий жидкостью, и один протягивает мне.

— Не пью, — отвечаю холодно и коротко, чтоб у собеседника не осталось никакого желания продолжать разговор.

— Правильное решение, — непрошенный гость моего одиночества ставит оба бокала на стол. — симпатично здесь. — непринуждённо продолжает он.

Упорно игнорирую присутствие парня успокаивая себя тем, что скоро придёт именинница, и уйду я.

Видимо, бог услышал мои молитвы, потому что в эту же минуту, по кафе прошёлся шёпот " идут! Они идут!".

Мы подошли ко входу и когда Илья завёл Стасю с закрытыми глазами, дружно крикнули " сюрприз."

Потом началась настоящая давка, всем не терпелось поздравить виновницу торжества. Я единственная, кто спокойно ждал свою очередь, никого не расталкивая. Только бы опять этот не привязался... Я окинула взглядом присутствующий, надоедливый блондина не было. Облегченно выдохнула и продолжила ждать Стасю.

Через пятнадцать минут мне все-таки удалось немного перетянуть на себя одеяло внимания, и поздравить подругу и вручить ей скромный подарок.

— Он так и не позвонил? — спрашивает Стася, отводя меня в сторонку.

Да, я рассказала все ей на следующий день, как вернулась. Мне просто нужно было с кем-то поделиться. И я повествовала Стасе все, что происходило со мной за лето. Она была шокирована, и даже хотела обидеться, что я ей ничего не рассказывала, но потом вспомнила, что меня все-таки предали и мне плохо.

— Не-а, — отвечаю спокойно. Больше не хочется плакать и биться в истерику.

— Вот урод. Ну, ничего, мы тебе такого парня найдём, твой Самойлов от зависти без огня вспыхнет. — заявляет Стася.

— Не надо. Спасибо. Я сыта.

— Нельзя же после одной горелой семечки, всю пачку выбрасывать, — с важным видом произносит она.

— Я вообще семечки не люблю, — усмехаюсь. — Аллегии — это не твоё, Стась.

— Ой, ты поняла! — отмахнулась она.

— Девочки, чего шепчетесь? — к нам подходит Илья.

— Да, я поздравила Стасю и собираюсь уходить. — опережаю ответ подруги.

— Как это уходить? Все только началось, — недоумевает Ромео.

— Павлина, ты же не собираешься просидеть в депрессии всю свою жизнь из-за него? — вмешивается подруга.

— Всю? Нет. Но вот месяц... Да. Месяца, думаю, он достоин.

— Нихрена он не достоин, — вспылила Стася. — посмотри на себя! Наша соседка, которую бросил муж с тремя и то выглядит живее, чем ты!

Подруга явно преувеличивает. Ну, как я выгляжу? Так же, как и раньше. Ладно, немного похудела. И заплаканные глаза с мешками под ними шарма не добавляют, но это же не повод сравнивать меня со своей соседкой! Хотя, может она реально права, и выгляжу я жалко?

Черт, зачем вообще пришла сюда?

— Я хочу видеть свою милую и жизнерадостную подругу Павлину, — спокойнее говорит Стася, — а не зомби из фильма про апокалипсис.

— Все со мной нормально! Я пойду, увидимся потом.

Чмокаю подругу в щечку и выскакиваю из кафе, где царит противная атмосфера радости. Давно это меня стала раздражать чужое счастье? С тех пор, как разбилось мое. Я остановилась у витрин магазина и взглянула на свое отражение. А ведь Стася в чем-то права. Встреть я себя такую на улице, решила бы, что это наркоманка какая-то. Или душевнобольная... Так душа и впрямь больная. Только зачем это выставлять на показ?

Решено. С этого момента начинается мое возращение.

После дня рождения у меня случилась первая ночь без слез и сожалений. Первая ночь, когда мысли о нем не выплескивали океан наружу. Когда душа перестала ныть так явно. Мне не снились его глаза. Я не слышала его голос во сне. Эпоха моего ренессанса началась именно этой ночью.

Утром я проснулась непривычно бодрой. Даже спустилась завтракать, чем очень удивила своих родителей. А когда заявила, что иду в спортзал, так они вообще готовы были упасть со своих стульев. Мама загадочно улыбалась, видимо приняла эти перемены на свой счет. Что ж, не буду разочаровывать. Не важно, кем и чем они обусловлены, главное, что они есть.

Чмокнув на прощание отца и мать, выскочила из дома и побежала в свой спортзал. Тренер Рита была очень рада меня видеть. Сказала, что без меня ей тут было скучно. Еще бы, только я прихожу сюда пошутить, пообщаться, но при этом выжать из себя всю силу. Сегодня у меня к Рите была одна просьба «выжми меня полностью».

Со своей задачей тренер справился блистательно, как и всегда. И через два часа мое тело приятно изнывало. Давно я не ощущала такое физическое бессилие. Разве что, когда в Ромашково...Осеклась. Воспоминать еще неприятно. От мысли о деревне голова сразу же хаотично подбрасывает сюжеты, связанные с Женей.

«Все пройдет» — успокаиваю себя.

Сегодня в планах еще заскочить в универ. Учеба начинается через два дня, а я еще не готова совершенно. И меня, как на зло, назначили старостой нашей группы. Слишком много ответственности легло на мои плечи, чтоб так легкомысленно проводить дни и ночи в слезах.

За бытовыми делами день пролетел незаметно, и к вечеру скошенная усталость я упала на кровать без сил. Ни о каком Жене речи и не могло идти этой ночью.

Первый день моего возрождения прошел лучше, чем я могла ожидать. За день всего пару троек мыслей о нем и ни одной слезинки. План перевыполнен.

Оставшиеся два дня до учебы я возилась с бумагами, которые мне выдали в деканате. Все они неотложно ждали моего заполнения и изучения. Оказывается, быть старостой не только ответственно, но и очень сложно. И немного скучно даже.

Но зато я буду с преподавателями на короткой ноге, а в университете — это огромный плюс. Если честно, уже соскучилась по занятиям, которая была в школе. Постоянные задания, уроки, репетиторы. Тогда, даже если бы я сильно захотела, у меня не получилось бы страдать денно и ночно, попросту не нашла бы времени.

Утро первого учебного дня началось немного не так, как должно было. Я проспала. Поэтому носилась по дому, как угорелая, умываясь и расчесывая волосы одновременно. Если бы папа не предложил подвезти меня до универа, я бы точно опоздала на первую пару с куратором, где меня должны представить группе. И тогда кто бы стал уважать мое мнение и меня, если бы я показала себя такой непунктуальной.

По холлу я неслась, как реактивный веник, не замечая ничего на своем пути. Остановилась только перед дверьми аудитории. Затем выдохнула и спокойно зашла в кабинет, словно это не я пять минут назад стирала пятки о вузовскую плитку. Как только я зашла, меня тут же заметил наш куратор Денис Сергеевич.

Вообще-то, если бы я встретила его на улице — никогда бы не поверила, что он куратор и вообще препод. Молодой парень, у которого в глазах еще горит огонек юности и озорства. На вид ему лет тридцать, не больше. Курироваться таким мужчиной — одно удовольствие. Жаль только, что он женат. Об этом просто кричит поблескивающее кольцо на безымянном пальце. Бедные девушки, их сердца разбиты заранее. Без надежды.

— Павлина, — здравствуй. — он подошел ко мне. — Мы как раз тебя ждали. Все уже собрались. Сейчас будем знакомиться. Проходи за мой стол, садись, будем заполнять бумаги, — он впихивает мне листы и подталкивает к учительскому столу.

Послушно сажусь за него.

— Сейчас каждый будет вставать, называть свое имя, фамилию, а ты будешь записывать. А дома все запишешь в алфавитном порядке, — командует Денис Сергеевич и присаживается на угол стола. — Начнем. Вы, девушка. — он кивает на блондинку за первой партой.

— Олеся Малина. Не МалИна, а Малина, — важно произносит девушка. Записываю ее имя и ставлю ударение. Видимо, для нее это слишком важно.

— Корин Давид.

— Ксения Каютина.

— Соболев Максим.

Я не оглядываю ребят, потому что едва успеваю записывать их имена.

— Дарин Святозар.

Мысленно ухмыляюсь. Святозар. Это же надо было так назвать пацана в двадцать первом веке. Хотя, что я удивляюсь? Я ведь тоже не Катя. Интересно, кто там дальше будет? Параша? Радомир?

— Самойлов Евгений.

От голоса, разлетевшегося по аудитории, у меня проносятся по спине мурашки, и падает ручка. Послышалось?

Поднимаю глаза и встречаюсь с наглым взглядом Жени. Ну, нет! Это сон что ли? Щипаю себя за ногу. Больно! Нет, это реальность.

Чтоб прервать наш зрительный контакт, ныряю под стол в поисках ручки. Вот бы мне тут просидеть до конца пары!

Сердце бешено колотится в груди, а дыхание стало нервным, отрывистым.

Какого черта он тут делает? Какого черта в моем универе? Какого черта в моей группе?

Что вообще происходит? Стася была бы в шоке, если б мы с ней попали в одну группу. Но, увы, судьба решила не только лишиться меня подруги во время пар, но еще и подкинуть мне Женю, чтоб не скучала.

Сажусь на стол и дрожащей рукой пишу «Самойлов Евгений». Не отрывая глаз от листка, продолжаю записывать имена своей группы, только в голове поселился хаос.

Может, пока не поздно перевестись в другую группу?

Ага, чтоб он понял, что я боюсь его? Черта с два! Гордо вскидываю голову и смотрю на парня, представившегося как Глеб Красиков. Чувствую на себе заинтересованный взгляд, знаю кому он принадлежит, но игнорирую.

Игнор — отличная установка на наши будущее необщение.

Сердце уредило свой бег, пульс больше не зашкаливал. Я спокойна. Не для того я перерождалась. Не позволю призракам прошлого сломать свое настоящее.

Все же, интересно. Какого хрена он поступил именно в этот универ? Насколько я помню, он увлекался машинами. С чего вдруг такой выбор?

Хотя, меня это не волнует. По крайней мере, не должно волновать.

Сразу после пары куратор поручил мне первое задание. Узнать у всех номера и адреса фактического проживания. Но это мне нужно было сделать после в свободное от учебы время.

На первом перерыве сделать этого не удалось, так как Денис Сергеевич любезно согласился устроить нам экскурсию по универу.

Университет оказался втрое больше, чем казался изначально. Множество корпусов, переходов, три спортзала (один для девочек, другой для мальчиков, третий для секций), тренажёрный зал, огромная библиотека. Здесь легко можно заблудиться и потеряться. Не один день потребуется, чтоб заучить все эти коридоры и тайные лестницы. Похлеще, чем Хогвартс.

Во время экскурсии я сдружилась с Варей Дорониной. Очень простая и приятная девчушка с рыжей россыпью веснушек на лице. Она поступила на бюджет, а значит, что она преуспевающий юный гений, не меньше. Даже мне, золотой медалистке, не удалось набрать достаточной количество баллов, чтоб пройти без денег.

Интересно, Женя на коммерческой основе?

Так. Стоп — сказала своим мыслям.

Вторая пара была лекция. На ней присутствовали ещё две группы помимо моей. И я наконец-то смогла увидеться со Стасей.

— Как у вас обстоят дела с красавчиками? — присаживаясь за мой стол спросила подруга.

— Беда, — выдыхаю я.

— Что, прям все так плохо? — она морщится, будто съела лимон.

— Женя тут.

— Какой? — спрашивает она, затем стучит ладонью себя по лбу, — Женя. А что он тут делает? Приехал прощение вымаливать?

— Учиться.

— Что значит учиться?

— Он в моей группе, Стась.

— Как это в твоей группе? — она откровенно тупит. Но это не странно, ещё час назад я сама не могла связать двух слов от шока.

— Соберись, Стася! — я щёлкаю пальцами у нее перед глазами, потому что та конкретно залипала на что-то. Поворачиваю голову, чтоб проследить траекторию ее взгляда и встречаюсь с легким прищуром карих глаз. Женя сидит в окружении пары девочек из моей группы, но не отводит от меня глаз. Становится дики неловко и я тут же отворачиваюсь.

— Это из вашей группы? — спрашивает подруга, не прекращая откровенно пожирать глазами Самойлова.

— Угу.

— А ты говорила, что беда. Один этот экземпляр чего стоит... — Стася прикусила губу.

— Это Женя, — поясняю я, потому что ситуация становилась нелепой.

— Женя? — удивляется она. — Вот же козел. Но красивый. Но козел. — она страдальчески вздыхает, словно я лишила ее сладкого.

Эта пара была последняя, поэтому после неё я попросила остаться свою группу, чтоб собрать информацию. Стася осталась просто так, чтоб поддержать меня.

Я подходила к ребятам, записывая их данные, и нарочно оттягивала момент встречи с Женей. Но моя группа не бесконечная, поэтому когда осталась всего пару ребят, я выдохнула и пошла к Самойлову.

Он сидел на стуле, закинув ногу на ногу и свесив руку на спину.

— Номер и адрес, — бесчувственно произношу я, уткнув свой носик в листок.

— Привет, — намекает, что иногда нужно здороваться. — Номер не изменился, адрес: Вишневая дом тридцать пять, квартира тринадцать, — так же радушно отвечает он.

Записав адрес, тут же ухожу к оставшемуся парню, с которым увлеченно беседует Стася. Женя не останавливает меня, не окликает. Затишье. Лишь бы не перед бурей.

Домой прихожу под вечер, так как в деканате собирали всех старост и разъясняли нам наши задачи, обязанности и прочую белиберду. Стася ждать меня не стала и ушла домой сразу же, как удостоверилась, что Самойлов не угрожает моему спокойствию.

Хотя о спокойствии можно забыть. Зачем он вообще приперся сюда?

Он за три с лишним недели не позвонил ни разу, даже не поинтересовался, почему я не вернулась из города. И сейчас не особо волнует его моя жизнь. Может, получится жить спокойно?

— Эй, пончик, — папа заглядывает в комнату. — Можно?

— Заходи, — киваю.

— Как дела?

— Все очень... Непросто — подбираю я тщательно слова.

— Устала?

— Жутко. Пап, как думаешь, если решение проблемы никак не может прийти на ум, сбежать от нее — это трусость? — завуалированно задаю вопрос, который мучает меня на протяжении дня.

— Пф... — отец шумно выдыхает и садится рядом. — Ну, начнем с того, что не существует проблем, не предполагающих хотя бы одно решение. Просто, вероятнее всего, решение проблемы не нравится тебе. Или не совсем подходит. Поэтому ты думаешь, что его

нет.

— Оно точно не подходит мне, — задумчиво твержу я.

Ведь я не смогу игнорировать Женю. Мы учимся в одной группе, естественно мне нужно будет с ним контактировать. А с другой стороны, почему я должна избегать его? Потому что от его близости потеют ладони? Бешено стучит сердце? Пробегают мурашки стаями?

Да, черт возьми, поэтому и должна!

— Павлина, ты же Островская. Для Островских нет решений, которые бы мы не смогли перестроить под свой лад, — с важным видом произносит папа. — Ладно, отдыхай. — он целует меня в макушку и уходит.

Перестроить под свой лад... Как? Как вообще всю эту ситуацию взять под контроль? Не говорю уже про «перестроить».

Игнор — не подходит, точно.

Притворится, что не знакомы — слишком по-детски.

Остается только делать вид, что мне абсолютно наплевать на его нахождение, и ничем не выделять его из группы. А вот это уже похоже на решение.

За мыслями о нем, снова о нем, но уже без слез, я уснула. Завтра предстоял тяжелый день. Мне нужно быть в хорошей физической и моральной форме.

Глава 15. Вечеринка

На следующее утро у меня был сформирован четкий план действий.

Убить равнодушием. Заставить пожалеть. Перестать робеть от его взгляда.

Третий пункт пока под вопросом, потому что думаю, он не подвластен мне.

В универ я пришла в боевом настроении. Первая лекция, смогу посидеть со Стасей.

— У меня для тебя есть предложение, — налетает на меня Стася.

— Какое?

— Пойдем в боулинг?

— Чего? — усмехаюсь. Она никогда не звала меня в подобные места.

— Пошли. Илья тащит меня в боулинг, а я там плесенью покроюсь от скуки.

Пожалуйста. — взмолилась Стася.

Обращаю взгляд на дверь. В аудиторию входит Женя, мило беседуя с Олесей, которая МАлина, а не малИна. М- да, что ж его так влекут блондинки?

— Ну, так что? — вклинивается Стася в мой диалог с собой.

Я соглашаюсь. А почему бы и нет? Мне пойдет на пользу развеяться. Сколько можно дома сидеть? Можно и уделить пару часиков досугу. А то играю тут в затворницу, как сказала мама.

Лекция проходит быстро, и поговорить со Стасей нам не удастся, потому что все два часа мы неотрывно писали. Ребята скулили, что у них ноют руки, что дымится тетрадь от такой скорости писания, на что получали ответ «Вы не в школе, привыкайте».

После лекции нас опять вызвали в деканат. Были готовы журналы, и нужно было забрать их, заодно и заполнить. Помимо журналов в деканате меня нагрузили памятками о пожарных безопасности, о каких-то договорах, которые мне нужно было дать группе, чтоб они расписались и снова забрать. Если это только начало года, представляю, как будет «весело» в середине.

аккуратно иду по коридору загруженная до шеи, как вдруг из-за поворота на меня кто-то налетает. Я падаю на свою филейную часть тела, а бумажки эпично разлетаются, обдавая меня бумажным фантаном.

Встаю, браня всех на свете. Передо мной возникает виноватое лицо обидчика, в котором я узнаю надоедливового блондинчика со дня рождения Стаси. Превосходнее и быть не может. Вот бы он меня не узнал.

— Извини, — произносит парень, — я не заметил тебя.

— Если бы ты глаза свои раскрыл, то может бы, и заметил! — огрызаюсь я, затем сажусь и начинаю собирать бумажки. Парень присаживается тоже.

— Ты всегда такая грубая?

— Нет, только по четвергам, — язвлю.

— Сегодня среда.

— Значит всегда.

— погоди, ты же... — по его озаренным глазам, я поняла, что опознание все-таки прошло успешно. — какая встреча.

— Какая? — я вырываю бумаги из его рук.

— Приятная, — парень приветливо улыбается, — меня зовут...

— Здорово, — перебиваю его и ухожу прочь от напористого типа.

Уже и не рада, что поступила в этот университет. Не хватало тут еще встретить мальчика, который в детстве насыпал мне песка в голову для полной радости.

Захожу в аудиторию, где будет следующий семинар, и принимаюсь приводить документы в первозданный вид, раскладывая листы по стопкам.

Дверь открывается и входит... Кто бы мог подумать? Женя! Какая неожиданность. Ей Богу, если продержусь хоть месяц в этом дурдоме — закажу себе медаль за отвагу. Опускаю взгляд на листы снова, игнорируя его присутствие.

— Здравствуй, уважаемая староста, — подтрунивает он и садится на стул рядом.

— Привет, — отвечаю холодно, хотя внутри все горит.

— Как дела у самого почетного студента этой группы? — он слегка касается моего плеча и меня вмиг пробивает током.

Резко поворачиваю к нему.

— Что тебе нужно? — цежу сквозь зубы. — Зачем ты приехал?

— Учиться, — пожимает плечами. — Учение — свет. — он поддевает пальцем прядь моих волос. Резко дергаюсь.

— Клоун. — хочу встать, но он хватает меня за руку и усаживает насильно.

— Я приехал, чтоб сделать твою жизнь невыносимой, — шепчет в ухо. В горле пересыхает, а тело покрывается мурашками.

Ты итак делаешь мою жизнь невыносимой, своим присутствием в ней.

Выдергиваю руку и вылетаю из аудитории. Выходит, он ненавидит меня так же, как и я его. Только за что? Может, он вообще никогда ничего ко мне не испытывал, а лишь хотел отомстить городским?

В аудиторию возвращаюсь лишь по звонку с другими ребятами. Женя сидит на задней парте, и кого-то подзывает. В ту же секунду к нему подлетает Олеся и роняет свою попку на стул рядом. Она кокетливо смеется, а он улыбается оскалом хищника. Закатываю глаза и сажусь за свою парту.

Весь семинар я спиной ощущала на себе тяжелый взгляд карих глаз. Велико было искушение повернуться и спросить «какого хрена ему надо», но я сдержалась.

Пункт первый — убить равнодушием.

После пары я попросила задержаться всех ребят, и раздала им бумаги. Все исправно сделали свое дело, сдали все и ушли. Последним выходил Женя, окинув меня пренебрежительным взглядом.

Ведет себя так, будто это я ему изменила! Я разложила все бумаги по файликам и пошла в деканат. Там меня уже все знают, как родную. Даже предлагают чай.

Осталась последняя пара. Лекция. Но прошла она очень спокойно, потому что Самойлов на нее не пришел. Пришлось отмечать его в журнале. Первые прогулы. Так его скоро и отчислить могут. Какой он все-таки безответственный! У меня зачесались руки одарить его отцовским подзатыльником, но я вовремя напомнила себе, что его проблемы меня не касаются.

Все лекцию я выслушивала жужжания Стаси на тему: «боулинг и его плюсы». Она, словно рекламировала его мне.

И звонку с занятий я была рада больше даже, чем обычно.

Попрощавшись со Стасей я пошла в деканат сдавать журнал. По пути наткнулась на Дениса Сергеевича, который осведомил меня, что Самойлов помогал ему на кафедре, и "н" в журнал ему не нужно ставить.

Ага, а если она уже там? Что мне сделать? Выгрызть ее?

Обругав Самойлова последними словами и убив на затирие бедной буквы около пятнадцати минут, сдала злосчастный журнал и жутко злая поплелась домой.

Какой тут боулинг? Мне бы на охоту! Только, чтоб не беззащитные зверьки бегали, а раздражающие Самойловы.

Но сколько бы я ни злилась, идти придётся. Иначе обид потом не оберусь.

В пять за мной заехал Илья со Стаськой. Почему-то она сидела на заднем сиденье. Может поругались? Я залезла в машину, и мы тронулись.

— В смысле "сделать жизнь невыносимой"? — удивляется Стася, выслушав мой рассказ о сегодняшнем форс-мажоре. — Он с головой точно дружит? Злится на тебя, что другую телку..

— Стася! — осекаю ее.

— Чего? — недоумевает она. Я указываю взглядом на Илью, который весь превратился в слух. Стася закатывает глаза и хмыкает.

Больше мы не поднимаем тягостную тему. Подруга подпевает магнитофону, Илья молчит, я стараюсь отогнать мысли о Жене.

В боулинге я была всего лишь раз. В седьмом классе. Тогда, чуть не сломала себе руку, когда пыталась бросить тяжёлый шар. Больше желания возвращаться туда — не было.

Мы со Стасей идём сразу за обувью, Илья в это время оплачивает столик.

Когда мы все одели форменные туфельки, Илья показал нам наш столик, а сам пошёл купить попить и перекусить.

— А почему дорожка заказана на четверых? — спрашиваю я, заметив на мониторе четыре человечка.

— Это сюрприз. — Стася таинственно улыбается.

— Что ещё за сюрприз?

— Просто мы с Ильёй подумали, что тебе нужно отвлечься от своего Жени и решили...

— Нет... — жалобно заскулила я.

— Да-а-а, — блаженно протягивает она.

— Ну, нет, — вторю я.

— Да-а-а-а, — повторяет Стася.

— Я пошла, — только собираюсь встать, как к столику подходят двое.

Илья и...

— Ты? — мы с блондинчиком восклицаем в один голос.

— Какая встреча... — с улыбкой каширского кота произносит парень.

— Приятная? — фальшиво улыбаюсь.

— Именно. — блондинчик падает на стул, стоящий напротив меня.

— А вы знакомы? — вклинивается Стася.

— Почти, — усмехается он.

— Паш, это Данияр. — Илья подключается к диалогу. — Дан, это Паша. Она же Павлина.

— О-о-очень приятно, — протягивает блондин. — Так что, будем играть? Как насчёт девушки против парней?

— О! Хорошая идея! — Стася хлопает в ладоши. — Да, Паш?

— Угу, — мычу я.

Охренеть просто какая хорошая.

Когда моя жизнь стала так напоминать комедийный сериал?

Илья с Даном ушли исправить ситуацию на мониторе и сотворить из четверых человек две группировки. Вернулись уже через пять минут.

Мы принялись кидать шары по очереди. По началу, мне было жутко скучно и неинтересно. Но ежеминутные подтрунивания парней разожгли в нас азарт. И тогда началась настоящая война. Не на жизнь, а на смерть.

— Девочки, а давайте играть на желание? — внезапно предлагает Дан.

— Давай, — соглашаюсь я тут же.

Уверена в нашей победе. Так как мы уже далеко впереди. Только чудо поможет догнать парням нас. И если ни один из них не обладает магической силой, то вряд ли им это удастся.

После поступившего предложения борьба стала ещё ожесточённое. В ход шли запрещённые приёмы, мухлёрж. Нужно бы придумать им желание поунизительнее.

— И нафиг ты соглашалась? — вздыхает Стася. — Так эпично проиграть...

Парни обогнали нас в самом конце игры, сбив все десять кеглей аж шесть раз подряд! Шесть!

— Извини, — виновато отвечаю я.

Дан открывает перед нами дверь и мы выходим из боулинга. На улице уже ночь. За игрой и не заметила. Что пришло почти четыре часа. Потом ещё мы спорили о результатах пол часа. В общем, время пролетело быстро. И приятно.

— Расслабьтесь, девочки. У вас не было шансов. — усмехается Илья. — Дан родился в шаром от боулинга в руке.

Выходит, поначалу он поддавался? Ведь все начало игры он то и дело скидывал шар в желоба. Выходит, мы попались на его удочку. И все, что случилось там, было чётко спланировано хитровыделанным блондином.

— Так, мы хорошо провели время. Но пора и по домам. Данияр, ты подвезёшь Павлину? А то нам в другую сторону, — произносит Стася.

От ее наглости у меня глаза чуть не выпали на ступеньки. Остаётся надеяться на разумность Дана. Я столько раз давала ему понять, что не хочу с ним общаться, что даже глупый понял бы.

— Конечно, — соглашается Дан.

Нет, глупый не понял.

Стася и Илья прощаются с нами и скрываются на парковке в автомобильных рядах.

— Пойдём, — блондинчик кивает и я следую за ним.

Вот ходил бы сейчас хотя бы автобус, я бы отказалась сразу же. Но сейчас... Глупо.

Мы подходим к белой KIA OPTIMA, Дан нажимает на брелок и она весело подмигивает нам фарами. Садимся в красивый кожаный салон и Дан аккуратно выезжает с парковки.

— Значит, с тобой лучше общаться вечерами, — внезапно говорит блондинчик.

— Почему?

— Ну, вечером ты хотя бы не кричишь на меня, — усмехается.

— Извини, — заминаюсь я. — настроения не было.

— Кто же его тебе испортил?

О, лучше тебе этого не знать парень.

— Просто организм ещё не привык к такому напряжённому дню.

— Ясно. — он улыбается, и я впервые отмечаю, что парень хорош собой.

Хорошо, что до дома ехать не долго, а то не знаю сколько бы ещё раз пытался разговорить меня Дан. Коротко попрощавшись, выскакиваю из машины и иду домой.

Настроение хорошее. И хоть и Стася обманом добилась нашей встречи, она на удивление прошла прекрасно. Мне даже удалось отдохнуть, расслабиться и забыться. Ни одной мысли о нем.

Правда, желание проиграла. Это немного неприятно. Тем более. Кто знает, чего захотят эти двое?

За этими мыслями я и уснула.

Конец учебной недели прошел на удивление быстро и спокойно. Чем я была немного удивлена и насторожена. Последние события моей жизни совсем не клеятся со словом «спокойно», поэтому я каждый день ждала какого-то подвоха. Но до пятницы ни Самойлов, ни Данияр, ни Стася не усложняли мою жизнь. Если ее вообще можно чем-то усложнить.

В субботу запланирована вечеринка в честь начала учебного года, именуемая ночью первокурсника. Вся группа уже наострила свои лыжи на нее, а я же предпочитаю остаться дома и убить выходной на заполнение журналов и прочей бумажной волокиты свалившейся на мои плечи.

С утра я проснулась в прекрасном расположении духа, так как мне наконец-то удалось выспаться. Впереди целый день релакса. Никакой эмоциональной напряги, связанной с моим недобывшим и недонастоящим.

Мама сегодня ушла трениговать будущих мамочек, папа денно и ночно проводит на работе, так как они не успевают выполнить в срок заказ. Значит, дома я одна. Еще один плюс субботы.

Сделала погрома музыку на телефоне, воткнула наушники в уши и пошла готовить завтрак. Овсянка с малиной и яблоком подойдет идеально. Пока закипал чайник, достала яблоки и малинку из холодильника. Розовые сочные ягоды мне напомнили МАлину, а не МалИну. Убрала обратно некогда любимый деликатес. Обойдусь яблочками.

Веселую музыку прерывает звонок.

«Стася»

— Привет, — доносится радостный голос из трубки.

— Привет.

— Сильно занята?

— Да нет...

— Отлично, мы сейчас приедем. Жди. — Стася кидает трубку.

Замечательно. Ее наглость напомнила мне Аллу и сердце заскулило. Я так соскучилась по ней. Только стыдно звонить, после того, как я поступила с ребятами...

Мои мысли прервал звонок в дверь. Ничего себе Стася быстро доехала. Интересно, с кем она? Открываю и едва сдерживаюсь, чтоб не охнуть от удивления. На пороге стоит Самойлов.

— Ты? — вырывается у меня. — Что ты тут делаешь?

— Ты специально так настойчиво игнорируешь слово "привет"? — Женя самым наглым проходит в дом, оставляя меня стоять в шоке. Развожу руками, закрываю дверь и следую за незванным гостем.

— Что ты тут делаешь? — повторяю я свой вопрос, когда мы наконец-то

останавливаемся на кухне.

— Да вот группа жалуется, что наша уважаемая староста нарушает сплочённость коллектива, — невозмутимо отвечает он и садится за стол.

— Сплочённость коллектива будем проверять на экзамене.

— Не хорошо отбиваться от своих, Паш. — Женя качает головой.

— Я и не собиралась. — возмущаюсь. — Просто не хочу.

И зачем я только оправдываюсь перед ним? Нужно выгнать взащей этого наглеца и все. Пришел без приглашения, так ещё и поучать меня вздумал. Чайник закипает, вместе с ним закипаю и я. Только я собираюсь высказать ему все, что думаю, как раздаётся трель звонка.

Блин. Блин! Мы с Женей переглядываемся, затем смотрим на дверь, пытаюсь разглядеть сквозь неё. Увы, такой способности у нас не наблюдалось, поэтому пришлось идти к выходу. На видеодомофоне видно, что за дверью стоят Стася, Илья и... Данияр. Нет, ребята не должны его тут видеть. А то подумают невесть что обо мне. Я, конечно уже девочка взрослая и мне почти 18, но все равно не хочется, чтоб они видели Самойлова тут.

Черт! Что делать? Смотрю на Женю, тот скалится, сложив руки на груди.

— Пойдём, — хватаю его за руку и тяну.

— Куда? — усмехается он.

— Прямоком в ад, дорогой друг, — мы подходим к двери в ванную, я открываю ее и заталкиваю туда Самойлова.

Он оценивающе оглядывает комнату, затем изрекает:

— В твоём аду приятно пахнет ванилью.

— Только попробуй хоть пискнуть, — грозно произношу, тыкая пальцем в грудь. Затем закрываю дверь и иду открывать Стасе.

А ведь мечтала, чтоб этот день прошёл спокойно. Без этих людей. А они возьми, да и припрись ко мне сами. Да ещё и все сразу.

— Чего так долго? — возмущается Стася, как только открывается дверь.

— В ванной была, — пожимаю плечами.

Данияр и Илья здороваются, затем я приглашаю их войти. Как бы мне хотелось, чтоб они отказались, но увы. Ребята с удовольствием приняли мое приглашение.

— А ты не думала, что у меня дома могут быть родители, — шепчу я Стасе, чтоб не слышали парни.

— Нет. Ты же мне сказала, что они заняты.

Надо было молчать. Черт меня дёрнул делиться с ней радостью. Когда же я наконец научусь анализировать свои ошибки и больше так не делать? Аттракцион «на те же грабли» уже начинает мне надоедать.

Мы проходим на кухню. Стася падает на стул, Илья стоит около неё, а Данияр разместился около барной стойки. И по иронии судьбы, если издевательство надо мной вообще можно назвать «судьбой», он оказался ближе всех к месту укрытия Жени.

— Мы пришли поговорить с тобой о ночи первокурсника, — начинает разговор Стася. — Нам, — она окидывает взглядом Илью и Дана, те поддерживают ее киваниями, — очень не нравится, что ты хочешь пропустить эту легендарную вечеринку.

Еще одни. За что мне все это?

— Я не хочу, — отвечаю равнодушно. — Это не для меня. Я лучше проведу вечер в компании своих книг.

— Я же говорила, — пожимает плечами Стася, обращаясь к парням.

— Спокойно, я все решу, — отзывается Дан. Ох, очень мне интересно, как у него это получится? — Паш, как у тебя обстоят дела с честностью?

— Что? — не догоняю я. Чего ему до моей честности?

— Ну, ты же честная леди. Значит должна честно выполнять проигранные желания. — Дан самодовольно улыбается.

— Вообще-то проиграли мы со Стасей и желание должны выполнять мы обе. — возражаю я.

— Илья со Стасей разберутся сами. — махнул на них рукой Данияр.

Только собираюсь возразить, как из ванной доносится мелодия. Вот же... Мгновенно напрягаюсь всем телом.

Ребята кидают на меня недоумевающий взгляд.

— Машинка закончила стирку, — выпаливаю первое, что приходит на ум. — Ладно, я согласна. Приду, если вы сейчас же свалите и дадите спокойно провести хотя бы день субботы без вас. — решаю дать им желаемое, чтоб они отстали.

Дан, Илья и Стася переглядываются, затем кивают.

— Я же говорил, что все получится, — усмехается Дан, затем подходит к Илье и Стасе и дает им «пять».

Закатываю глаза. Снова развел меня.

— Тогда до вечера, — Стася встает.

— Да, — подтверждаю я свое решение.

— Я заеду за тобой в восемь, — у самой двери объявляет мне Дан. Я готова была возразить, но уже представила, как этот спор может затянуться еще на долгие часы, а в ванной у меня сидит весомый аргумент, почему я должна скорее распрощаться с друзьями.

Поэтому я соглашаюсь на предложение Данияра, прощаюсь, наконец-то выпроваживаю их и иду к ванной.

Открываю дверь, Женя с королевской важностью сидит на унитазе.

— Мы чуть не спалились, — рычу я. — Проваливай отсюда!

— Да, мне пора, — вид у него слегка растерянный. Видимо, моя ярость немного ошарашила его. — Увидимся, кидает он у двери и уходит прочь.

Сумасшедший дом просто.

Даже после того, как "гости" соизволили свалить из моей субботы, мне все равно не удалось расслабиться и провести день так, как планировалось с утра. Как, скажите мне, сосредоточиться на романе, если в голове этот кареглазый нахал?

Он раз за разом врывается в мою жизнь и переворачивает ее с ног на голову. А что в это время делаю я? Млею, как овечка. А ещё покрываюсь мурашками. И с трудом могу заставить себя оторвать глаз от него.

Ну вот, снова голову атаковали о Жене. Когда же это прекратится? Дала себе установку начать жизнь заново, и тащу в неё чемодан старых мыслей.

Интересно, зачем он приходил? Неужели, действительно, чтоб уговорить идти меня на эту дурацкую вечеринку? Это глупо. Зачем ему там я? Он прекрасно оторвётся там с Олесей. При воспоминании о ней внутри что-то загорается, будто фетиль, который неизбежно приведет к взрыву. И этим взрывом хочется уничтожить все вокруг. В природе это чувство величают ревностью, по-моему.

Да, точно. Ревность.

Странно, почему я не ощущала ее так остро к Свете? Может, подсознательно считала

себя лучше ее. Верила в своё превосходство. А здесь... Ухоженная красивая девушка, с невероятно соблазнительной фигурой. И даже не такая тупая, как его бывшая пассия. Мне определённо есть чего опасаться.

Вернее было бы, если бы мы были вместе. Да. Одумалась немного.

Хотя, кого я обманываю? Мои чувства к нему живы, как никогда. Мало того, что они живы, но ещё и неплохо подкрепляются ревностью и другими странными ощущениями, связанными с его появлением.

В душе теплится надежда, что он приехал ради меня, а не ради уничтожения моей жизни.

"Я сделала твою жизнь невыносимой" звучит у меня в голове Женина фраза. Фраза, которая стала загадкой.

Чем же я могла так насолить ему? Может, имеет смысл набраться смелости и спросить?

Что-то мне подсказывает, что я боюсь услышать ответ. Боюсь услышать свою самую страшную версию.

Что все, что происходило летом — была игра. Или ещё хуже — месть. Сможет ли сердце разбиться дважды?

Не знаю, но если услышу эти слова, вряд ли выдохну с облегчением, что на одну тайну стало меньше.

И что выходит? Что правду услышать я боюсь, а жить в неведении — невыносимо.

А-а-а. Как же сложно жить с этими чувствами. Соскучилась по своей беззаботности в школе. Как же легко было жить, когда сердце не изнывало от тоски по человеку, который меня предал.

В голове куча вопросов, и ни одного ответа. С ним всегда было так. Так необычно, непохоже ни на что, и так...Трепетно.

Как же я соскучилась....Стоп. Снова дала слабину и позволила чувствам взять верх над разумом. Когда же меня отпустит?

Время до восьми пролетело, как одно мгновение. Хорошо, что я успела собраться. Иначе пришлось бы идти на вечеринку в пижаме. Хотя, сейчас такая мода, что все решат, что так и было задумано.

Особо наряжаться не хотелось, поэтому надела чёрные джинсовые штаны и белую блузу в горошек. В, конце концов, я же староста. А это статус. Можно сказать должность. И я должна соответствовать ей.

Отпрашиваться на эту ночь решила у мамы. Так как дома не было ни одного из родителей, пришлось делать это по телефону.

Мать настолько была занята, что даже не дослушала до конца мою просьбу и заранее дала "добро" на все.

Дан заехал за мной, как и обещал, в восемь. По дороге сообщил, что ночь первокурсника будет проходить в Малибу. Да-да, в моем обожаемом местечке.

Почему такое могло произойти только со мной?

Испортить летние каникулы одной безумной выходной, влюбиться в парня, который заведомо ненавидит всех городских, пережить измену, попасть с ним в одну группу, нехотя отправиться на вечеринку так ещё и в клуб, который бесит одним видом. По-моему, я сорвала куш. Куш так называемого лоха. Или неудачника. Как вам удобнее.

Весь путь до Малибу Данияр пытался завести со мной диалог, вовлечь в какую-нибудь интересную тему, но попытки тщетны. На сегодня в моей голове не осталось свободных

мест, как и всегда. Мне очень понравилось, как он с понимаем относится к моему поведению. Хотя иногда это сложно. Да что там иногда... В последнее время я вообще веду себя подобно постояльцам психлечебницы.

Данияр хороший парень. Симпатичный, с красивой улыбкой. Умный, стоит заметить. Как он меня дважды провел уже? Не слишком напористый, но в меру настойчивый. С ним интересно поговорить, он многосторонний. И может мне стоит дать ему шанс?

Не вечно же мне страдать по... Ну вот! Снова здравствуй. Мысленно злюсь на свой мозг, за то, что все темы сводит к одному. К одному Жене.

До клуба мы доехали быстро, Дан оставил машину на парковке, затем мы пошли внутрь. В моем персональном аду уже громко играла музыка. Народу было — тьма. Дан взял меня за руку, чтоб не потерять в толпе, и повел к барной стойке. Вроде бы обычный жест, но от чего-то мне стало жутко неловко.

У барной стойки нас уже ждали Стася с Ильей. Подруга заказала нам по коктейлю, ребята принялись что-то живо обсуждать. Оглядывая толпу, я то и дело натыкалась на знакомые лица однокурсников, приветствующие меня кивком или улыбкой. Женья не было. Ну, по крайней мере, я не увидела его.

Бармен подал нам два бокала с оранжево-красной жидкостью. На стенке бокала красовалась клубничка и долька апельсина. Выглядит очень... Вкусно.

— Это их фирменный коктейль, — потягивая жидкость через трубочку, произносит Стася.

— М-м-м, — отвечаю мычанием, но вряд ли она меня слышит. Слишком громкая музыка.

Спустя несколько минут к нам присоединяются ребята и принимаются рассказывать какую-то смешную историю. Данияр стоит сзади меня, положив свою руку на спину моего стула. Он пытается меня приобнять? Или я параноик?

Не придав значения этой мелочи, продолжаю попивать приятную жидкость, вкус которой напомнил мне дел села и водку с апельсиновым соком в пластиковых стаканчиках. Три бы таких Малибу отдала, чтоб еще раз повторить тот день. Настроение медленно и уверенно катилось в огромную яму под названием «воспоминания».

Так, нужно прекращать ностальгировать, а то расплачусь, прямо в клубе под песню Дорна. Вот это будет шоу. Отогнав меланхолические мысли, снова вовлеклась в беседу друзей. Данияр рассказывал о своей поездке в Англию этим летом. Мне тоже есть что рассказать про лето, но не вам, ребята.

Пока слушала Дана, не заметила, как осушила бокал. Слишком вкусный был коктейль.

— Еще? — спрашивает Стася.

— Нет, спасибо, — отрицательно качаю головой. Я помню, что было в последний раз. Повторения не хочу. Вернее хочу, но нет гарантии, что оно будет именно таким, каким мне нужно.

— Может, потанцуем? — предлагает Дан.

Стася вопросительно смотрит на меня. А что я? Как будто я бралась решать судьбу всей компании. А насчет потанцевать — я не против. Алкоголь поднял настроение, раскрепостил и обострил чувство такта. Поэтому я киваю, и мы идем на танцпол.

Стася с Ильей танцуют в сторонке, очень откровенно. Видимо, забыли, что они не одни. У них такой счастливый вид. Как же я им завидую. У них все так просто. Никто никого не предал, никто никому не изменил. Просто чистые отношения, непорочные чувства.

Данияр танцует рядом, танцует хорошо, ловя телом ритм музыки. По-моему, двигается он даже лучше чем я. Но мне главное, что я отдыхаю душой. Танцую так, как требует она. Плавно, медленно... И пусть иногда не совсем попадаю в такт, зато довольна собой.

Закрываю глаза, полностью отдаю себя музыке. Мое тело расслаблено, движения не принуждены. Приоткрываю глаза, Данияр рядом, закрываю и дальше ловлю импульсы. С ним спокойно. Не знаю, как зародилось это чувство, но сейчас оно ощущается остро.

Чувствую на талии чьи-то руки, но не одергиваю их. Продолжаю свои медленные движения.

Перед глазами возникает лицо Жени, на том сама дне села. Его подрагивающие уголки рта, намекающие на улыбку. Вспоминаю его руки, уверенно прижимавшие меня к себе. Его смелые губы, накрывающие мои и пьянящие меня.

Вспоминаю, как на мостике ощущала всей спиной его близость. Чувствовала у себя на шее его дыхание. Переплетение наших рук. Его горящие глаза, голос родной с едва различимой хрипотцой. По телу пробегает волна мурашек от нахлынувших воспоминаний.

Открываю глаза, и реальность больно бьет по глазам. Передо мной Данияр. Красивый, милый обаятельный, но с одним огромным минусом. Он — не Женя.

Музыка заканчивается, я выпутываюсь из рук Дана, извиняюсь и убегаю в дамскую комнату.

В туалете, по всей видимости, очень хорошая звукоизоляция, потому как музыки здесь почти не слышно. Подхожу к умывальнику, набираю прохладной воды в ладоши и выплескиваю на лицо. Смотрю на себя в зеркало, щеки красные, глаза бегают, как под действием запрещенных препаратов. Закрываю глаза, набираю воды и еще раз умываюсь. Открываю... В зеркале появляется Женя.

Дожила. Уже глюки мучают.

— Тебе совсем не интересно, что я делаю в женском туалете? — от его голоса вздрагиваю и оборачиваюсь. Нет, не глюк. Вот теперь мне очень интересно, что он тут делает!

— Что ты хочешь? — дрожащим голосом задаю вопрос.

— Ты меня боишься?

— Слишком внезапное появление, — выдыхаю и стараюсь унять бушующее сердце. От испуга ли?

— Паш, — от своего имени в его исполнении я уже отвыкла, поэтому против свой воли посмотрела ему в глаза. Женя выглядел очень странно. Еще более растерянный, чем утром. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори, — пожимаю плечами.

— Между тобой и этим Ильей что-то было? — тон серьезен, как на допросе. Но от смысла вопроса я просто взрываюсь истерическим хохотом.

— Что? — выдавливаю из себя свозь смех. — С чего ты взял?

— Я видел вас.

— Не мудрено, он — парень моей подруги. Мы часто пересекаемся, — подавливая смех произношу я.

— Я видел вас без нее. Когда ты уезжала на презентацию к маме. — он впервые виновато отводит глаза.

— Мы встречались, что договориться о дне рождении Стаси... — уже не до смеха мне. Выходит, он все-таки приезжал.

— Вы обнимались, — зло цедит Женя.

— Он поблагодарил меня за помощь и обнял на радостях... Погоди... — я замолкаю. В моей голове начинаю двигаться шестеренки, выстраивая логическую цепочку из открывшихся фактов. — Ты подумал, что я изменила тебе?

— Да, — не старается слукавить он. Ошарашено смотрю на него. Он удивлен не меньше. Женя делает шаг навстречу. — Паш, я увидел вас. Меня будто водой холодной окатило. Надумал себе, черт знает что. Еще света подначила меня...

— Замолчи, — цежу я. Чувствую, как ку глазам начинают подкатывать предательские слезы. Не плакать. Нельзя плакать. — Я видела вас. Вернее слышала.

— Я знаю, — виновато произносит Женя. — Я видел, как ты убегала...

Что? То есть, он знал, что я все видела? И даже не попытался догнать? Не попытался даже узнать, кто этот парень!

— Паш, прости меня. Ты нужна мне, — он делает еще шаг навстречу, но я отшатываюсь от него.

— Ты думаешь, что тот факт, что ты ошибся, аннулирует твою измену? — по щеке катится предательская капля. Дверь в туалет начинает дергаться, затем стук. Но я не отрываю взгляда от Жени. — Ты серьезно так думаешь, — заключаю я.

— Паш.. — Женя протягивает ко мне руки, но я осекаю его.

— Стой. Мы с тобой из разных миров. Сразу было понятно, что у нас ничего не получится. Поиграли и хватит, — добиваю я его его же словами. Женю будто резануло, он отшатнулся. — Знаешь, что мне больше всего? — он смотрит на меня, как избитый пес, — что ты смог усомниться в моей верности. Я понимаю, у нас было мало времени, чтоб доказать друг другу что-то, но ты же видел, как я смотрела на тебя. Все видели! — голос срывается на крик. — Почему ты не поговорил? Лучше бы ты кричал! Лучше бы обвинил и бросил! — стук в дверь становится настойчивее.

— Паш, послушай... — он отмирает.

— Не могу. И не хочу, — смахиваю слезы с щек, открываю дверь и вылетаю, как пробка. В голове стоит какой-то непонятный шум, перед глазами все мелькает, как в замедленной съемке. Я бегу, пока не врезаюсь кому-то в грудь. Поднимаю глаза. Данияр. Он смотрит на меня с минуту, изучая меня взглядом. Затем произносит:

— Уедем отсюда?

Киваю. Хватаюсь за его предложение, как за спасательный круг. Он берет меня за руку, тащит к двери, расталкивая народ. Слезы заканчиваются, как только мы выходим на улицу. Осенняя прохлада отрезвляет сознание, заполняет грудь свежестью. Мы идем к его машине молча. Дан открывает машину, залезаю на сиденье, он садится за руль и трогается. Отъезжаю из клуба, не знаю зачем бросаю взгляд в зеркало заднего вида. У выхода стоит Женя. Как статуя. Покрываюсь мелкой дрожью, нахожу в себе силы и отвожу взгляд.

Глава 16. Данияр

Ночь субботы, стала переломным моментом в моей новой жизни. Слишком много новых деталей открылось, чтоб так просто закрыть на них глаза. Боль раздирала такая, что хоть на стенку лезь. Боль не от измены, от его сомнения в моей верности. От того, что он так легко отказался от меня. Он видел, что я приходила к нему. И не остановил. Не пришёл. Не позвонил.

Провелся на поводу своей ревности, обратив меня в предателя. Послушал эту Свету, наделал глупостей. Разбил сердце.

Напрасно я думала, что если узнаю причины его поступка — станет все ясно. Но понятнее не стало. Больно — да. Неприятно, мерзко, досадно. Но не понятнее.

Выходит, приехал он сюда, чтоб отомстить мне за измену? Измену, которой не было и не могло быть, потому что слишком сильно люблю Женю.

Воскресенье я провела в постели, не занимаясь ничем, кроме как анализом своей жизни. Вернее, руинов моей жизни. Выключила телефон, чтоб не давать лишний повод Стасе помешать моему самоедству.

Родители, на удивление, оказались оба дома, и каждый посчитал своим долгом зайти и поинтересоваться, что у меня случилось.

Слава Богу, что после обеда им позвонил из старый друг и выманил их из дома.

Остаться наедине с собой — роскошь, которая нужна мне сейчас. Я пылко пыталась разобраться в своих чувствах, но видимо, ещё находилась в шоке от вчерашней ночи, чтоб рассуждать трезво.

Если у меня вообще это получится когда-либо. Все чаще ловлю себя на мысли, что стала жертвой войны собственного сердца и разума.

Даже сейчас, окончательно удостоверившись в измене Жене, я не испытывала к нему жгучей ненависти. Нет, вся та же любовь, просто пронизана болью и обидой.

Только, что мне с ней сделать? Выходить или добить?

Это решать уже разуму. Но он ушёл в сторону, предоставив меня на терзания своим чувствам, которые бушевали уже сутки.

С виду я спокойная и безмятежная, но внутри...

"Простить, он ведь раскаивается" VS "послать, он же изменил".

"Он тебя любит" VS "он тебе изменил".

"Он сделал это на эмоциях" VS "но он сделал это".

"Ты же его любишь" VS "но он изменил тебе".

Эти жестокие бои не прекращались никогда. Лишь один, сменял другой. Я ретиво старались искать ему оправдания, но все они в одно мгновение ока рушились о много "но".

Смогу ли я когда-нибудь простить его?

Простить так, чтоб всей душой отпустить этот день, эти слова, что так прочно засели в моей памяти.

Не знаю, и как узнать — непонятно. Единственное, что я знаю — если Женя сейчас начнёт так темпераментно добиваться моего прощения, или даже разговора, это лишь оттолкнёт меня и ещё больше запутает и без того запутанные мысли.

Словно почувствовав мои опасения, Самойлов всю неделю не подходил ко мне на пушечный выстрел. Изредка кидал на меня покаянные взгляды, но не больше. Глаза Жени

горели, до этого невиданным мне, огнём. В них отчётливо читалось сожаление, мучительность ситуации и безызвестность. Думаю, в моих читалось тоже самое.

Неделю он держался оторвано от всей группы, что очень не нравилось Олесе. Она то и дело посылала Самойлову брюзгливый взгляд. Тот флегматично отмахивался от неё, доводя ее чуть ли не до бешенства.

Я, конечно, не сильно страстно следила за ними, но этого заметить — просто невозможно. Стася почуяла неладное чуть ли не сразу, когда увидела меня. Когда увидела и Женю, то ее догадки лишь подтвердились. А нападки на меня усилились. Я знаю, что иногда после разговора становится легче, но пока не готова разделять это с кем-либо.

Мне нужно разобраться в себе, не приобщая мысли Стаси к своим. А это будет сделать практически невозможно, если она будет в курсе. Поэтому ее незнание — гарант моего автономного решения, которое я надеюсь принять очень скоро.

Если честно, видеть такого Женю — сомнительное удовольствие. Взгляд пустой, пропащий. Даже страшно порой заглядывать в некогда полные жизни глаза. Будет лучше, если я освобожу его от сомнений.

Хотя, я ведь ничего ему не обещала. Никаких "подумаю", никаких "точно нет". Я не обязана вообще давать ему всякий там ответ.

И вообще, я ничего не должна ему.

В пятницу, меня у раздевалки подкараулил Дан, который тоже неделю не тревожил меня. Кстати, очень удивил тот факт, что он не рассказал о нашем маленького секрете ни Стасе, ни Илье. Во втором не уверена, но считаю что Илья наверняка растрепал бы все Стасе. Поэтому склонна думать именно так.

Поинтересовавшись как мои дела, Данияр долго не думая, предложил прогулку в субботу. В парке. Я отнекивалась как могла, нашла сто причин, чтоб сказать "нет", но Дан нашёл сто одну причину, чтоб сказать "да". Поэтому я сдалась под шквалистым напором моего дружка.

Да, и прогулка с ним может пойти мне на пользу. В последствии, наша встреча может принести хоть какой-то толк в мою жизнь. Например, внезапно пойму, что вспылала чувствами к нему и дам Жене отворот поворот. А если нет, то просто приятно проведу время. Возможно даже, что Дану удастся вырвать меня из этой судьбоносной войны внутри меня. А я и не буду сопротивляться. С радостью проведу хотя бы денёк в своём настоящем, а то в последнее время поселилась в прошлом.

В субботу в два за мной заехал Данияр. Парк был выбран центральный, потому что он самый большой в городе. И по словам Дана, он не отпустит меня, пока мы не обойдём его весь.

День сегодня хмурый. Небо застлано тучами, ни одного урывка вчерашней голубизны. Воздух чистый и влажный напомнил мне Ромашково. Тоска нам сегодня не нужна, поэтому разом отмела все воспоминания.

Дан припарковался недалёко от входа в парк. Мы вышли из машины и направились к воротам.

Деревья уже накрылись медово-золотистым покрывальцем. Надо же, я даже не заметила, как осень взяла все в свои владения.

— Будешь кофе? — поинтересовался Дан, заметив фургончик торгующий напитками.

— Можно, — пожала плечами.

Не поинтересовавшись, что именно я буду, Дан направился к продавцу, греющего

ладони своим горячим дыханием.

Через пару минут, Данияр уже шёл ко мне с двумя стаканчиками парующей жидкости.

— Твой карамельный латте без сахара. — он протягивает мне один из стаканчиков.

Охотно принимаю и киваю в знак благодарности. — как и заказывала.

— Я ничего не заказывала, — поправила я эту неточность.

— Надо же, ты все-таки меня слушаешь. — наигранно удивился Дан. — я уж думал, что ты беруши в уши вставила, лишь бы меня не слушать.

— Нет, — протянула я. — просто погода такая, противные мысли о вечном прямо парят в воздухе и так и пытаются проникнуть в мою голову.

— Мысли о вечном? — Дан проглядывался, затем наклонился ко мне, — я думал, это прорыв канализации парит в воздухе.

Я улыбнулась ему искренне и от души. Он не стал выпытывать у меня, что за мысли, а значит я сделала правильный выбор, приняв его предложение.

Мы шли медленно по глухому парку и болтали о птицах. Да, лишь о птицах, которые летают над нами. Все было легко, непринуждённое, как и всегда, когда я находилась рядом с ним. Он рассказывал мне какие-то нелепые ситуации, заставляя смеяться над человеческой глупостью. Я просто молча внимала его покой, словно наполняясь им изнутри. Парень-пластырь. Не заживил все мои раны, но обезболит.

Устав бродить по парку, мы присели на тусклую лавочку.

— Нравится? — Дан кивнул на мой стаканчик, который я поставила на скамью, чтоб согреть руки в карманах.

— Да, спасибо, очень вкусно.

Я не слукавила. Кофе пришёлся мне по вкусу. Несмотря на то, что я вообще больше предпочитаю чай. Дан, словно читал меня.

Это даже немного пугало.

"Женя, решивший, что я способна на измену или Дан, который даже кофе идеально подобрал мне?" — в моей голове возник этот странный вопрос, но я отмела его. Нельзя их сравнивать. Небо и земля.

Где-то в дали послышался крик девочки. Не знаю, зачем, но я решила сходить и разведать обстановку. Вдруг ребёнку нужна помощь?

Мы шли минут пять, пока вдали не показался детский силуэт, смешно карабкавшийся на дерево, словно обезьянка.

Мы подошли поближе и я наконец-то смогла разглядеть девочку. На вид ей лет семь, большие зеленые глаза, вздернутый носик. Золотистый Кудрин колосились из — под смешной шапочки с ушками.

Мне почему-то сразу вспомнилась Карина. Меня словно кипятком обдало. Ангелочек считал меня своим другом, а я даже не попрощалась. Неправильно все жто. И если бы вернуть назад мое лето, обязательно бы сдержала себя, не бросилась в бега в город. Но, что уж сейчас говорить? Все ошибки сделаны.

— Ты дерево оседлать пытаешься? — спрашивает Дан, присев на одно колено.

— Нет! Он там! — девочка кивнула на дерево.

— Кто там? — я посмотрела вверх, но не заметила ничего, что могло бы означать ее "он".

— Димка! — всхлипнула она.

— Девочка, а где твои родители? — осторожно поинтересовался Дан.

Я в очередной раз отметила его здравомыслие.

— Мама вон, — девочка ткнула пальцем в стоящую к нам спиной женщину у фургончика.

— Так, и что за Димка там? — продолжал допрос Дан.

— Мой котёнок! Его напугала собака и он заскочил на дерево! — на глазах у малышки выступили кристальной чистоты капли. — Мама будет ругаться. Она ведь говорила мне, чтоб я не брала его в парк... — девочка разревелась окончательно.

— Ну-ка, остановить водопады, — скомандовал Дан, — сейчас будем вызывать супермена.

— А он нам поможет? — всхлипнул ангелочек.

— Нет, конечно.

Я выгнула вопросительно бровь. Он издевается что-ли над ребёнком?

— Сегодня он на важном задании. Спасает бегемота, угодившего в болото, — заговорщическим голосом продолжил Дан, — но я тебе помогу. Вернее сделаю, что смогу.

Далее не теряя времени, он полез на дерево. Мы с пострадавшей молча увлечённо наблюдали за тем, как он умело преодолевает одну ветку за другой, карабкаясь все выше.

— Нашёл! — крикнул он сверху и мы радостно захлопали в ладоши.

Пока наш герой опускал пропажу, мы с девочкой успели познакомиться. Ее зовут Таня, ей шесть и в следующем году она идёт в школу.

Данияр слез быстрее, чем поднялся и уже через минуту вручил перепуганного котёнка Танечке. "Держи его крепче", — напоследок дал наставление Дан и мы пошли прочь, так как к девочке уже подошла мама и явно не понимала, что мы забыли рядом с ее дочерью.

— У тебя талант, — разрезаю я тишину.

— Спасать котят? — усмехнулся он.

— Нет, ладить с детьми.

— А-а-а. Просто мечтал о брате, тренировал на своих роботах манеры общения, но родители так и не сделали его. Пришлось расходовать свой потенциал на первых попавшихся детей. Хватал на улице ребёнка и засюсикавал его до полусмерти.

— Досадно, — усмехнулась я.

— А у тебя есть брат или сестра?

— Нет.

— А ты хотела бы?

Этот вопрос стоит отнести к тем, что ставят меня в тупик. Я никогда не думала об этом. Вот правда.

Но в свете последних событиях...

— Сейчас — да. А раньше, как-то не задумывалась.

— У-у-у, ты росла эгоисткой?

— Нет, хотя думаю, если бы ребёнком мне сказали, что в ближайшем будущем мне придётся делить свои игрушки и родителей с кем-то другим, я бы не была в восторге. Не люблю когда мое трогают.

Последняя брошенная фраза вновь закинула меня в омут воспоминаний. Нужно быть поаккуратнее со своими словами.

— Ты уникальная, — улыбается он.

— И странная. — добавляю.

— Не стану спорить.

— А мог бы ради приличия, — в шутку возмущаясь я.

Домой мы ехали молча. Может высказались ещё в парке, а может не хотели нарушать уют от нашего общения нелепыми фразами.

— Спасибо за день, — произносит Дан, останавливаясь у моих ворот.

— Спасибо тебе. На самом деле, ты сделал для меня даже больше, чем можешь подумать.

— Выходит, я герой сегодня и для тебя? — снова тёплая улыбка.

— Именно.

— Мне нравится эта роль. — он внимательно смотрит на меня и я чувствую, как напряжение в воздухе начинает расти. Нависает угроза поцелуя. А я не понимаю, хочу я этого или нет...

— Ладно, до завтра. — отмирает Дан. Ну, вот. Он сам решил судьбу окончания этого вечера. Снял с меня ответственность, за что ему огромное спасибо.

— Пока, — прощаюсь я и выхожу из машины. Чувствую что... Черт, да я же расстроена, что он не поцеловал меня!

— Пац, — он окликает меня. Оборачиваюсь и вижу, как он уверенно направляется ко мне.

— Не прощу себе, если не сделаю это. — после этих слов он впивается в мои губы. Удивлённо хлопаю глазками, пока язык Дана умело орудует в моем рту.

Вот тебе и логическое завершение прогулки.

Домой я заскочила, как испуганный кролик, сметая все на своём пути, а конкретно: маму, вешалку и книги, лежащие на столе.

Юркнув в комнату, прислонилась к двери и сползла по ней. События вечера выбили меня из колеи. Я не планировала этого. Думала, но не планировала.

Черт, я так нелепо сбежала от Дана... Что он обо мне подумает?

А что подумаю я?

Итак, что мы имеем: я целовалась с Данияром.

И что с того?

Я прислушалась к зову сердца — неа, глухо.

Минуту назад меня целовал офигетельный парень, который склеил меня по кусочкам за этот день, подарил мне вновь ощущение, что я живу, а я не почувствовал ничего, кроме того, что он меня целовал.

Не дрогнуло сердце, не подкосились ноги, не затрепетало все внутри. Кровь не ускорила свой бег и даже мурашек не было. Я, конечно, не специалист во всех этих делах сердечный, но по-моему, это все означает, что он мне не нравится.

Вернее, нравится, но как друг.

И что теперь делать? Вряд ли он согласится дальше терпеть мое нудное общество, если я продинамлю его. Значит придётся лишать себя единственного человека, угодившего моей душе. При мысли о том, что не будет повторения сегодняшнего дня, у меня тоскливо сжалось сердце. Что это, если не эгоизм?

Неужели я буду использовать парня в своих интересах?

А может, все появится позже... Просто пока мало времени прошло после разрыва с Женей... Да и, в конце концов, не со всеми же должно быть так, как с Самойловым — в омут и с головой. Бывают же и другие отношения. Более размеренные, обдуманные.

А чувства к Жене — может, они и вовсе прошли? А осталась лишь обида и боль. И задетое чувство гордости. Вообще-то, мой мозг может рисовать те еще картины, даже присваивать чувства, которых нет. Особенно после того, что я увидела и услышала, а затем узнала причину всех бедствий... Да, тут легко можно сойти с ума.

Есть один способ проверить... Только, как потом я объясню Жене этот поцелуй?

В понедельник я очень старалась избегать встречи с Даном. Не была готова встречаться с ним, после нашего... прощания. Вот он спросит меня " что между нами?", и что мне ответить?

" Не знаю, но чтоб понять, это, мне нужно поцеловаться с другим? Сравнить, так сказать, ощущения". Правдиво, но думаю, он не оценит. Поэтому пока придётся попрыгаться.

После последней пары я готова была праздновать, что хоть что-то задуманное мной, осуществилось. Учеба закончилась, осталось только прошмыгнуть к выходу, а там легче.

Ребята покидали аудиторию, прощаясь, а я осталась ещё на пять минут, чтоб дозаполнить журнал.

Звук закрывающейся двери заставил отвлечься меня и поднять глаза.

У выхода стоял Женя. Полный решимости. Разговора не избежать.

— Нам нужно поговорить, — решительно заявляет он.

Я киваю.

— Хочу, чтоб ты выслушала меня. — он подходит к моей парте, склоняясь надо мной.

— Поцелуй меня, — говорю, смотря прямо в изумительного цвета глаза.

— Чего? — удивляется он.

— ПОЦЕЛУЙ.МЕНЯ. - произношу по слогам каждое слово.

Женя опешил, с минуту он просто внимательно всматривался в мои глаза, затем нагнулся и накрыл мои губы своими.

Ну вот! Другое дело. Сердце учащенно бьется, пульс зашкаливает. Даже сгоревшие бабочки, воскресли, словно феникс и бьются о стенки моей брюшной полости. Глаза закрылись сами собой. Его язык уверенно раз за разом проникает в мой ротик, выбивая из легких весь воздух.

Такими должны быть поцелуи. Безбашенными, полными эмоциями и сопровождаемые выбросом эндорфина. Мои догадки подтвердились. К Дану я ничего не чувствую. Даже четверти того, что чувствую к Жене.

Отстраняюсь от Самойлова, он непонимающе глядит на меня.

— Спасибо, — бросаю я небрежно, затем хватаю журнал, сумку и лечу к выходу.

— Паша, я...

— Увидимся, — прерываю я его и выскакиваю из кабинета.

По пути в деканат я все думала о том, что такая все-таки вселенская несправедливость: влюбиться в безумца, который по крупицам разрушает мою нормальную жизнь и не вспылать чувствовать к человеку, который так упоенно смотрит на меня.

И какая же ирония судьбы, что именно с ним я чувствую себя полноценным человеком.

Дан нужен мне. Нужен, как друг. Как бы мне хотелось вернуть вчерашний день и не допустить этот поцелуй, который рисовал точку в нашем общении. Но для Дана же казалось, что это шаг вперед. Но только это шаг в пропасть.

Черт! Мысленно выругалась я на себя. Что мне делать? Как правильно подобрать слова, чтоб обеспечить его присутствие в моей жизни? Он ведь испытывает ко мне что-то, а значит, ему будет сложно... И смогу ли я закрыть глаза на свой эгоизм в данной ситуации?

А-а-а. Голова дымилась.

Хоть что-то в моей жизни стало понятно.

Мои чувства к Жене — реальность. Только вот я пока не решила, радует она меня или огорчает.

До дома я добралась без происшествий, а там стало легче само собой. Здесь я ощущаю себя в безопасности. Здесь могу укрыться от всего мира, полностью контролировать ситуацию с просачиванием в мою крепость жгучей реальность. То бишь: выключил телефон — обезопасил себя от внешнего мира. Не выключил — жди беды непременно. Особенно если там, за стенами своей крепости, ты немало дров наломала.

Сегодня я не перекрыла доступ в реальность и уже в шесть вечера телефон орал благим матом, оповещая о том, что кто-то все-таки хочет нарушить мой покой.

«Данияр»

Ладно, ему придется ответить, так как его покой я уже нарушала. Да, и не брать трубку — слишком подозрительно. Ладно не пересечься в универе. Там может быть загруженный день, несопоставимость наших учебных пар, да и просто огромная территория, на которой возможно не увидеться. А вот телефон — это другой. За пропущенный придется отвечать. Поэтому решая не оттягивать неизбежное, приняла вызов.

— Алло. Привет, Павлина, — донесся слегка взбудораженный голос Дана.

— Привет.

— Как дела?

Вроде бы вполне дружеский разговор, ничего страшного, но почему-то внутри все сжалось в тугую узел. Не знаю, как это удалось, но я сильно привязалась к нему. За ту ночь, что он вез меня из клуба. За день. За нелепые шуточки в боулинге. Я реально боюсь его потерять.

— Не плохо, — вру я. — А твои?

— Павлина, — он шумно выдыхает. — нам нужно поговорить.

Интересно, в моем гороскопе написано, что у меня сегодня неблагоприятный день для серьезных разговоров?

— Хорошо.

— Я приеду через двадцать минут, выйдешь?

Нет, останусь сидеть в своей крепости и ждать, пока кто-то другой решит все мои проблемы.

— Угу, — мычу я и скидываю трубку.

Ну вот, сегодняшней день принесёт мне ещё одну ясность. То ли жизнь начинает налаживаться, то ли рушится окончательно. Разобраться бы, чтоб подготовить себя к падению Помпеи.

Данияр оповестил меня о своём приезде смской. Я натянула спортивный костюм и поспешила на улицу. Заверив маму, что я не замёрзну, не заболею, не уйду никуда от двора, наконец-то смогла выбраться из дома.

Белая оптимка была припаркована у самой калитки.

На улице срывался мелкий дождик, похожий на влажную крупу. Я натянула капюшон на голову и направилась к Дану.

Внутри ощущалось вполне себе весомое волнение. Не каждый день мне приходится разбивать мужские сердца. Сомнительная это радость. Пиная желтую листву ногами, спокойно иду к оптиме.

— Павлина, — меня окликает такой до боли родной голос, который пронизывает меня, похлеще ветра. Оборачиваюсь и вижу Женю. — Давай поговорим, — добавляет он, делая пару шагов навстречу.

— О чем? — устало спрашиваю.

— Ты знаешь.

— Знаю, давай не сейчас? — думаю о Дане, который сейчас будет поставлен в очень неловкую ситуацию. Он, словно почувствовав, что я о нем думаю, вышел из машины.

— Паш, все нормально? — настороженно поинтересовался Дан, игнорируя присутствие Жени. Но вот Самойлов игнорировать никого точно не собирался. Он напрягся всем телом и смотрел на Данияра, словно бык на красную тряпку.

— Все хорошо, — поспешил я ответить Дану, но больше этот ответ предназначался Жене.

— Сядь, откуда вылез, — злобно рычит Женя, и это явно не мне. Самойлов уже уверенно сокращал расстояние между ним и Даном. Почувствовав опасность, встала между ними.

— Хватит, — строго говорю. Дождь усилился, капли стали больше и тяжелее.

— Паш, отойди. Все будет хорошо, — рассудительно произнёс Дан из — за моей спины и слегка сдвинул меня с места. Я хотела возразить, но мой пыл перебил красноречивый взгляд Жени. Нужно быть тупой, чтоб не понять его.

Они смотрят друг на друга с неприкрытой яркостью и злобой. Хотя, что им делить? Меня? Это ведь так глупо.

— Ещё раз повторяю, сядь в свою машину, и не мешай, — процедил Женя.

— А то что? — Дан держится хорошо. Либо не боится, либо делает вид. Понять сложно. Самойлов шумно вздохнул. — Паш, может поедem уже? Дождь усился. — Дан берет меня за руку, Женя тут же подлетает и хватается его за ворот.

— Не трогай ее.

— Отпусти! — я подлетаю к Самойлову, и пытаюсь вырвать Дана из железной хватки. На моем лице — страх, на Женином — злость. Лицо Дана слишком умиротворённое, для ситуации в которой он очутился. Все-таки, он невероятный.

— Отпусти его, — неожиданно холодно произношу я. Женя косится на меня, у Дана слегка дёргаются уголки рта. Либо ему весело, либо это психоз.

Женя с минуту сверлит меня взглядом, но я не намерена проигрывать этот бой. Не позволю случиться тому, к чему клонит Самойлов.

Хватит уже безропотно позволять своей жизни раз за разом разбивать меня о землю.

Женя не находя в моих глазах компромисса отпускает Дана и отходит на шаг назад. Я словно между двух огней, каждый из которого жаждет меня испепелить. По крайней мере, сейчас.

— Пойдём, Паш? — как ни в чем не бывало спрашивает Данияр.

Женя пускает искры из глаз, а Дан напротив слишком спокоен.

— Пойдёшь? — с издёвкой спрашивает Самойлов.

Ситуация выходит за грани реальности. Это просто бред. Капли соскальзывают с моих волос, падают на лицо, разбиваясь о мои щёки.

— Отвалите оба, — равнодушно говорю и ухожу прочь. Дальше будь, что будет. Пусть хоть поубивают там друг друга у меня под двором.

Хватит. Устроили перетягивание каната (в роли которого я выступала). Не хочу быть ни

с кем. Не нужны мне нафиг никакие друзья в лице Дана, никакие Жени и так далее.

Я просто хочу жить спокойно. Не бояться нового дня. Идти со спокойной душой в универ, не боясь, что на меня там снова обрушатся какие-то нелепые ситуации.

Я устала. Устала морально и даже немного физически.

Мне нужен отдых от всех обитателей планеты. На Луну улететь что-ли?

Ах, если бы я только могла.

Глава 17 Развязка

Вечер после сцены у двора выдался чересчур щедрым на эмоции. Я то ненавидела их обоих за то, что хоть и не в открытую, но вынуждали сделать ее выбор. Злилась на Женю, что он смеет вести себя так, будто я его девушка. Искреннее удивлялась выдержке Дана. Ещё я совершенно не понимала, неужели Женя меня приревновал? Да ещё и так в открытую.

А ещё меня совершенно не забавляло то, что я оказалась меж двух огней. Мне-то понятно, что это глупо, ведь Женю я любила, а к Дану лишь трепетные дружеские чувства, но они не могли догадываться о такой простой истине.

И злость, захватывая мой разум, стала главной помехой разругать ситуацию, минимизировав жертвы.

Только вот поговорить придётся. С обоими. Не вместе, конечно, но от этого не легче.

Утром я проснулась в отвратном настроении. Мелкий морозящий дождь внёс свою лепту в, и без того, ужасный настрой.

Есть ли мне за что ненавидеть осень? Совершенно нет. Лето — да. А вот рыжук озорную осень я должна любить, так как не раз находила сходство между нами.

Такие же непостоянные: то ласкающие тёплым солнышком, то хлыставшие ледяными каплями.

Но только почему-то трепетных чувств к этой поре я не испытывала. Сейчас серость угнетает, давит, отравляет. Слишком влажный воздух сложно вдыхать мелкие холодные капли оглушают, словно булжники. Хотя я сомневаюсь, что все дело в погоде.

Все дело в том, что с утра на меня вдруг рухнула реальность.

Я сама виновата в доброй половине своих бед.

Начнём разбор полётов с Самойлова Евгения: итак, моя первая и главная оплошность — то, что я не сказала ему о своих планах, в которых заранее красовалась встречала с Ильей. Вторая, что не смогла подойти сразу, как увидела тут и поинтересоваться, что он тут забыл. Да, это бы ударило по моей гордости, зато сохранила бы жизнь ни в чем не повинных нервных клеток.

Я, конечно, не оправдываю его полностью, но и свою вину признаю. Теперь признаю. И пока думаю, что мне с этим делать?

Далее по списку у нас Данияр (фамилию я до сих пор не узнала. Да и не хотелось):

Самая решающая ошибка в ситуации с ним то, что я дала ему надежду. Намерено, холоднокровно, осознавая, что люблю другого. Целовала его, вспоминая губы Жени, сравнивала ощущения, как настоящая... дура!

Вторая ошибка: предпочтение своего удобства правде и честности.

Данияр — очень хороший человек, он имел и имеет право на правду. И никакие мои страхи потерять его, не должны вынуждаться меня тешить его надеждами на светлое будущее.

Эту проблему я хотя бы знаю как решить.

Просто предстану перед ним и скажу: " Прости, Дан, я люблю другого. Но ты мне важен, как друг. Поэтому, если ты не хочешь меня выкинуть из окна, может попробуем дружить?"

Глупо, по — детски, наивно, зато правда. И никаких лукавств и уклонений. Все, как на

духу.

До универа я добралась мокрая, как курица. Зато размышления пошли на пользу. Откуда — то взялась смелость для разговора с Даном. И пока она не испарилась, беру телефон, набираю: " Давай поговорим? Жду на большом перерыве в столовой"

Ответ пришёл незамедлительно: " Буду ждать."

Он будет ждать, а я надеяться.

Томительные часы до перерыва тянулись до невозможного медленно, и когда прозвенел звонок, я незамедлительно бросилась в столовую.

Добравшись до неё за несколько минут, вошла в пустое холодное помещение первой.

Приземлилась за столик у окна и стала ждать его.

В столовую начали вливаться жужжащие толпы студентов, заполняя тишину ненужными звуками.

Данияра я заметила среди них не сразу, зато он — наоборот. Кивнув своим друзьям, он легко маневрировал между столиками, сокращая расстояние между нами.

— Привет, — он одарил меня тёплой улыбкой, невольно улыбнулась в ответ. — О чем разговор? — улыбка сползла с моего лица.

— Хочу быть с тобой честной... Ты хороший, — выдохнула, пытаясь правильно подобрать слова, которые упрямо не хотели ложиться в предложения. Волнение брало вверх над разумом. Я нервно перебирала пальцами, пока тёплая ладонь Дана не накрыла мои руки.

— Не переживай, я все понял. — улыбка, только уже не такая счастливая.

— Я не хочу прекращать с тобой общаться, — призналась я в тайне, которая волновала.

— Это и не обязательно. Я буду рад иметь такого друга, как ты, Паш. Я же говорил, что ты уникальная?

— Говорил.

— Вот, считаю абсолютной глупостью отказываться от такого человека в своей судьбе.

— Спасибо тебе, — слова вырывались из губ, а вместе с ними с души упал камень.

Он меня понял. Конечно, он ведь чудесный. Иначе и быть не могло! Зря только боялась.

Массивная ладонь Дана, по-прежнему лежала на моей руке, но жест не доставлял мне неудобства, ровно до того момента, как я не почувствовала на себе взгляд, острее ножа.

Невольно перевела взгляд на двери: Самойлов с равнодушным видом, но кричащими глазами, смотрел на нас.

Ещё один разговор, не терпящий отлагательств. Только на него решиться сложнее. Потому как в этот раз понимать придётся ей. Или не понимать. Это как душа решит.

— Знаешь, ему очень повезло. — голос Дана вывел меня из транса, куда я заглядывала в последнее время все чаще, в поисках ответа, а находила только больше вопросов.

— Это можно счесть за комплимент?

— Да. Что он натворил?

— Изменил, — равнодушно отвечаю. Это слово почему-то больше не пробивает тело мелкой дрожью.

— Низко. Но этого оказалось мало.

— Для чего? — не понимаяюще смотрю на Дана.

— Чтоб ты перестала смотреть на него так, как смотрела минуту назад и вчера.

— Все сложно, — отмахнулась я. Не посвящать же его и впрямь во всю историю. Совесть-то у меня есть.

— У сложных людей, все сложно, усмехнулся он. — Ладно, пойду, перекушу.

Увидимся, — перед тем, как убрать свою ладонь с моей, он ее немного сжал, затем ушёл,

Я смотрела вслед удаляющейся фигуре моего друга, и понимала, что с Женей так просто не будет.

Посидев ещё с минуту, прислушавшись к внутреннему голосу, который говорил мне, что кушать я не хочу, а лишь хочу сбежать туда, где меньше народа, я встала и пошла, аккуратно лавируя между столиками.

Жени уже не было в столовой. Он пропал так же внезапно, как и появился.

Я вышла во двор университета, там людей не было совершенно. Сырость и слякоть спугнули всех надолго.

Небо хмурится, ветер резкими порывами заставляет деревья зашуметь листвой. Осень беснуется.

Присев на лавочку я принялась рассматривать тучи в отражении луж.

И, видимо, слишком увлеклась, что даже не заметила, как на лавочку присел Женя.

— Не замерзнешь? — внезапность вопроса заставила меня встрепенуться

— А ты? — не поднимая на него глаз.

— Это забота? — снова застал врасплох. Он по-другому вообще умеет общаться? Это не забота, в данной ситуации я ляпнула это, чтоб просто ляпнуть. Не подумав даже. Но ведь ему это знать не обязательно. — Ладно, проехали. — неужели он понял, что поставил меня в неловкую ситуацию. — Ты меня ненавидишь? — почему-то вопрос прозвучал, как утверждение и заставил меня усмехнуться.

— Не за что?

— Наоборот: столько причин. Какую именно выбрала?

Какую именно выбрала, чтоб ненавидеть? А никакую. Не смогла ненавидеть, как не пыталась. Злиться, обижаться — да. Но не больше.

— Ненависть отравляет душу.

— Мою или твою?

— В данной ситуации ничью, так как ее нет. — Женя удивился, это я заметила даже боковым зрением.

— Зачем ты просила тебя поцеловать?

— Нужно было понять кое-что.

— Что тебя от меня не тошнит?

— Да, типо того. — слукавила, но не говорить же, что я хочу сравнить ощущения. Ну слишком это цинично.

— Пац, нам все-таки нужно поговорить.

— А до этого мы что делали?

— Ну, не строй из себя дурочку. Ты же прекрасно понимаешь.

Понимаю, но пока к этому разговору я не готова. И поэтому "строить дурочку" — лучшее, что я могу сделать в этой ситуации.

— Скоро будет звонок.

— Хорошо, не сейчас. Давай, я приеду после пар?

Какой же неугомонный он. И как теперь сдерживать его натиск? Какими правдами и неправдами?

— После пар иду в спортзал.

— Я так понимаю, время ещё не пришло.

О Боги, он понял! Серьёзно понял?

— Не пришло, — подтверждаю его слова.

— Хорошо, я подожду. — Женя встаёт.

— Жень, — окликаю его, когда он уже направляется в сторону универа.

— М?

— Зачем тебе это? Чего ты ждёшь от разговора?

Этот вопрос актуален. Мне нужно знать, на что он надеется. Вдруг, он просто хочет исповедоваться, а я тут ломаю голову о возможности нашего будущего...

— Ты нужна мне. — получилось слишком откровенно, глядя в глаза.

Холодок пробежал вдоль хребта, поднимая армию мурашек. Пульс участился, а влажный воздух стало ещё сложнее вдыхать. Он ждёт меня какого-то ответа? Да, наверно ждёт.

Кивок.

Ответила. Просто мастер выхода из неловких ситуаций. Женя натянуто улыбнулся и ушёл.

Выдохнуть я могла лишь, когда его фигура скрылась за дверьми универа.

Ну вот, все было не так уж плохо, кроме того, что я не могу разобраться в себе. И с каждым разговором с ним, дело все запутаннее.

Оставшийся день прошёл без конфузов. Скоро привыкну уже к спокойствию. Хотя... С моей — то удачей — привыкать не придётся.

Из универа вышла сама, Стася с Ильей укатили куда-то ещё после второй пары, откровенно забив на учебу.

— Павлин, — машинально обернулась на своё имя. Данияр шёл ко мне со стороны парковки. — Давай, подвезу? — предложил он, когда был уже достаточно близко.

— Не стоит, я дойду.

— Брось, это ничего не значит. По-дружески. И вообще, друзья друг от друга не шарахаются.

— Я не...

— Значит едем?

— Хорошо, — сдаюсь под напором Дана.

Мы идём к парковке. И когда до машины остаётся пару шагов, ещё одно громкое произношение моего имени заставляет меня остановиться.

И даже позвавшего меня я узнала сразу. Выдохнула, обернулась и ждала... Да, ничего не ждала! Не знаю чего вообще ожидать...

Самойлов шёл с грозным видом, не предвещавшего ничего хорошего.

— Только не провоцируй, — успела я попросить Дана, до того, как Женя подошёл.

— Паш, нам нужно поговорить, — ничего нового он не сказал.

— Сейчас?

— Да.

— Время не пришло, — напоминаю я.

— Не об этом.

— Тогда о чем? — не понимаю я.

— Может отойдём? — он кинул небрежный взгляд на Дана.

— Думаю, это ни к чему.

— Ладно, — пожал плечами Женя. — В общем, мне звонила мама, — он слегка замаялся, что крайне не свойственно ему. — Паш, тетя Люба... она...

— Что с ней? — цепляюсь в плечи к Жене, заставляя его смотреть на меня. — Что?!

— У неё сердечный приступ.

Оглашающая тишина. Он что-то говорит, к нам подходит Дан, но я не могу различить слов, все сливается в один поток шума.

У бабушки приступ. А она сейчас одна. Возможно, никого не было рядом, когда она... Мое тело словно пробивает током, от мысли...

— Пап, — Женя тряхнул меня за плечи, — позвони родителям.

— Да, точно, — отмираю я. Начинаю судорожно искать телефон по карманам. Нахожу в куртке и дрожащими руками пытаюсь набрать номер мамы. Удаётся не с первого раза, но все-таки удаётся.

— Да, Павлиночка, — мама отвечает почти сразу.

— Мам, бабушка в больнице, — дрожащим голосом выпаливаю я. Потом слезы подступают, дальше говорить я просто не могу.

Женя забирает у меня телефон, что-то объясняет маме, мое плечо сжимает рука, Дана.

— Поехали, — Женя убирает телефон и берет меня за руку.

— Куда?

— В больницу.

— Да, да, — киваю я. Потом вспоминаю о Дане. Он понимающе кивает.

Женя ведёт меня к машине, сажает меня на переднее сиденье, затем мы плавно выезжаем из парковки.

— Что сказала мама?

— Они скоро приедут. — отвечает Женя, не отводя глаз от дороги.

— Откуда ты узнал? — успокоившись начинаю задавать вопросы, всплывающие в голове.

— Мама позвонила. Это они с отцом отвезли тетю Любу в больницу.

Больше говорить ничего не хотелось. Хотелось поскорее увидеть бабушку и удостовериться, что с ней все хорошо.

Пока мы ехали, я успела миллион раз подумать о том, сколько раз я могла позвонить бабушке, сколько раз могла сказать, что люблю ее, сколько раз могла услышать ее ласкающее "пышечка".

Но почему-то не думала, что это так важно. Пока не ощутила, что могу в один миг лишиться всего.

А ведь, может, если бы я чаще звонила, то она бы рассказала о том, что болит сердце. Или то чувствует себя плохо. Хотя, бабушка ведь не стала бы жаловаться, но я бы итак все поняла. По голосу, по вздоху, по интонации. Поняла бы непременно. И может бы даже смогла убедить ее, что ей лучше приехать и пожить некоторое время у нас.

Я могла бы столько раз набрать ее номер, вместо того, чтоб читать, гулять или просто плакать в подушку. Могла, но не сделала. Посчитала, что впереди еще столько времени, отведенного на разговоры.

Только ведь, времени может оказаться не так много, как ты думаешь.

Судьба не благосклонна к людям, считающим, что у них в запасе целая жизнь.

Один день и того, с кого начинается твой день — может не стать. Будь это бабушка, родители, друзья — не важно. Важно то, что если когда-то это случится, то жалеть всю жизнь вы будете об одном: что не успели сказать то, что откладывали на завтра.

Дорога заняла почти три часа. Три часа молчания, нервных потираний ладоней, шумных

вздохов и подавления слез.

Женя припарковал машину недалеко от больницы. Шли мы так же безмолвно.

У входа нас встретила тетя Маша, крепко обняв меня, повела нас к палате.

— Не переживай, врач сказал, что все хорошо. Она поправится.

Кивнула. На большее меня не хватило. Хотя стоит поблагодарить, за то, что привезли ее в больницу, не бросили, но я не могу. Горло скованно слезами, порывавшимися то и дело выплеснуться наружу.

Мы присели на скамейку и стали ждать родителей и лечащего врача.

Тетя Маша что-то щебетала о том, какая она у нас молодец, что она скоро поправится, что вообще бабушка — эталон сильной и мудрой женщины.

Я кивала, особо не слушала, но не хотела показаться грубой.

Опустила взгляд, Женя держит меня за руку, поглаживая своим большим пальцем мои костяшки. Давно ли? Не знаю. Мне сейчас вообще кажется, что мое тело не принадлежит мне. Оно все натянуто, как гитарная струна.

Хоть они все и твердят, что все хорошо, мне нужно увидеть ее.

Нужно, чтоб сказать, что люблю ее.

Через полчаса приехали родители. Они были не такие растерянные, как я. Смогли поблагодарить Самойловых, добиться встречи с врачом, узнать какие лекарства нужны и все прочее. А я оставалась немым участником этой сцены.

Врач сказала, что можно навестить, но сейчас она спит. И нам обязательно сообщат, когда проснется.

В больнице находиться стало невыносимо. Стены сдавливали грудь, препятствуя вдоху. Всюду запах лекарств, от которых было не по себе. Хотелось выбежать, покинуть это помещение пропитанное духом болезней.

Но я должна поговорить с ней. Почему — то я чувствую себя очень виноватой.

Мы просидели около получаса, затем подошла медсестра и сообщила, что бабушка проснулась и можно на несколько минут зайти. Я заскочила первая, не давая никому даже возможности воспротивиться этому.

Бабушка лежала на кровати. Я не видела ее несколько месяцев, а она вдруг будто постарела лет на 10. Седые волосы стали еще пепельнее, кожа обесцветилась, ушел румянец с щек. Глаза не блестят, как всегда. От ее вида, сердце сжалось, как маленький ежик, почувствовавший опасность.

— Пышечка, — прохрипела она, увидев меня.

— Бабуль... — не спеша прошла к кровати и присела на край. Слова вдруг разбежались из головы. — как ты?

— Да, говорят еще поживу, а там кто знает, — она сделала попытку улыбнуться.

— Я знаю! Поживешь, ба! Точно поживешь! — слезы предательски сорвались с ресниц, падая на бабушкины руки.

— Ну, что за истерика? Все же хорошо, — она слегка коснулась моей руки, попыталась сжать ее, но видимо не хватило сил.

— Прости меня, бабуль. Прости, что не звонила, прости... Я люблю тебя. Очень люблю. — забыв про то, что ее просили не тревожить лишний раз, нагнулась и заключила ее в объятия. Не такие крепкий, как хотелось бы, но все же..

— Я тоже люблю тебя, пышечка. — бабушка коснулась моих волос, и стала слегка поглаживать их. — Я тут. И пока не собираюсь никуда уходить.

— Я боялась, что... Что не успею тебе это сказать, — снова всхлипы.

— Брось ты уже плакать, а то я промокну. — снова попытка улыбнуться. — Знаешь, все ситуации нам даны, чтоб мы поняли что-то. Ничего не дается в жизни просто так. Из всего нужно выносить урок. Думаю, эта ситуация тоже может помочь в чем-то.

— В чем?

— Ну, например, ты понимаешь, что все мы смертные. И теперь будешь чаще звонить своей старой бабушке.

— Буду, — виновато закивала я.

— И Алле бы тоже надо позвонить. Она знает сколько спрашивает о тебе...

Меня будто окатило холодной водой. Ведь я тоже очень часто вспоминаю о ней, жалею, что не попрощалась. Но просто не хватает смелости набрать номер. Боюсь, что будет осуждать, обижаться.

На минуту представила, что с ней может что-то случиться, а она так и не узнает, что стала моим лучшим летом.

— Эй, мы вообще-то тоже хотим навестить больную, — в дверях появляется папа.

Киваю, уступаю место им на кровати. Потом целую бабушку и выхожу.

Палата слишком маленькая, чтоб там было комфортно находиться всем.

Вся в мыслях выхожу во двор, сажусь на лавку и заглядываю в небо.

Иногда ответы на все вопросы приходят одним единственным случаем. Пусть даже и не самым приятным.

— Можно? — передо мной появляется Женя. Киваю, он садится рядом и тоже закидывает голову вверх. — Странная штука жизнь, да?

Киваю.

— Если бы у нас был пульт, способный перемотать время назад, было бы легче, не считаешь?

Кивок.

— Ты прекрасный слушатель, Паш.

— Знаю.

— И человек тоже прекрасный.

— Давно это понял?

— Вообще-то недавно, — улыбается.

— А до этого кем считал?

— У-у-у, уверена, что хочешь знать? Видите ли Павлина, там такие скачки, что я порой сам не понимал кем тебя считаю. Запутался.

— Давай распутаемся, — перевожу взгляд на него.

— Хорошо, — он уселся поудобнее. — Когда я увидел тебя на дороге, сразу понял, что ты не из наших. Слишком помпезно оделась, еще эта твоя красная шляпа. В общем, решил удостовериться, что прав. Подъехал, а ты меня...

— Отбрила, — помогаю я ему.

— Да. А вместе с этим разожгла во мне злость, усыпленную не так давно. Но я надеялся, что больше не увижу тебя. Молился, чтоб тебя унесла какая-нибудь ворона-великан.

— Добрый, — усмехнулась.

— А теперь представь мое удивление, когда самым званым гостем тети Любы, любимой внучкой и самым ожидаемым человеком в Ромашково становишься ты. Думаю, я

был близок к тому, чтоб тебя ненавидеть. Твое поведение, слова, взгляды, жесты — все кричало, что ты не такая. Я не мог вписать тебя в нашу жизнь.

— Поэтому решил выжить?

— Да, что-то типа того. Только более точнее — испытать. И, кстати, был приятно удивлен, когда вместо того, чтоб дуть свои прелестные губки и возмущаться, ты полезла на тарзанку.

— И я была удивлена. Дальше ты вдруг понял, что был слепым бараном?

— Нет, дальше я понял, что ты так же рьяно пытаешься доказать мне, что такая же как и мы, как и я тебе, что ты лишняя.

— И кто победил?

— Было поздно доказывать что-то, я уже начал влюбляться в тебя «не такую». - сердце пропустило удар. — Сопrotивлялся, отрицал, пытался объяснить себе, что это глупость и абсурд, но когда видел тебя, понимал, что это безнадега. Напился. Поцеловал. Думал, напугаю, скроешься из моего окружения, но ты сделала точно наоборот. Стала появляться везде. В мыслях, в сердце, да и наяву. В общем, я понял, что уже не смогу сделать шаг назад. Если бы не видел в твоих глазах взаимность, наверно бы просто попробовал пережить это лето, скрипя зубами. — он выдохнул. — Я правда старался держаться от тебя подальше. Насколько мог — держался.

— Я в это время старательно держалась как можно ближе.

— А тут ты победила. — он посмотрел на меня с грустью в глазах. — Тогда, я попросил маму узнать твой адрес городской, купил цветы, романтик, сука, — усмешка. — ехал четыре часа, собирался сказать тебе, что хочу поступить в твой универ, чтоб быть с тобой. Представляешь, собирался поехать за тобой, как жена декабриста. Когда приехал — понял, что забыл телефон. Стоял под забором, даже не надеялся, что увижу. Лучше бы сразу уехал. — снова шумный выдох. — Я знаю, что Артем рассказал тебе о... О моих бывших отношениях.

Кивок.

— То, что я увидел, один в один... Как и много лет назад. Я думал, что не смогу сдержаться. Хотелось выйти, разбить его рожу о капот машины. Хотелось взглянуть в твоих глаза.

— Лучше бы так и сделал, — еле слышно произношу.

— Ты не представляешь, каких усилий стоило просто нажать на педаль газа, а не на шепю этому ублюдку. Приехал домой, собрал в кучу все учебники и сжег. Не знаю, в чем провинились они, но стало легче. Потом Света, — он поморщился. — она пела о том, какая ты плохая. В этот момент, мне казалось правильным то, что я делаю. Я видел в окно, что ты выбегала из дома. Я хотел, чтоб тебе было так же больно.

Сердце по-моему вообще забыло, как нужно биться, а вдыхать воздух стало тяжело.

— Потом я понял, что даже изменившая ты — лучше чем кто-либо другой. Деньги я стал копить уже давно на учебу. И их хватило, чтоб оплатить год, снять квартиру и перебраться в город. Не знаю, чем я думал. Чего ждал? Не понятно.

— Приехал портить жизнь, — напоминаю я его главную версию.

— Да, какой там... Думаешь, будь это правдой, я бы не начал прямо с той минуты, как мы встретились?

— Ты ехал сюда, уверенный, что я изменила тебе?

— Да.

— И ты бы смог простить?

— Думаю, я простил ещё до того, как приехал. Как только понял, что... — он поднимает глаза на меня, — я люблю тебя. И я сделал огромную ошибку. Прости. Я понимаю, что вряд ли какие-то слова смогут оправдать меня, но, пожалуйста, дай мне шанс. Я правда не могу без тебя.

С трудом сглотнула ком, нарастающий в горле. Сердце ускорило темп, удары пульса отдавали эхом в голову. Минута молчания, кажется, затянулась на долгие часы.

— Я тоже люблю тебя, — выдыхаю я. С души падает огромный камень, который мешал мне жить уже долгое время.

Невзаимные чувства — это плохо. А невысказанные — ещё хуже. Женя притянул меня к себе, заключая меня в свои объятия. Утыкаюсь носом ему в шею. Родной запах заполняет мои лёгкие, и его не хочется выдыхать из себя.

В его руках мне хорошо. Мне спокойно и так тепло. Я хочу остановить время и наслаждаться этой минутой ещё долго-долго.

Женя слегка отстраняет меня от себя.

— Но желание прихлопнуть твоего друга ещё по — прежнему сильнее меня.

— Не стоит, — улыбаюсь. — ты верно сказал, что он только друг.

— Я скучал, Паш. Я так скучал, — он накрывает мои губы своими, и все чувства, которые я пыталась похоронить оживают вновь. С новой силой заставляют все внутри трепетать, ликовать и дрожать от волнения.

А я что? Я тоже скучала. Больше, чем могла представить и подумать.

Пыталась отметать эти мысли, не думать о том, что скучаю по глазам, по уверенным рукам, по крепким объятиям. Но не думать — не значит не скучать.

После того, как бабушка выписалась, Я все-таки уговорила ее переехать к нам хотя бы на пол годика. Конечно пришлось прибегнуть к нечестным методам: шантажу, вранью, слезам. Зато там мне стало спокойнее. Видеть ее каждый день и быть уверенной, что все хорошо.

Женя отвез меня в Ромашково, чтоб я собрала кое-какие вещи бабушке. Не зайти к Алле я не смогла. Оказывается, она совсем не злится на меня, а очень даже скучала и ждала звонка. Еще Алла больше не сохнет по Славику, а очень даже счастлива с Артемом. Чего я не могла ожидать совершенно.

С малышкой Кариной мне тоже удалось увидеться. И пришлось отвечать на ее не совсем детские вопросы по поводу: почему уехала? Почему не попрощалась? Почему Женя звал меня "стервой"? И кто же такие "стервы".

Все трое мы сошлись на том, что стервы — очень эмоциональные девочки, склонные к побегу без долгих прощаний.

Кстати, в Ромашково мы с Женей теперь наведываемся каждые выходные. Гостим у них пару дней, а потом опять на учебу.

Женя совмещает учебу с работой. Взял в аренду собственный автосервис и очень даже преуспевает в этом. Вот только мне приходилось попотеть, чтоб у такого нерадивого ученика не было проблем с успеваемостью. В машине ему нравится колупаться, а вот учиться — не очень. Но оставить меня одну в этом универе кишачем милыми парнями он не может, поэтому учиться ради диплома и нашего счастья.

С Данияром, Стасе и Ильей мы продолжаем общаться, как и общались. Скрипя зубами, но Женя позволяет мне проводить с ними время, иногда даже присоединяется сам. Пару раз даже было очень весело. Но напряжение в воздухе все-равно чувствуется. Думаю, все станет легче, когда у Дана появится девушка. Этим мы со Стасей уже активно занимаемся.

О наших отношениях родители узнали как-то сами собой. Никто ничего не рассказывал, но все были в курсе. Самое главное — не были против.

Наше лето мы больше не вспоминали. Оставили его прошлому всецело. Но если бы у меня спросили: хочу ли я его пережить еще раз, непременно бы ответила, что хочу. Ничего не меняя, оставляя все так как есть. Хочу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net